

БЕЛОРУССКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ЮРИДИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ
Кафедра государственного управления

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ НАУКИ АДМИНИСТРАТИВНОГО, ФИНАНСОВОГО И МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА

Материалы научного круглого стола

Минск, 10 апреля 2023 г.

Научное электронное издание

МИНСК, БГУ, 2023

ISBN 978-985-881-467-0

© БГУ, 2023

УДК 341(06)+342.9(06)+347.73(06)
ББК 67.401я431+67.402я431+67.91я431

Редакционная коллегия:
кандидат политических наук, доцент *В. С. Михайловский* (гл. ред.);
кандидат юридических наук, доцент *А. В. Шидловский*;
старший преподаватель *Н. М. Шевко*

Рецензенты:
кандидат юридических наук, доцент *Е. В. Семашко*;
кандидат юридических наук, доцент *О. Г. Станкевич*

Актуальные проблемы науки административного, финансового и международного права [Электронный ресурс] : материалы науч. круглого стола, Минск, 10 апр. 2023 г. / Белорус. гос. ун-т ; редкол.: В. С. Михайловский (гл. ред.), А. В. Шидловский, Н. М. Шевко. – Минск : БГУ, 2023. – 1 электрон. опт. диск (CD-ROM). – ISBN 978-985-881-467-0.

Представлены статьи ученых и молодых исследователей, посвященные различным аспектам административного, финансового и международного права. Издание приурочено к 8-летию кафедры государственного управления.

Минимальные системные требования:
PC, Pentium 4 или выше; RAM 1 Гб; Windows XP/7/10;
Adobe Acrobat

Оригинал-макет подготовлен в программе Microsoft Word

В авторской редакции

Ответственный за выпуск *В. С. Михайловский*

Подписано к использованию 05.06.2023. Объем 2,28 МБ

Белорусский государственный университет.
Управление редакционно-издательской работы.
Пр. Независимости, 4, 220030, Минск.
Телефон: (017) 259-70-70.
e-mail: urir@bsu.by
<http://elib.bsu.by>

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Авхадеев В.Р.</i> Правовой статус коренных народов Арктики: взаимосвязь международного права и национального законодательства Российской Федерации на рубеже XX-XXI веков.....	5
<i>Анисифорова М.В.</i> Критика нормативного содержания административно-правового запрета на пропаганду наркотических средств и психотропных веществ.....	14
<i>Анищенко А.И.</i> Международный коммерческий арбитраж в современных условиях....	18
<i>Валюшко-Орса Н.В.</i> К вопросу о целесообразности выделения международного миграционного права в отдельную подотрасль международного частного права.....	28
<i>Голощанов И.И.</i> Реализация правовых механизмов защиты национальных интересов Российской Федерации в условиях «санкционного» режима.....	33
<i>Ефименко Л.А.</i> Проблемы правового регулирования административной ответственности несовершеннолетних субъектов.....	41
<i>Каменков В.С.</i> Структура регулирования (Республиканский уровень) унеплатежеспособности в Республике Беларусь по новому закону.....	47
<i>Карамышев А.В.</i> Организационно-правовые аспекты управленческого взаимодействия органов местного управления и самоуправления в Беларуси.....	54
<i>Кононович Х.О.</i> Правовое регулирование венчурного инвестирования в Республике Беларусь: проблемы и пути развития.....	60
<i>Краснобаева Л.А.</i> К вопросу о механизме реализации субъективного права на получение публичной услуги.....	66
<i>Кришталь В.В.</i> Роль ООН в противодействии незаконной трансплантации органов и тканей человека.....	72
<i>Лопуть Н.А.</i> Открытость информации как возможность эффективного контроля бюджетных расходов на закупки.....	80
<i>Малаховский А.Р.</i> Проблемные аспекты реализации отдельных полномочий проверяющих при осуществлении контрольных мероприятий.....	85
<i>Минич С.А.</i> Основные принципы государственного регулирования научной деятельности.....	93
<i>Михайловский В.С., Шидловский А.В.</i> Послание Президента Республики Беларусь белорусскому народу и Национальному собранию: основания дальнейшей актуализации.....	100
<i>Михалева Т.Н.</i> Правовые основы интеграционного экономического развития в интересах повышения уровня жизни населения в ЕАЭС.....	105
<i>Мороз Н.О.</i> Негативное влияние применения кибер санкций на реализацию коллективного права на развитие.....	112
<i>Надточий В.Д.</i> Давность исполнения налогового обязательства в странах ЕАЭС.....	120
<i>Надточий М.Д.</i> Система рулингов как основа цифровой трансформации правоприменения.....	126
<i>Никитенко О.Г.</i> Реализация принципа эффективности в государственной гражданской службе: некоторые аспекты.....	131
<i>Никонова Н.Н.</i> Исполнение банками платежных требований взыскателей: правовая природа и некоторые проблемы правового регулирования.....	135
<i>Орса А.Е.</i> К вопросу о применении электронных средств связи в обеспечении исполнения гражданами воинской обязанности.....	141
<i>Пилипенко А.А.</i> Ограничения вмешательства государства в предпринимательскую деятельность.....	144

<i>Пилипенко Ар.А.</i> Соразмерность налогообложения: проблемы научного понимания и правоприменения.....	151
<i>Протасовицкий С.П.</i> Хозяйственная концепция финансов.....	158
<i>Рахимова М.А.</i> Новая Конституция: вопросы развития межгосударственного сотрудничества.....	164
<i>Рыбаключева О.З.</i> Соотношение государственной кадровой политики и кадровой политики в органах внутренних дел.....	171
<i>Телятицкая Т.В.</i> Зарубежный опыт борьбы с административными правонарушениями: сравнительно-правовой анализ.....	180
<i>Толочко О.Н.</i> Совершенствование права ЕАЭС в области внешней торговли.....	187
<i>Хашковский Н.В.</i> Введение в трансфертное ценообразование и проблема его определения в налоговом праве Республики Беларусь.....	194
<i>Хотько О.А.</i> Актуальные вопросы совершенствования права Евразийского экономического союза в контексте укрепления интеграции и координации развития транспортной инфраструктуры.....	200
<i>Шевко Н.М.</i> К вопросу о включении людей с инвалидностью в Повестку дня в области устойчивого развития на период до 2030 года.....	207
<i>Li Sen</i> Legal basis of antimonopoly regulation in Europe, North America, China and Eurasian Economic Union.....	213
<i>Liu Ying</i> National judicial precedent as a source of international economic law in states with continental law system.....	219
<i>Wang Xu</i> Regional economic cooperation between China and ASEAN based on the «One belt, one road» initiative.....	222

**ПРАВОВОЙ СТАТУС КОРЕННЫХ НАРОДОВ АРКТИКИ:
ВЗАИМОСВЯЗЬ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА И
НАЦИОНАЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РОССИЙСКОЙ
ФЕДЕРАЦИИ НА РУБЕЖЕ XX-XXI ВЕКОВ**

В.Р. Авхадеев

*Институт законодательства и сравнительного правоведения
при Правительстве Российской Федерации,
ул. Большая Черемушкинская 34, 117218, г. Москва, Российская Федерация,
vladislavavkhadeev@yandex.ru*

Правовой статус коренных малочисленных народов Российской Федерации, значительная часть которых проживает в Арктической зоне, начал складываться еще во времена СССР. Но формироваться во взаимосвязи международного права и национального законодательства он начал в связи с распадом СССР и становлением независимого государства – Российской Федерации. Если для последнего десятилетия XX века характерно интенсивное развитие правового статуса коренных малочисленных народов, что связано с процессами демократизации правовой системы Российской Федерации, то в наше время происходят обратные процессы: выход из международных организаций влечет за собой выход из соответствующих международных договоров. В этой связи необходимо принять меры для укрепления правового статуса коренных малочисленных народов.

Ключевые слова: правовой статус, правовая система, коренные народы, Арктика, Российская Федерация, международные договоры, законодательство.

**THE LEGAL STATUS OF THE INDIGENOUS PEOPLES OF THE
ARCTIC: THE RELATIONSHIP OF INTERNATIONAL LAW AND
THE NATIONAL LEGISLATION OF THE RUSSIAN FEDERATION AT
THE TURN OF THE XX-XXI CENTURIES**

V.R. Avkhadeev

*Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian
Federation, B. Cheremushkinskaya st. 34, 117218, Moscow, Russian Federation,
vladislavavkhadeev@yandex.ru*

The legal status of the indigenous peoples of the Russian Federation, a majority of whom live in the Arctic zone, began to take shape back in the days of the USSR. But it began to form in the relationship of international law and national legislation in connection with the collapse of the USSR and the formation of an independent state - the Russian Federation. If the last decade of the twentieth century is characterized by the intensive development of the legal status of indigenous peoples, which is associated with the processes of democratization

of the legal system of the Russian Federation, then in our time the reverse processes are taking place: withdrawal from international organizations entails withdrawal from the relevant international treaties. In this regard, it is necessary to take measures to strengthen the legal status of indigenous peoples.

Keywords: legal status, legal system, indigenous peoples, Arctic, Russian Federation, international treaties, legislation.

Во времена существования Союза Советских Социалистических Республик краеугольным камнем формирования и развития статуса коренных малочисленных народов был, прежде всего, регионализм. Данное обстоятельство было обусловлено тем, что из 15 союзных республик единственной, на территории которой расположена Арктическая зона, была Российская Советская Федеративная Социалистическая. Соответственно, наибольшее количество нормативных и иных правовых актов, регулирующих правовой статус коренных малочисленных народов Арктики, было принято именно органами законодательной и исполнительной власти РСФСР.

Правовое регулирование статуса коренных народов Арктики осуществлялось лишь на фрагментарном уровне и сводилось, главным образом, к регулированию вопросов деятельности в рамках отраслей народного хозяйства, в которых традиционно заняты представители коренных народов данного региона. К числу таких нормативных и иных правовых актов следует, прежде всего, отнести следующие: Положение об охотничьем хозяйстве РСФСР, утвержденное Постановлением ВЦИК и СНК от 10 февраля 1930 г., Постановление Совета Министров РСФСР от 11 апреля 1958 г. «О мерах по улучшению состояния охотничьего хозяйства РСФСР», Постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 6 января 1942 г. «О развитии рыбных промыслов в бассейнах рек Сибири и на Дальнем Востоке», Постановление Совета РСФСР от 3 февраля 1964 г. «О мерах по дальнейшему увеличению производства пушнины в звероводческих хозяйствах потребительской кооперации для экспорта», Постановление Совета Министров РСФСР от 6 сентября 1958 г. «О мерах по дальнейшему развитию северного оленеводства», Постановление Совета Министров РСФСР от 30 октября 1962 г. «О порядке отстрела диких северных оленей», Постановление Совета Министров РСФСР от 26 октября 1957 г. «О мерах по улучшению использования кедровых насаждений, развитию промыслов и увеличению заготовок кедровых орехов, пушнины, боровой дичи и дикорастущих ягод в таежных районах Сибири, Дальнего Востока и Севера европейской части РСФСР», а также ряд иных документов хозяйственно-правового характера. Соответственно, на основании анализа представленных нормативных и иных правовых

актов можно сделать вывод о подзаконном характере регулирования отношений, касающихся вопросов жизни и деятельности коренных малочисленных народов РСФСР [1, с. 24]. В этой связи особенно важно заметить, что даже на подзаконном уровне непосредственно права коренных народов Арктики никоим образом не регулировались в тот период времени.

В период существования СССР хозяйственная жизнь народов Арктики была нарушена в ходе интенсивного промышленного освоения их территорий вне всякой зависимости от наличия или отсутствия территориальной автономии у того или иного этноса. Стали невозможными или крайне затруднительными традиционные формы хозяйствования. Помимо этого была разрушена или сильно деформирована природная среда, с которой они теснейшим образом связаны. В новых отраслях производства народы Севера не смогли найти себе места [1, с. 24].

Ситуация начала меняться ближе к концу XX столетия. Данное обстоятельство неразрывно связано с демократическими преобразованиями в СССР: новый этап жизни общества охарактеризовал собой, прежде всего, переход правового приоритета – от государства к человеку. Именно в этот период времени, именуемый Перестройкой, началась активизация прав человека в законодательстве СССР и союзных республик, включая право на национально-культурную и духовную идентичность. Именно в этот период времени началось возрождение национальных культур, восстановление храмов, разрушенных в период воинствующего атеизма, и, самое главное, люди получили право и возможность создавать национально-культурные объединения, религиозные общины, просветительские общества и другие формы выражения культурной идентичности. Появилась реальная возможность возродить и осуществлять традиционный образ жизни для коренных народов при минимальном вмешательстве государства. Несколько десятилетий разрушительного воздействия советской власти на жизнь общин коренных народов Арктики, а также интенсивного вмешательства в окружающую их природную среду постепенно сменялось возрождением и развитием традиционного образа жизни и ведения хозяйства. С момента образования суверенного демократического государства Российской Федерации начались демократические преобразования во многих сферах жизни страны, включая экономическую, экологическую и духовную составляющие. Во многом это отразилось и на коренных малочисленных народах, ведущих традиционный образ жизни: традиционные отрасли хозяйства, охрана окружающей природной среды в местах традиционного проживания, а также этническая идентификация и развитие национального самосознания и культуры нуждались в соответствующих средствах правового ре-

гулирования – нормативных и иных правовых актах, а также в механизме обеспечения их исполнения.

Демократические преобразования в Российской Федерации, а также становление гарантий прав и свобод человека стали реальностью, во многом благодаря Конституции 1993 года, в которой не только права и свободы человека были признаны высшей ценностью, но также были закреплены гарантии прав соблюдения именно коренных малочисленных народов, сохранения этнокультурного и языкового многообразия. И во многом развитию правового статуса, а следовательно, правосознания коренных народов способствовало именно международное право.

Прежде всего необходимо обратить внимание на особое место международного права в правовой системе Российской Федерации. В соответствии с положениями части 4 статьи 15 Конституции Российской Федерации 1993 года, общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации являются составной частью ее правовой системы. При этом особо оговаривается, что если международным договором Российской Федерации установлены иные правила, чем предусмотренные законом, то применяются правила международного договора.

Важно обратить внимание на то, что именно в силу особого правового статуса международных договоров в правовой системе Российской Федерации прослеживается взаимосвязь между национальным законодательством и международными договорами.

Основным источником обязанности для государства-члена ООН соблюдать права человека является Устав ООН 1945 года, в соответствии с положениями пункта 3 статьи 1 которого, одной из целей, которые преследует ООН является осуществление международного сотрудничества в разрешении международных проблем экономического, социального, культурного и гуманитарного характера и в поощрении и развитии уважения к правам человека и основным свободам для всех, без различия расы, пола, языка и религии. Первым документом, принятым в ООН по вопросам прав человека, стала Всеобщая декларация прав человека 1948 года.

В дальнейшем, в рамках ООН регулирование прав человека произошел переход от декларативных источников международного права к обязательным международным договорам. В 1965 году была принята Международной конвенции о ликвидации всех форм расовой дискриминации, а в 1966 году – международные пакты «О гражданских и политических правах», а также «Об экономических, социальных и культурных правах», в соответствии которыми предусмотрено право на самоопределение для всех народов. Данные международные договоры были заключены еще во вре-

мена СССР, и в последующем оказали значительное влияние на формирование законодательства Российской Федерации в области прав человека, включая статус коренных народов.

Международные договоры универсального характера, предметом правового регулирования коренных является статус коренных малочисленных народов были приняты в рамках Международной организации труда. К ним следует отнести, прежде всего, Конвенцию № 107 «О защите и интеграции коренного и другого населения, ведущего племенной и полуплеменной образ жизни, в независимых странах» 1957 г. и Конвенцию № 169 «О коренных народах и народах, ведущих племенной образ жизни в независимых странах» 1989 г. Конвенция № 169 была заключена в 1989 году в целях усовершенствования положений Конвенции № 107. Ни один из этих международных договоров не был ратифицирован ни во времена СССР, ни в Российской Федерации.

Ситуация коренным образом изменилась в связи со вступлением Российской Федерации в Совет Европы. 18 июня 1998 года Российская Федерация ратифицировала Рамочную конвенцию о защите национальных меньшинств от 1 февраля 1995 года, подписанную от имени Российской Федерации в городе Страсбурге 28 февраля 1996 года. Имплементация в национальное законодательство Российской Федерации данной конвенции дала импульс формированию специализированного законодательства по вопросам прав коренных малочисленных народов.

После вступления в 1996 году Российской Федерации в Совет Европы приняты федеральные законы, которые определили статус коренных малочисленных народов. Прежде всего, это федеральные законы: «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации» 1999 года, «Об общих принципах организации общин коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации» 2000 года, «О территориях традиционного природопользования коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации» 2001 года. Большинство из них отражают специфику правового регулирования статуса коренных малочисленных народов Арктики, учитывая при этом положения многих международных договоров в сфере прав человека, в том числе и в части защиты прав национальных меньшинств, а также коренных народов, ведущих традиционный образ жизни. В этой связи важно заметить, что поддержка коренных малочисленных народов в части сохранения их самобытного уклада жизни и защиты интересов при освоении арктических территорий обеспечивает поддержание гармоничных межнациональных отношений в субъектах Российской Федерации, входящих в Арктический регион [4, с. 88].

Организационно-институциональные особенности правового статуса коренных малочисленных народов были закреплены также и в части первой Гражданского кодекса Российской Федерации. В соответствии с пунктом 6 части 3 статьи 50 ГК РФ, юридические лица, являющиеся некоммерческими организациями, могут создаваться в такой организационно-правовой форме, как общины коренных малочисленных народов Российской Федерации. Статья 123.16 ГК РФ детально регламентирует основные юридические характеристики общины коренных малочисленных народов Российской Федерации: в соответствии с положениями части 1 данной статьи, общинами коренных малочисленных народов России признаются добровольные объединения граждан, относящихся к коренным малочисленным народам Российской Федерации и объединившихся по кровнородственному и (или) территориально-соседскому признаку в целях защиты исконной среды обитания, сохранения и развития традиционных образа жизни, хозяйствования, промыслов и культуры.

В 2020 году укрепление правового статуса коренных малочисленных народов было осуществлено на более высшем уровне правового регулирования – были внесены соответствующие поправки в Конституцию Российской Федерации. Если в предыдущей редакции (до внесения поправок в Конституцию Российской Федерации 1993 года Законом РФ о поправке к Конституции РФ от 14.03.2020 № 1-ФКЗ.) статья 69 Конституции РФ закрепляла гарантию коренных малочисленных народов в соответствии с общепризнанными принципами и нормами международного права, а также международными договорами Российской Федерации, то уже в действующей редакции Конституция РФ 1993 г. дополнена нормой о защите со стороны государства социальных и культурных прав этнических общностей. В соответствии с данными конституционными поправками был расширен предмет регулирования ст. 69 Конституции РФ [10, с. 49]. Во многом развитию правового регулирования статуса коренных малочисленных народов России способствовало участие Российской Федерации в международных договорах, в особенности это касается единственного международного договора, который направлен на регулирование статуса коренных малочисленных народов – Рамочной конвенции о защите национальных меньшинств 1995 года.

Начавшийся в 2022 году процесс выхода Российской Федерации из Совета Европы сопровождается также выходом государства из международных договоров, которые были заключены в рамках данного интеграционного объединения. В настоящее время Российская Федерация находится в процессе выхода из состава государств-участников Рамочной конвенции о защите национальных меньшинств 1995 года. В иных договорах, предметом правового регулирования которых является правовой статус коренных

малочисленных народов, Россия не участвует. В этой связи необходимо поставить вопрос о присоединении Российской Федерации к новому международному договору.

Вопрос о присоединении Российской Федерации к Конвенции № 169 «О коренных народах и народах, ведущих племенной образ жизни в независимых странах» 1989 г. уже ранее обсуждался на высшем государственном уровне. 22 ноября 1994 года по инициативе депутата Государственной Думы К.Д. Аракчаа в Государственной Думе состоялись парламентские слушания по вопросу о ратификации Конвенции № 169 Международной организации труда «О коренных народах и народах, ведущих племенной образ жизни в независимых странах». Слушания были организованы Комитетом Государственной Думы по делам национальностей.

В слушаниях приняли участие депутаты Совета Федерации и Государственной Думы Федерального Собрания – парламента Российской Федерации, представители коренных народов России, Администрации Президента Российской Федерации, законодательных и исполнительных органов власти субъектов Российской Федерации, министерств и ведомств, Международной организации труда, Нью-Йоркского центра ООН по правам человека, представители политических партий, общественных организаций и движений, ученые.

По результатам парламентских слушаний был сделан вывод о том, что Конвенция № 169 МОТ, принятая в 1989 году, отвечает гуманистическим и демократическим принципам Конституции Российской Федерации 1993 года, обеспечивает на уровне международных стандартов права и интересы коренных народов, в том числе малочисленных, позволяет им контролировать общественное и культурное развитие. Как показали парламентские слушания, подавляющее большинство субъектов Российской Федерации высказалось за присоединение России к Конвенции № 169 МОТ и за ее ратификацию в парламенте [8, с. 2]. Ратификация данной Конвенции была также поддержана Институтом законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации [8, с. 104]. И в итоге, несмотря на правовые позиции высших органов государственной власти Российской Федерации, Конвенция МОТ № 169 по совершенно непонятным причинам не была ратифицирована. Необходимо возобновить процесс ратификации данной конвенции в целях обеспечения прав и законных интересов коренных малочисленных народов Российской Федерации, которые гарантированы им на международном универсально-правовом уровне.

Среди всех источников международного права на сегодняшний день только один, а именно Конвенция МОТ № 169 носит обязательный характер для ратифицировавших ее государств и является всеобъемлющим до-

кументом по охвату основных прав коренных народов. До конца не разработанными остаются основные права, на которые претендуют эти народы – «право на землю» и «право на самоуправление». Сохраняются проблемы коренных народов и в других сферах. Все это подталкивает международное сообщество и дальше заниматься международным развитием прав коренных народов [2, с. 191 – 192].

Таким образом, для Российской Федерации представляется целесообразной не только ратификация Конвенции МОТ № 169, но также и разработка специального международного договора, направленного на регулирование статуса, а следовательно, и укрепление международно-правовой защиты прав и законных интересов коренных жителей Арктики, о чем говорилось в концепции развития Арктического права, которая была разработана коллективом ученых Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации еще в 2014 году [3, с. 27].

Принятие Российской Федерацией на себя обязательств по действующему многостороннему международному договору, регулиющему правовой статус коренных малочисленных народов, а также разработка нового, регионального международного договора, направленного на защиту прав и законных интересов коренных малочисленных народов именно Арктического региона, позволит России реализовать свои функции как демократическое федеративное правовое государство, а также обязанность по признанию, соблюдению и защите прав и свобод человека и гражданина.

Библиографические ссылки

1. Агаларханова А.Н. Национальная политика Российской Империи и Советской России в отношении коренных Малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока // Гуманитарные исследования в восточной Сибири и на дальнем востоке. № 6. 2013.
2. Андриченко Л. В. Регулирование и защита прав национальных меньшинств и коренных малочисленных народов в Российской Федерации : диссертация ... доктора юридических наук : 12.00.02. - Москва, 2005.
3. Арктическое право: концепция развития / А.И. Абрамова, В.Р. Авхадеев, Л.В. Андриченко и др.; отв. ред. Т.Я. Хабриева; Институт законодательства и сравнительного правоведения при правительстве российской Федерации. М.: ИД «Юриспруденция», 2014.
4. Васильева Л.Н. Межнациональные отношения в системе правового регулирования развития территорий Арктики // Российская Арктика – территория права: альманах. Выпуск IV. Сохранение и устойчивое развитие Арктики. Правовое регулирование пространственного развития арктических территорий Российской Федерации (на примере Ямало-Ненецкого автономного округа) / Т.Я. Хабриева, Д.Н. Кобылкин, Л.В. Андриченко и др.; отв. ред. С.А. Боголюбов, В.П. Емельянец. М.: Институт законода-

тельства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации; Салехард: Правительство Ямало-Ненецкого автономного округа, 2017. С. 88.

5. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 16.04.2022) // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.

Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020 // Российская газета. № 144. 2020. 4 июля.

6. Международное публичное право. Сборник документов. Т. 1.М.: БЕК, 1996. С. 1-2, 227-237, 401-404.

7. О ратификации Конвенции № 169 Международной организации труда «О коренных народах и народах, ведущих племенной образ жизни в независимых странах» : Материалы парламентских слушаний 22 ноября 1994 г. / Отв. за вып. К.Д. Аракчаа ; Федеральное Собрание РФ. Москва : Известия, 1995.

8. О ратификации Рамочной конвенции о защите национальных меньшинств: федеральный закон от 18.06.1998 № 84-ФЗ // Собрание законодательства РФ.1998. Ст. 2833.

9. Хабриева Т.Я., Клишас А.А. Тематический комментарий к Закону Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти » / Т.Я. Хабриева, А.А. Клишас. Москва: Норма : ИНФРА-М, 2020.

КРИТИКА НОРМАТИВНОГО СОДЕРЖАНИЯ АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВОГО ЗАПРЕТА НА ПРОПАГАНДУ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ И ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ

М.В. Анисифорова

*Всероссийский научно-исследовательский институт
Министерства внутренних дел Российской Федерации,
ул. Поварская 25, 121069, г. Москва, Российская Федерация, maribuchneva@mail.ru*

Анализируется и подвергается критике нормативное содержание административно-правового запрета пропаганды наркотических средств и психотропных веществ, установленного в ч. 1-3 ст. 46 Федерального закона от 8 января 1998 г. № 3-ФЗ «О наркотических средствах и психотропных веществах». На этом основании обосновывается социальная и правовая потребность закрепления соответствующей дефиниции в законе либо установления точных критериев для отнесения информации о наркотиках к запрещенной.

Ключевые слова: наркотические средства и психотропные вещества; административно-правовой запрет пропаганды наркотиков; административная ответственность; статья 6.13 Кодекса РФ об административных правонарушениях.

CRITICISM OF THE NORMATIVE CONTENT OF THE ADMINISTRATIVE AND LEGAL BAN ON THE PROMOTION OF NARCOTIC DRUGS AND PSYCHOTROPIC SUBSTANCES

M.V. Anisiforova

*All-Russian Research Institute
Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation,
25 Povarskaya str., 121069, Moscow, Russian Federation*

The normative content of the administrative and legal prohibition of propaganda of narcotic drugs and psychotropic substances, established in Parts 1-3 of Article 46 of Federal Law No. 3-FZ of January 8, 1998 "On Narcotic drugs and psychotropic substances", is analyzed and criticized. On this basis, the social and legal need to consolidate the relevant definition in the law or establish precise criteria for classifying drug information as prohibited is justified.

Keywords: narcotic drugs and psychotropic substances; administrative and legal prohibition of drug propaganda; administrative responsibility; article 6.13 of the Code of Administrative Offences of the Russian Federation

Научный и практический интерес к определению содержания нормативно установленного запрета пропаганды наркотических средств и психотропных веществ обуславливается рядом обстоятельств. Первое касается отсутствия легализованной в базовом антинаркотическом законе дефиниции «пропаганда наркотических средств и психотропных веществ» в условиях широкого применения мер административной ответственности за нарушения указанного запрета. Второе состоит в количественном преобладании в этой области правовых запретов в сравнении с правовыми ограничениями. Третье заключается в не вполне очевидной квалификационной «обособляемости» пропаганды от имеющихся в законе и доктрине сходных явлений, таких как подстрекательство, побуждение, склонение, манипулирование, вовлечение, публичный призыв, дезинформация («фейк» - новости) и т.п. [1, с. 65]

Запрет на пропагандирование наркотиков установлен ст. 46 Федерального закона от 8 января 1998 г. № 3-ФЗ «О наркотических средствах и психотропных веществах», а правовая норма о недопущении рекламирования наркотиков содержится в п. 2 ст. 7 Федерального закона от 13 марта 2006 г. № 38-ФЗ «О рекламе». Дублирует положения указанных норм абз. 3 ст. 4 Закона Российской Федерации от 27 декабря 1991 г. № 2124-1 «О средствах массовой информации». Долгое время механизмы для реализации запретительных статей отсутствовали, а за нарушение указанных предписаний не следовало применение мер административной или иной юридической ответственности. Ситуация разрешилась с принятием Кодекса РФ об административных правонарушениях и введением в действие ст. 6.13, устанавливающей административную ответственность за соответствующие деяния [2, с. 103-104].

При этом нормативная дефиниция «пропаганда наркотических средств и психотропных веществ» не имеет прямого выражения в тексте антинаркотического закона. О ней можно судить исходя из содержания нормы трехчастной ст. 46 «Запрещение пропаганды в сфере оборота наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, новых потенциально опасных психоактивных веществ и в сфере культивирования наркосодержащих растений». Так, из ч. 1 следует, что пропаганда наркотиков может осуществляться посредством распространения сведений о способах, методах разработки, изготовления и использования наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, новых потенциально опасных психоактивных веществ, местах их приобретения, способах и местах культивирования наркосодержащих растений (в том числе посредством использования информационно-телекоммуникационных сетей), производства и распространения книжной продукции, продукции средств массовой информации, а также совершения иных действий в этих целях.

В следующей ч. 2 указанной статьи одним из вариантов запрещенных и относящихся к пропаганде деяний признается распространение сведений о преимуществах использования отдельных наркотиков, включая использование в медицинских целях наркотических средств, психотропных веществ, новых потенциально опасных психоактивных веществ, наркосодержащих растений, подавляющих волю человека либо отрицательно влияющих на его психическое или физическое здоровье, а согласно ч. 3 – распространение образцов лекарственных средств, содержащих наркотические средства или психотропные вещества.

По сути, такой способ изложения правил запрета пропагандирования – через перечисление способов пропаганды – опосредован желанием приблизить нормативное предписание к конкретным реалиям жизни и предусмотреть все возможные варианты нуждающихся в административно-деликтной квалификации деяний в этой сфере.

Однако сама задумка кажется не вполне удачной и не только в контексте конкретной дефиниции, поскольку даже самая совершенная правовая норма не способна учесть все нюансы практических правовых ситуаций, включая те случаи, которые по своей природе и юридической сути должны охраняться правоприменителем в административно-правовом порядке.

Реально это выглядит таким образом, что при рассмотрении вопроса о квалификации конкретного деяния лица (гражданина или организации) в качестве пропаганды наркотиков, должностное лицо органа исполнительной власти, а в дальнейшем судья, должны обнаружить соответствие квалифицируемого деяния букве закона – тем способам и приемам пропаганды, что в нем непосредственно предусматриваются. В противном случае (несмотря на то, что правовая норма в отношении способов и приемов распространения конкретной информации носит не исчерпывающий характер) правоприменителю остается не ясным, что еще, помимо указанных видов деятельности, считать пропагандой и в качестве таковой квалифицировать. Подобная ситуация, разумеется, объективна нежелательна в отношении случаев пропаганды наркотиков и их преимуществ, поскольку пропаганда наркотиков – явление гораздо более сложное, а ее содержание в реальности шире обстоятельств, предусмотренных ст. 46 базового антинаркотического закона.

Обнаруженный пробел нормативного содержания административно-правового запрета пропаганды наркотиков влияет в конечном итоге на качество юрисдикционной деятельности, ее эффективность, и, как следствие, – может негативно отразиться на соблюдении прав и свобод граждан и их объединений, привести к нарушению их законных интересов. С этим в основном связывается и значительное число дел об административных пра-

вонарушениях по данной категории, возвращаемых судьями для устранения недостатков протоколов (по п. 4 ч. 1 ст. 29.4 Кодекса РФ об административных правонарушениях), а также большое количество случаев прекращения юрисдикционного производства и освобождения от административной ответственности по ч. 1, 1.1 и 2 ст. 6.13 Кодекса РФ об административных правонарушениях.

Стоит отметить, что большинство сформулированных доктринальных и законопроектных определений «пропаганды наркотических средств и психотропных веществ» являются неполными, то есть не учитывают всего набора существенных для этого явления признаков. В каких-то случаях предлагающие, вслед за законодателем, идут по пути перечисления возможных признаков, в других – выделяют какой-то один главный атрибут, в-третьих – обобщают составные части определяемого явления. Причем часть из таких определений приводит к расширительной трактовке пропаганды наркотиков, а другая, напротив, к ограничительной. Очевидно, что оба варианта недопустимы, а новая дефиниция должна недвусмысленно и полно определить весь набор специфических характеристик пропаганды наркотиков.

Иначе говоря, запрет и административно-правовое преследование пропаганды наркотиков требуют установления в законе соответствующей конкретно-определенной дефиниции либо точных критериев для отнесения информации о наркотиках к запрещаемой и квалификации случаев ее распространения в качестве пропаганды.

Библиографические ссылки

1. Анисифорова М.В. Административно-правовое обеспечение запрета пропаганды наркотиков в России и за рубежом: монография / М.В. Анисифорова. – Москва: Проспект, 2022.

2. Анисифорова М.В. Неочевидные формы пропаганды наркотиков в молодежной среде и административно-правовые средства противодействия им // Научный портал МВД России. – 2021. – № 1 (53).

МЕЖДУНАРОДНЫЙ КОММЕРЧЕСКИЙ АРБИТРАЖ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

А.И. Анищенко

*Белорусский государственный университет,
ул. Ленинградская 8, 220030, г. Минск, Беларусь, 6210801@gmail.com
ИООО «Сорайнен и партнеры»,
ул. Интернациональная 36-1, 220030, г. Минск, Беларусь,
alexey.anischenko@sorainen.com*

В статье рассматриваются актуальные тенденции в области международного коммерческого арбитража, в частности последствия пандемии и спровоцированной ей цифровизации, а также влияние санкций (односторонних ограничительных мер) на ведение международных арбитражных разбирательств с участием отечественных субъектов хозяйствования всех форм собственности. Автором предлагается актуализировать отечественное законодательство о международном коммерческом арбитраже для его адаптации к современным реалиям.

Ключевые слова: международный коммерческий арбитраж; санкции; информационные технологии; дистанционные слушания; компетенция арбитражного суда; письменная форма арбитражного соглашения.

INTERNATIONAL COMMERCIAL ARBITRATION IN MODERN CONDITIONS

A.I. Anischenko

*Belarusian State University, Leningradskaya st. 8, 220030
Minsk, Belarus, 6210801@gmail.com
Sorainen and partners FLLC, Internatsionalnaya str. 36-1, 220030
Minsk, Belarus, alexey.anischenko@sorainen.com*

This article outlines recent trends in the area of international commercial arbitration, in particular, the consequences of the pandemic and digitalisation provoked thereby, as well as the impact of sanctions (unilateral restrictive measures) on the conduct of international arbitral proceedings with domestic businesses of all forms of ownership. The author proposes to update the domestic legislation on international commercial arbitration so as to adapt it to modern realities.

Keywords: international commercial arbitration; sanctions; information technology; remote hearings; jurisdiction of the arbitral tribunal; written form of the arbitration agreement.

Пандемия COVID-19, современные геополитические реалии, беспрецедентное санкционное давление на ряд государств, включая Республику Беларусь, повлекшее разрушение устоявшихся логистических цепочек и «паралич» международных расчетов – лишь некоторые из вызовов, подвергших международное право и национальные правовые системы испытанию на «прочность».

Международный коммерческий арбитраж не стал исключением. Оставаясь наиболее востребованным способом разрешения международных коммерческих споров, этот важнейший для обеспечения стабильности международной торговли правовой институт вынужден адаптироваться к новым условиям своего существования. Начавшаяся несколько лет назад на фоне ускорения развития информационных технологий и способов коммуникации «модернизация» арбитража выходит на качественно новый уровень. Обновляется национальное арбитражное законодательство, ведущие арбитражные институты регулярно адаптируют свои регламенты к актуальным требованиям, включая необходимость обеспечения эффективного дистанционного и «безбумажного» администрирования дел, повышения транспарентности, особенно в контексте набирающего популярность финансирования арбитража третьими лицами (*third-party funding*), защиты персональных данных и т. п. Эти постоянные изменения многократно усложняют решение задачи по обеспечению эффективной защиты своих коммерческих интересов правовыми средствами, стоящей перед каждым участником внешнеторговой деятельности, оказавшимся в конфликтной ситуации ввиду недобросовестности контрагента или объективных экономических и (или) политических реалий. Если еще несколько лет назад автору – практикующему арбитру и юридическому советнику – нередко приходилось сталкиваться с недооценкой важности и сложности эффективного юридического представительства в международном коммерческом арбитраже со стороны белорусских предприятий, пострадавших от недобросовестности зарубежных партнеров, то в последнее время все чаще приходится видеть пессимизм и даже обреченность в отношении возможности защитить свои права и интересы за пределами Республики Беларусь.

В настоящей статье кратко рассмотрено воздействие на международный коммерческий арбитраж двух основных «сил», которые, на наш взгляд, оказывают наиболее значительное влияние на формирование современной системы разрешения международных коммерческих споров: ускоряющейся цифровизации и санкционного давления, а также предложены направления актуализации отечественного законодательства о международном коммерческом арбитраже с целью его адаптации под современные реалии и обеспечения оптимальных юридических условий для за-

щиты нарушенных прав и законных интересов белорусского внешнеторгового бизнеса.

В 2021 году Лондонский университет королевы Марии опубликовал результаты опроса, показавшие, что 79% респондентов, в случае невозможности проведения слушания физически, предпочли бы продолжить слушание виртуально, и лишь 16% бы отложили слушание до тех пор, пока оно не будет проведено физически [1, с. 20].

Устойчивое предпочтение участников арбитражного разбирательства к проведению слушаний дистанционно также отражается на практике арбитражных институтов. По статистике за 2022 год, опубликованной Гонконгским международным арбитражным центром (HKIAC), из 93 слушаний, проведенных HKIAC, 75 были полностью или частично проведены виртуально [2].

Отечественными международными арбитражными (третейскими) судами также обеспечиваются условия для дистанционного разбирательства дел. Так, ст. 18 и 28 Регламента Международного арбитражного (третейского) суда «Палата арбитров при Союзе юристов» прямо предусматривают возможность проводить устные слушания, включая опрос свидетелей, *«с использованием видеоконференцсвязи или иных программ, технических средств в режиме реального времени»* [3]. Регламент Международного арбитражного суда при БелТПП специальных предписаний на этот счет не содержит, поскольку в последний раз был изменен еще в 2017 году, когда об онлайн-слушаниях никто всерьез не говорил. Однако практически с самого начала пандемии сторонам была предоставлена (причем без дополнительной оплаты) возможность дистанционного участия в устных слушаниях. Президиумом Международного арбитражного суда при БелТПП было принято Постановление № 5 от 02.04.2020, п. 4 которого позволяет составу суда рассмотреть дело с использованием систем видеоконференцсвязи, если для этого имеется техническая возможность [4]. Ко второй половине 2021 года Международный арбитражный суд при БелТПП уже провел более сотни судебных заседаний в данном режиме [5]. Исходя из практики автора, использование сначала платформы Microsoft Teams, а затем Zoom для обеспечения онлайн-доступа сторон и арбитров к слушаниям, обеспечивает необходимые и достаточные условия для эффективного дистанционного разбирательства дела.

В то же время последствия пандемии и стремительное развитие информационных технологий не ограничиваются «переводом» устных слушаний в полностью дистанционный или «гибридный» формат. Облачные технологии, Web 3.0, метавселенная, блокчейн, смарт-контракты, ChatGPT и прочие проявления ускоряющейся цифровизации обостряют необходимость быстрого приспособления к данному процессу как экономики, так и

законодательства, правоприменительной практики, в особенности применительно и к стратегическим (обеспечение доступа к правосудию, защиты персональных данных), и к практическим («безбумажный» документооборот, критерии соблюдения письменной формы арбитражного соглашения, подписание арбитражного решения электронными средствами и т. п.) вопросам.

При этом было бы неверным и даже наивным полагать, что столь активное внедрение цифровых технологий в международный арбитражный (а равно и в национальный судебный) процесс помимо очевидных плюсов, которые преимущественно сводятся к повышению экономичности и эффективности процесса, лишено недостатков. Цифровая среда создает практически неограниченные возможности для разного рода манипуляций, недобросовестного поведения участников арбитражного разбирательства, а развитие технологий машинного обучения и искусственного интеллекта создает угрозу «дегуманизации» разрешения споров и сокращения рабочих мест для юристов, секретарей, переводчиков и других вовлеченных в судопроизводство специальностей, вплоть до арбитров и судей, лишь немногие из которых обладают знаниями и навыками, позволяющими в полной мере воспользоваться преимуществами цифровизации и соответствовать ожиданиям сторон. По мнению П. Новачика, «мы теряем опыт многих арбитров, которые не могут справиться с новой действительностью» [6].

Как справедливо отмечает Председатель Верховного Суда Республики Беларусь В. О. Сукало, *«разумное внедрение электронного судопроизводства делает правосудие экономичным, современным, оно сокращает и даже упраздняет многие наши устаревшие процедуры. Но все-таки здесь должны быть и свои пределы»* [7]. Представляется, что такие пределы для конкретной правовой и судебной системы на соответствующем этапе ее эволюции должны определяться, прежде всего, национальными процессуальными и арбитражными законами, а затем конкретизироваться в подзаконных актах, а применительно к международному коммерческому арбитражу – также в регламентах арбитражных учреждений и т. н. нормах «мягкого права»: правилах, инструкциях, рекомендациях и т. п. Например, Руководство Международной торговой палаты по возможным мерам, направленным на смягчение последствий пандемии COVID-19, Сеульский протокол о видеоконференциях в международном арбитраже (2020 г.), Отчет Арбитражной комиссии Международной торговой палаты «Использование технологий для справедливого, эффективного и результативного международного арбитражного разбирательства» (2022 г.). В качестве базового ориентира в процессе работы над такими изменениями отечественный законодатель вполне может отталкиваться от обновленной в 2006 году редакции Типового закона ЮНСИТРАЛ о международном торговом ар-

битраже 1985 года (**Типовой закон**), являвшегося прообразом Закона Республики Беларусь от 09.07.1999 № 279-З (ред. от 01.07.2014) «О международном арбитражном (третейском) суде» (**Закон о МАС**) [8].

В качестве простого и наглядного примера давно, еще задолго до пандемии и санкций, утратившего свою актуальность нормативного предписания, серьезно ограничивающего эффективность и экономичность арбитражного процесса в условиях, когда «время – деньги», можно привести норму ч. 6 ст. 22 Закона о МАС, согласно которой *«на время разрешения вопроса о компетенции международного арбитражного суда разбирательство дела приостанавливается»*. Ее императивный характер, с одной стороны, не позволяет арбитрам продолжить арбитражное разбирательство и вынести арбитражное решение в установленный арбитражным регламентом срок даже в том случае, когда злоупотребление правом на заявление возражений о компетенции со стороны ответчика является совершенно очевидным, а с другой – препятствует арбитражному суду предусмотреть такую возможность на уровне своего регламента. В соответствии со ст. 14 Регламента Международного арбитражного суда при БелТПП состав суда обязан рассмотреть дело и вынести решение не позднее 6 месяцев с момента его формирования. Как следствие, нередки случаи, когда белорусский истец, заплатив 100% арбитражного сбора по простому и очевидному требованию о взыскании бесспорного по сути долга, вынужден несколько месяцев, а то и дольше ожидать рассмотрения сначала составом суда, а затем и президиумом соответствующего арбитражного суда надуманных возражений ответчика, и подтверждения очевидной и бесспорной компетенции. К примеру, такие возражения могут сводиться к «нечеткому» наименованию арбитражного органа в арбитражном соглашении, когда вместо официального наименования «Международный арбитражный суд при БелТПП» в арбитражной оговорке в договоре между сторонами предусматривается рассмотрение споров в «Международном арбитражном суде при Белорусской торгово-промышленной палате». При всей очевидной недобросовестности ответчика, заявившего подобные возражения, сначала состав суда, а затем и президиум будут вынуждены выносить соответствующие определение и постановление, а истец – ждать и надеяться, что «выигранное» ответчиком время не будет потрачено на вывод активов, возбуждение процедуры экономической несостоятельности (банкротства)) и т. п. При этом для ответчика подобные заведомо недобросовестные действия даже не сопряжены с расходами – уплата арбитражного сбора за подачу таких возражений не предусмотрена. Совершенно очевидно, что такое регулирование и практика не способствуют популяризации международного коммерческого арбитража и выбору белорусских арбитражных институтов в качестве форума для разрешения международных коммерче-

ских споров даже белорусскими сторонами. При этом простое и понятное решение этой проблемы давно лежит на поверхности и было закреплено еще в первоначальной редакции Типового закона 1985 года, п. 3 ст. 16 которого прямо предусматривает, что решение по заявлению об отсутствии у арбитражного суда юрисдикции может быть вынесено составом суда *«либо как по вопросу предварительного характера, либо в решении по существу спора»*, а пока вышестоящий орган (президиум арбитражного суда в нашем случае) рассматривает просьбу о вынесении окончательного постановления о компетенции, *«арбитражный суд может продолжать арбитражное разбирательство и вынести арбитражное решение»* [9].

Этот подход, доказавший свою эффективность против недобросовестного поведения ответчиков, закреплен в подавляющем большинстве юрисдикций и нашел свое отражение в арбитражных регламентах, ведущих международных арбитражных институтов. Аналогичный подход воспринят и российским законодателем в ст. 16 Закона Российской Федерации от 07.07.1993 № 5338-1 «О международном коммерческом арбитраже».

О реальных последствиях санкционного давления на доступ отечественных предприятий к правосудию и соблюдение базовых принципов международного коммерческого арбитража наглядно свидетельствуют результаты Исследования Российской арбитражной ассоциации по санкциям 2022 года, проведенного среди 182 респондентов, из которых 28 были инхаус юристами и 154 внешними консультантами, причем 88 представляли Россию и 94 – другие юрисдикции, включая Беларусь.

Согласно опубликованному отчету:

- **21%** респондентов сообщили о ситуациях, когда арбитражные учреждения (АУ) отказывались вести дела из-за односторонних ограничительных мер (ООМ);
- **38,5%** отметили случаи, когда АУ не могли принимать платежи от санкционных лиц;
- **18%** знают дела, когда арбитры отказывались от работы (принимать назначение или арбитражировать дальше, когда вопрос о санкциях возникал во время разбирательства);
- **20%** сообщили, что арбитражи отклоняли иски или уменьшали сумму из-за ООМ;
- **21,5%** рассматривают возможность использования арбитража ad hoc вместо институционального;
- **69%** используют нейтральную валюту для расчетов по контрактам;
- **14%** рассматривают возможность использования *lex mercatoria*, чтобы избежать связи с национальными правовыми режимами [10].

Как показывает практика, в том числе и автора, негативное влияние санкций проявляется на всех без исключения этапах арбитражного разбирательства:

- во-первых, на стадии *возбуждения* дела, что по сути приводит к ограничению права отечественных экспортеров и импортеров на доступ к правосудию и судебную защиту;
- во-вторых, на стадии *рассмотрения* дела, что проявляется прежде всего в отсутствии реальных гарантий независимости и беспристрастности арбитров, практической невозможности обеспечить реальные состязательность и равенство сторон, хотя бы по причине массового отказа иностранных юристов из «недружественных» юрисдикций представлять интересы и даже консультировать белорусских клиентов сугубо по национальному признаку;
- и в-третьих, на стадии *признания и приведения в исполнение* арбитражных решений, когда в случае получения положительного для отечественного субъекта арбитражного решения, его реальное исполнение с учетом разного рода ограничений, особенно в части проведения расчетов, может стать неразрешимой задачей.

Естественно, санкционные действия одних стран рождают противодействие со стороны государств, против которых такие односторонние ограничительные меры направлены. Причем анти-санкционные мероприятия имеют различную природу и направленность в различных юрисдикциях.

Так, например, в Российской Федерации после принятия т. н. «Закона Лугового» Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации был дополнен нормами, которые предусматривают исключительную компетенцию арбитражных судов Российской Федерации по спорам, в которых сторона спора или предмет спора затронуты санкциями, а также возможность установления судом запрета инициировать или продолжать разбирательство в иностранном суде или международном коммерческом арбитраже, в том числе под угрозой штрафа (астрент), по аналогии с т. н. *antisuit injunction* [11]. Государственные суды Российской Федерации, схожие по своей компетенции с экономическими судами Республики Беларусь.

В Китае, в свою очередь, действует законодательство о противодействии иностранным санкциям, предусматривающее такие анти-санкционные меры в отношении лиц, находящихся в т. н. «анти-санкционном перечне», как отказ в выдаче виз, арест и «замораживание» имущества в Китае, а также запрет или ограничение проведения транзакций и какого-либо иного сотрудничества «недружественных» лиц с китайскими компаниями или гражданами. Закон также предоставляет китайским

лицам право инициировать разбирательство в китайских судах с требованием о компенсации ущерба, связанного с исполнением дискриминационных ограничительных мер [12].

Что интересно, одним из первых анти-санкционное законодательство в виде т. н. Блокирующего статута было принято в 1996 году в Европейском союзе, который сейчас, напротив, сам активно принимает односторонние ограничительные меры, в том числе в отношении Республики Беларусь, белорусских юридических лиц и граждан. Регламент ЕС № 2271/96 от 22.11.1996, защищающий от последствий экстерриториального применения законодательства, принятого третьей страной, и действий, основанных на нем или вытекающих из него [13].

В Республике Беларусь защита отечественных предприятий от возможных нарушений прав и законных интересов в ходе разрешения споров с контрагентами из «недружественных» юрисдикций осуществляется посредством введенного Указом Президента Республики Беларусь № 137 от 07.04.2022 моратория на исполнение исполнительных документов, выданных (вынесенных) в пользу резидентов иностранных государств, совершающих в отношении белорусских юридических и (или) физических лиц недружественные действия, по перечню таких государств, определенному Советом Министров Республики Беларусь. Постановление Совета Министров Республики Беларусь от 06.04.2022 № 209 «О перечне иностранных государств, совершающих недружественные действия в отношении белорусских юридических и (или) физических лиц».

Представляется, что и в данном аспекте обновление отечественного арбитражного законодательства может способствовать защите прав и законных интересов белорусских участников внешней торговли от возможных злоупотреблений со стороны недобросовестных контрагентов и «недружественных» государств.

Конкуренция юрисдикций, в том числе в отношении разрешения международных коммерческих споров, в современных цифровых и геополитических реалиях только обостряется. На уровне арбитражных институтов конкуренция проявляется в регулярном обновлении регламентов, принятии практических руководств и совершенствовании процедуры администрирования споров. Однако чтобы Республика Беларусь и ее арбитражные институты оставались востребованными, а споры с участием белорусских сторон не «уходили» за рубеж, еще более важной является конкуренция на регуляторном уровне (*regulatory competition*), т. е. на уровне арбитражного законодательства. С одной стороны, в судопроизводство, в том числе арбитражное, продолжается внедрение новых технологий, ранее казавшихся научной фантастикой (к примеру, использование искусственного интеллекта в написании процессуальных документов (ChatGPT), децентрализо-

важное принятие решений по существу дела (Kleros Court), проведение судебных заседаний в Metaverse). С другой стороны, усиливается санкционное давление. Поэтому нет сомнений в том, что только своевременная и эффективная адаптация отечественного арбитражного законодательства и арбитражных регламентов белорусских арбитражных институтов к вызовам нового времени позволит сохранить конкурентоспособность Республики Беларусь как привлекательной юрисдикции для арбитражного разрешения международных коммерческих споров.

Библиографические ссылки

1. 2021 International Arbitration Survey: Adapting Arbitration to a Changing World [Electronic resource] // The School of International Arbitration (SIA), Queen Mary University of London. – Mode of access: https://arbitration.qmul.ac.uk/media/arbitration/docs/LON0320037-QMUL-International-Arbitration-Survey-2021_19_WEB.pdf. – Date of access: 27.03.2023.
2. 2022 Statistics [Electronic resource] // Hong-Kong International Arbitration Centre. – Mode of access: <https://www.hkiac.org/about-us/statistics>. – Date of access: 27.03.2023.
3. Арбитражный регламент Международного арбитражного (третейского) суда «Палата арбитров при Союзе юристов» [Электронный ресурс] : утв. решением Президиума Междунар. арбитраж. (третейского) суда «Палата арбитров при Союзе юристов» от 28.12.2020 // Международный арбитражный (третейский) суд «Палата арбитров при Союзе юристов». – Режим доступа: <https://arbchamber.by/%D0%B4%D0%BE%D0%BA%D1%83%D0%BC%D0%B5%D0%BD%D1%82%D1%8B/%D1%80%D0%B5%D0%B3%D0%BB%D0%B0%D0%BC%D0%B5%D0%BD%D1%82>. – Дата доступа: 27.03.2023.
4. О разъяснении отдельных положений Регламента Международного арбитражного суда при БелТПП : постановление Президиума Международного арбитражного суда при БелТПП, 2 апр. 2020 г., № 5.
5. Функ, Я. И., Перерва, И. В. Международный арбитраж: новые возможности для белорусских экспортеров / Я. И. Функ, И. В. Перерва // Информационный бюллетень Белорусской торгово-промышленной палаты «Меркурий». – Минск, 2021. – № 3.
6. Новачик, П. Привела ли пандемия к дегуманизации арбитража? / П. Новачик // Ежегодный сборник статей Международного третейского суда при Торгово-промышленной палате Кыргызской Республики. – Бишкек, 2022. – № 5. – С. 51-58.
7. Сукало, В. О. Искусственному интеллекту нельзя доверять решение людских судов [Электронный ресурс] // В. О. Сукало. – Режим доступа: <https://www.sb.by/articles/iskusstvennomu-intellektu-nelzya-doveryat-reshenie-lyudskikh-sudeb-sukalo.html>. – Дата доступа: 27.03.2023.
8. О международном арбитражном (третейском) суде [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 09.07.1999, № 279-З : в ред. от 01.07.2014 // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2023.
9. Типовой закон ЮНСИТРАЛ о международном торговом арбитраже 1985 года [Электронный ресурс] : принят ЮНСИТРАЛ 21 июня 1985 г. – Режим доступа: https://uncitral.un.org/sites/uncitral.un.org/files/media-documents/uncitral/ru/mal_rus.pdf. – Дата доступа: 27.03.2023.

10. Исследование Арбитражной Ассоциации (РАА) 2022: Влияние санкций на коммерческий арбитраж // Российская Арбитражная Ассоциация. – Режим доступа: https://arbitration.ru/upload/medialibrary/37b/ixea55ihan4m5dcj37s00t108tjelrpd/RAA-2022-Study-on-sanctions_rus.pdf. – Дата доступа: 27.03.2023.

11. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс] : 24.07.2002 г. № 95-ФЗ : принят Гос. Думой 14 июня 2002 г. : одобрен Советом Федерации 10 июля 2002 г. // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «КонсультантПлюс». – М., 2023.

12. Anti-Foreign Sanctions Law (translated) [Electronic source] : promulgated by the Standing Committee of the National People's Congress on 10 June 2021 // China Law Translate. – Mode of access: <https://www.chinalawtranslate.com/en/countering-foreignsanctions/>. – Date of access: 27.03.2023.

13. Council Regulation (EC) protecting against the effects of the extra-territorial application of legislation adopted by a third country, and actions based thereon or resulting therefrom [Electronic source] : Council Regulation (EC), No. 2271/96, 22 November 1996 // Official J. of the European Union. – 1996. – Vol. 39, 29 November. – Mode of access: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A31996R2271>. – Date of access: 27.03.2023.

К ВОПРОСУ О ЦЕЛЕСООБРАЗНОСТИ ВЫДЕЛЕНИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО МИГРАЦИОННОГО ПРАВА В ОТДЕЛЬНУЮ ПОДОТРАСЛЬ МЕЖДУНАРОДНОГО ЧАСТНОГО ПРАВА

Н.В. Валюшко-Орса

*Белорусский государственный университет,
ул. Ленинградская 8, 220030, г. Минск, Беларусь, natallia_v@inbox.ru*

В настоящей статье обосновывается целесообразность выделения международного миграционного права в отдельную подотрасль международного частного права. Предлагается ввести соответствующий спецкурс для студентов, получающих специальность юридического профиля.

Ключевые слова: международное частное право; международное миграционное право; отрасль права; подотрасль права.

ON THE QUESTION OF THE FEASIBILITY OF SOLIDING INTERNATIONAL MIGRATION LAW INTO A SEPARATE SUB- INDUSTRY INTERNATIONAL PRIVATE LAW

N.V. Valiushko-Orsa

*Belarusian State University, Leningradskaya st. 8, 220030, Minsk, Belarus, natal-
lia_v@inbox.ru*

This article substantiates the expediency of separating international migration law into a separate sub-branch of private international law. It is proposed to introduce an appropriate special course for students pursuing a specialization in law.

Keywords: international private law; international migration law; branch of law; sub-branch of law.

Юридические нормы, составляющие международное частное право, определенным образом связаны между собой. Их взаимосвязь придаёт международному частному праву единство и внутреннюю согласованность [1, с. 278].

Следует отметить, что международное частное право является самостоятельной отраслью права и представляет собой совокупность взаимосвязанных, объективно обособленных юридических норм, регулирующих при помощи специфического метода обширный круг общественных отношений (гражданско-правовые, трудовые, брачно-семейные и иные отно-

шения, осложненные иностранным элементом), обладающих внутренним единством, отличительными свойствами, качественным своеобразием [1, с. 280; 2, с. 10].

В свою очередь, рассматривая в целом подотрасль права, обратим внимание на то, что «это крупная группа правовых норм, состоящая из ряда институтов в составе отрасли права и регулирующая близкие, относительно обособленные отношения определенного вида» [1, с. 282].

Таким образом, по нашему мнению, международное миграционное право можно выделить как отдельную подотрасль международного частного права, поскольку международное миграционное право представляет собой весьма крупную и обширную группу правовых норм, состоящую из ряда институтов (например, институт гражданства, институт убежища и др.) и регулирующую близкие, относительно обособленные отношения определенного вида.

Кроме того, вопрос о целесообразности выделения международного миграционного права в отдельную подотрасль международного частного права обусловлен тем, что международное миграционное право имеет свой предмет, объект и методы регулирования.

Предмет международного миграционного права можно выделить в широком и узком смыслах.

Предмет международного миграционного права (в широком смысле) – совокупность общественных отношений, складывающихся и функционирующих в национально-правовой и международно-правовой системах.

Предмет международного миграционного права (в узком смысле) – совокупность частноправовых отношений, складывающихся и функционирующих с участием иностранных физических лиц.

Что касается объекта международного миграционного права, то под ним мы понимаем миграционные правоотношения.

Международное миграционное право охватывает иммиграцию и эмиграцию.

«Иммиграция (от лат. *immigrare* – вселяться) – въезд в страну на временное или постоянное жительство граждан других государств» [3, с. 234].

«Эмиграция (от лат. *emigrare* – переселяться, выселяться) – переселение из какой-либо страны в другую, вызываемое различными причинами (экономическими, политическими, религиозными и пр.)» [3, с. 1080].

Следует отметить, что международное миграционное право как наука и учебная дисциплина является весьма многогранным. Нормы, составляющие международное миграционное право, находятся как в национальном праве различных государств, так и в международном праве.

Так, основываясь на положениях ч. 1 ст. 8 Закона Республики Беларусь от 4 января 2010 г. «О правовом положении иностранных граждан и лиц без гражданства в Республике Беларусь» иностранцы имеют право свободно передвигаться и выбирать место пребывания (место жительства) в пределах территории Республики Беларусь в соответствии с данным Законом и иными актами законодательства Республики Беларусь [4].

В то же время, существуют и нормы международного миграционного права. Так, п. 4 ст. 12 Международного пакта о гражданских и политических правах устанавливает, что «никто не может быть произвольно лишен права на въезд в свою собственную страну» [5, с. 17].

Далее, переходя к рассмотрению методов регулирования отношений в рамках международного миграционного права, обратим внимание на то, что поскольку международное миграционное право довольно тесно связано с конституционным правом, то в нем может применяться метод запрета, т.е. существуют запрещающие нормы. Тем не менее, следует отметить, что чаще встречается метод обязывания, т.е. нормы, обязывающие какой-то орган или лицо осуществлять определенные действия, а также метод дозволения, т.е. нормы разрешающие, позволяющие совершать определенные действия [6, с. 15].

Однако, учитывая то, что международное миграционное право выделяется из отрасли международного частного права в отдельную подотрасль права, то ему присущи такие методы правового регулирования, как прямой и коллизионный [2, с. 13].

Прямой метод (материально-правовой) – «это правовое регулирование отношений с помощью норм прямого (непосредственного) действия» [2, с. 13]. Например, согласно ст. 12 Закона Республики Беларусь от 4 января 2010 г. «О правовом положении иностранных граждан и лиц без гражданства в Республике Беларусь» иностранцы в Республике Беларусь могут иметь в собственности имущество, наследовать или завещать его, пользоваться иными имущественными и личными неимущественными правами в порядке, установленном законодательством и международными договорами Республики Беларусь [4].

Коллизионный метод (отсылочный) – «это правовое регулирование отношений с помощью норм, имеющих отсылочный характер» [2, с. 14]. Например, согласно п. 1 ст. 1132 Гражданского кодекса Республики Беларусь к правам на интеллектуальную собственность применяется право страны, где испрашивается защита этих прав [7].

При применении коллизионного метода правило поведения и модель разрешения спора обуславливается двумя нормами – коллизионной и материально-правовой, к которой отсылает коллизионная. Использование коллизионного метода связано с определенными трудностями юридико-

технического характера в связи с тем, что решение одного и того же вопроса может быть различным в зависимости от того, коллизионное право какого государства применяется при рассмотрении дела [8, с. 19].

Тем не менее, использование данного метода в целом целесообразно для устранения пробелов во внутреннем (национальном) законодательстве при регулировании отношений с иностранным элементом, а также для разрешения конкретных проблем в отдельных сферах экономического, научно-технического и культурного сотрудничества государств [2, с. 14].

Далее, важно остановиться на функциях международного миграционного права, поскольку в целом «функции права – направленное избирательное воздействие системы права на человека, общество, государство и отношение между ними с целью защиты свободы и осуществления общего блага» [9, с. 915].

Таким образом, под функциями международного миграционного права понимаются основные направления воздействия международного миграционного права на общественные отношения, субъектами которых являются иностранные физические лица.

Можно выделить следующие юридические функции международного миграционного права: регулятивную, охранительную, координирующую.

Под регулятивной функцией международного миграционного права понимается законодательное закрепление общественных отношений с участием иностранных физических лиц.

Охранительная функция состоит в охране общественных отношений с участием иностранных физических лиц. То есть, при нарушении прав и свобод иностранных физических лиц они вправе применить определенные правовые санкции в соответствии с международным миграционным законодательством.

Координирующая функция определяет общепризнанные в международном плане правила поведения для иностранных физических лиц.

Следует отметить, что «функции права динамичны, они направлены на активные действия, связанные с регулированием общественных отношений» [9, с. 915]. Не является исключением и международное миграционное право.

Таким образом, по нашему мнению, международное миграционное право, имеющее свой объект, предмет, методы регулирования и функции, представляет собой отдельную подотрасль международного частного права, состоящую из совокупности относительно однородных институтов и правовых норм, регламентирующих порядок перемещения физического лица в другие страны, смену им места жительства и/или пребывания.

Кроме того, целесообразно было бы выделить международное миграционное право как спецкурс для студентов, получающих специальность юридического профиля, поскольку знания, полученные в ходе изучения данного курса, могут быть использованы как в дальнейших научных исследованиях вопросов, касающихся миграционных процессов, происходящих на международном уровне, так и в практической деятельности.

Библиографические ссылки

1. Вишневский, А. Ф. Общая теория государства и права : учеб. пособие / А. Ф. Вишневский, Н. А. Горбатов, В. А. Кучинский ; под. общ. ред. проф. В. А. Кучинского. – Минск : Амалфея, 2002. – 656 с.
2. Тихиня, В. Г. Международное частное право / В. Г. Тихиня. – Минск: ИООО «Право и экономика», 2003. – 412 с.
3. Новый юридический словарь / под ред. А. Н. Азрилияна. – М. : Институт новой экономики, 2006. – 1088 с.
4. О правовом положении иностранных граждан и лиц без гражданства в Республике Беларусь : Закон Респ. Беларусь от 4 янв. 2010 г., № 105-З : с изм. и доп. от 16 дек. 2019 г. № 267-З /// Эталон – Беларусь [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2023.
5. Международный пакт о гражданских и политических правах: принят резолюцией 2200 А (XXI) Генер. Ассамблеи ООН, 16 дек. 1966 г. // Права человека: сб. междунар.-правовых док. / сост. В. В. Щербов. – Минск, 1999. – С. 13–27.
6. Чудаков, М. Ф. Конституционное (государственное) право зарубежных стран : учеб. пособие / М. Ф. Чудаков. – Минск : Новое знание, 2001. – 576 с.
7. Гражданский кодекс Республики Беларусь : принят Палатой представителей 28 окт. 1998 г. : одобр. Советом Респ. 19 нояб. 1998 г. : текст Кодекса по состоянию на 01 марта 2023 г. // Эталон – Беларусь [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2023.
8. Гетьман-Павлова, И. В. Международное частное право: пособие для сдачи экзамена / И. В. Гетьман-Павлова. – М. : Высш. образование, 2005. – 223 с.
9. Гавриленко, В. Г. Право и политика: большой энцикл. слов. / В. Г. Гавриленко. – Минск : Право и экономика, 2001. – 1000 с.

РЕАЛИЗАЦИЯ ПРАВОВЫХ МЕХАНИЗМОВ ЗАЩИТЫ НАЦИОНАЛЬНЫХ ИНТЕРЕСОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В УСЛОВИЯХ «САНКЦИОННОГО» РЕЖИМА

И.И. Голощاپов

*Юридический институт Российского университета дружбы народов,
ул. Миклухо-Маклая, д. 6., 117198, г. Москва, Российская Федерация,
1142220772@rudn.ru*

В статье автор рассматривает понятие национальных интересов, недружественных действий и основания для применения мер реагирования на санкционный режим. Изучаются возможные коллизии, их последствия, классифицируются группы мер защиты национальных интересов по различным критериям.

Ключевые слова: Санкционный режим; административно-правовой режим; недружественные действия; меры воздействия (противодействия); ответные меры; специальные экономические меры; национальные интересы; меры реагирования.

IMPLEMENTATION OF LEGAL MECHANISMS TO PROTECT THE NATIONAL INTERESTS OF THE RUSSIAN FEDERATION IN THE CONDITIONS OF THE "SANCTIONS" REGIME

I.I. Goloshchapov

*Law Institute of the Peoples' Friendship University of Russia,
Miklukho-Maklaya str., 6., 117198, Moscow, Russian Federation, 1142220772@rudn.ru*

In the article, the author examines the concept of national interests, unfriendly actions and the grounds for the application of measures to respond to the sanctions regime. Possible collisions and their consequences are studied, groups of measures to protect national interests are classified according to various criteria.

Keywords: Sanctions regime; administrative and legal regime; unfriendly actions; measures of influence (counteraction); retaliatory measures; special economic measures; national interests; response measures.

В настоящее время для обеспечения национальных интересов РФ в условиях динамично меняющейся правовой реальности целесообразно максимально внимательно относиться к анализу возможностей как для применения действующего законодательства, так и совершенствования имеющихся у страны юридических инструментов и механизмов реагирования на недружественные действия иностранных государств.

По ряду оценок, с 22 февраля по 30 июня 2022 г. количество санкций против России выросло с 2 695 до 10 357. Для сравнения, в этот же период в отношении Ирана введено - 21, Сирии - 16, Северной Кореи - 59 и Беларуси – 345 санкций. Причем основное внимание в рамках данных так называемых «умных» санкций уделено сфере международных финансов и торговли [1, 196-207].

Следует отметить, что дискриминационный характер решений иностранных государств в отношении РФ проявлялся и ранее, до событий 2014 года. В нарушение соответствующих положений Устава ООН и ВТО, для российских юридических лиц в одностороннем порядке отменялся национальный режим осуществления хозяйственной деятельности на принципах невзаимности, что обеспечивало неконкурентную основу их развития [2, с. 7-16].

Говоря о последствиях введения санкций США и иными иностранными государствами, необходимо отметить, что наиболее существенное влияние они оказывают на финансовый сектор и на торгово-экономические отношения России. Именно поэтому внешнеэкономическая деятельность (далее - ВЭД) в различных аспектах упоминается в контексте применения соответствующих мер реагирования в каждом нормативном правовом акте, регламентирующем действия РФ в указанных условиях.

Ограничения, наложенные решениями Совета Европейского союза, а также различными нормативными актами США и иных стран на экспорт в РФ целых групп товарной номенклатуры ВЭД оказывают существенное давление на экономическую ситуацию в стране.

Так, согласно обновленной статистике ФТС России за 2022 год, объем импорта снизился на 11,7 % с 293531,2 млн. долларов США до 259083 млн. долларов США) [3]. Причем негативную динамику демонстрируют, в первую очередь, показатели ввоза в РФ технологического оборудования.

Согласно тезисам выступления Президента РФ на Высшем Евразийском экономическом совете в Бишкеке, снижение ВВП в России в 2022 году составит 2,9 %, а в 2023 – прогнозируется на уровне 0,8 % [4]. Наиболее свежая оценка Росстата (от 20.02.2023) говорит о снижении ВВП в прошлом году на 2,1 % [5].

В среднесрочной и долгосрочной перспективах оценить ущерб российской промышленности, активно состоявшей в международной кооперации, достоверно не представляется возможным. Однако данные недружественные действия влекут за собой серьезные последствия для ее развития и даже функционирования и требуют взвешенного и адекватного ответа. С учетом приведенной статистики можно сделать вывод о том, что в сложившейся ситуации Российская Федерация должна активно применять

и модернизировать все существующие правовые механизмы защиты национальных интересов, а также разрабатывать и внедрять - новые.

При анализе российской нормативно-правовой базы целесообразно определить ряд интересных для изучения вопросов. Рассмотрим, например, основания для реализации комплекса мер по защите национальных интересов.

Согласно ст. 40 Федерального закона от 08.12.2003 №164-ФЗ «Об основах государственного регулирования внешнеторговой деятельности» (далее – закон 164-ФЗ), предусмотрено введение ответных мер (то есть мер ограничения внешней торговли товарами, услугами и интеллектуальной собственностью) при наличии, в том числе, факта нарушения *экономических, политических интересов Российской Федерации, ее субъектов, муниципальных образований либо российских лиц, а также необоснованного дискриминирования.*

В ст. 2 Федерального закона от 30.12.2006 №281-ФЗ «О специальных экономических мерах и принудительных мерах» (далее –закон 281-ФЗ) в качестве целей применения специальных экономических мер обозначается в том числе обеспечение *интересов и безопасности РФ.*

Более поздний Федеральный закон от 04.06.2018 №127-ФЗ «О мерах воздействия (противодействия) на недружественные действия Соединенных Штатов Америки и иных иностранных государств» (далее – закон 127-ФЗ) говорит о том, что основными целями мер воздействия (противодействия) являются защита *интересов и безопасности РФ* от недружественных действий перечисленных государств, выражающихся во введении *политических и экономических санкций* или совершении других действий, направленных на экономическую и политическую дестабилизацию.

Представляется, что интересы в данном контексте дополняют концепцию обеспечения безопасности, которая при наличии ряда противоречий в законодательстве все же содержательно предполагает состояние защищенности жизненно важных интересов личности, общества и государства от внешних и внутренних угроз [6, с. 121-127]. Необходимость такой защиты – основание для реализации механизмов соответствующих административно-правовых режимов, в том числе специальных, к которым можно отнести и санкционный.

Наиболее точный ответ на вопрос, что именно предполагает законодатель, используя «интересы» как оценочную категорию, дают положения Стратегии национальной безопасности, утвержденной указом Президента РФ от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации».

Так, ст. 5 определяет национальные интересы как объективно значимые потребности личности, общества и государства в безопасности и

устойчивом развитии. Основанные на них стратегические национальные приоритеты - важнейшие направления обеспечения национальной безопасности и устойчивого развития РФ. Обращаясь к ст. 25, можно изучить закрытые перечни национальных интересов (включает 8 сгруппированных направлений), а также 9 соответствующих им приоритетов.

Вместе с тем, основные федеральные законы, обеспечивающие правовые основы для издания конкретизирующих их указов Президента РФ, помимо противоречиво используемой конструкции нарушения недетерминированных интересов, вводят дополнительные квалифицирующие признаки. В частности, речь о совокупности обстоятельств, требующих безотлагательной реакции на международно-противоправные деяния или недружественные действия (закон 281-ФЗ) или совершении действий, направленных на экономическую дестабилизацию РФ (закон 127-ФЗ). При этом, перечисленные обстоятельства, как и сами интересы, тоже носят оценочный характер.

Следует отметить позицию, предполагающую, что такие недетерминированные правовые конструкции используются целенаправленно для создания условий гибкости в принятии соответствующих решений органами власти РФ [7, с. 4-5].

Помимо прочего, интересно соотношение понятий международно-противоправного деяния и недружественных действий, которые следует разграничивать. В наиболее актуальной нормативно-правовой базе используется подход определения иностранных «санкционных» решений в качестве именно недружественных действий.

Одновременно у исследователей встречаются тезисы, предполагающие, что международно-противоправные деяния (действия или бездействия) совершаются иностранным государством в соответствии с международным правом и при этом являются нарушением международно-правового обязательства этого государства. Недружественные действия же в принципе прямо не запрещены международным правом и не являются его нарушением. До активного внедрения понятия недружественных действий в российскую правовую действительность речь шла о высылке дипломатов и иных мерах (применение реторсий, не связанных с отходом от международно-правовых обязательств) [7, с. 3-4].

Однако, в указах Президента РФ, а также во все более активно упоминаемом в них в качестве основания законе №127-ФЗ, устоялся и закрепился именно последний термин, в контексте противоречий нормам международного права. Указанная ситуация и относительная противоречивость формулировок могут затруднять квалификацию деяний иностранных государств, а также формирование юридической базы для введения мер реагирования.

При этом, органы государственной власти РФ реализуют контрмеры именно в ответ на соответствующие активные действия иностранных государств. Такие шаги в отсутствие причинно-следственной связи с предикатно реализованными международно-противоправными или недружественными действиями в отношении нашей страны могут быть признаны нарушением международного права. Поэтому целесообразно уделить особое внимание правовому конструированию положений законодательства для исключения различных коллизий в процессе окончательного формирования в РФ нового административно-правового режима.

Система мер реагирования сформулирована в положениях законов 164-ФЗ, 281-ФЗ, 127-ФЗ, которые дают органам исполнительной власти полномочия по введению:

- *ответных мер*, которые устанавливаются Правительством РФ, при этом на уровне закона отсутствуют ограничения по срокам;

- *специальных экономических мер*, решение о введении которых принимается Президентом РФ, а конкретизируется Правительством РФ. Срок действия в законе условно не ограничен (ч. 2 ст. 5 закона 281-ФЗ), однако предусмотрен институт информирования Федерального собрания РФ о ходе применения таких мер;

- *мер воздействия (противодействия)*, которые вводятся Правительством РФ по решению Президента РФ также на условно бессрочной основе, то есть подлежат отмене в случае устранения обстоятельств, послуживших основанием для их введения.

Отмечается, что перечни всех перечисленных мер по содержанию не носят закрытого характера, однако, несмотря на это, законодатель продолжает их расширять и детализировать. Так, законы 127-ФЗ и 281-ФЗ активно дорабатываются с учетом складывающейся политической обстановки, требующей коррекции существующих правовых механизмов - последние изменения вносились в мае и июне 2022 года.

В частности, федеральным законом от 01.05.2022 №125-ФЗ в закон 127-ФЗ внесены положения о порядке взаимодействия российских кредитно-финансовых учреждений с компетентными органами иностранных государств. Кроме того, 28.06.2022 в тот же закон введена отдельная категория мер воздействия (противодействия), направленных на обеспечение финансовой стабильности.

С учетом конституционных полномочий, а также в силу требований положений данных законов, Президент РФ издает в пределах компетенции соответствующие Указы, которые обеспечивают гибкость применения положений существующей нормативной базы и, одновременно, в совокупности с принятыми Правительством РФ постановлениями и распоряжениями

конкретизируют накладываемые ограничения, устанавливают их сроки и иные пределы.

По результатам анализа всех перечисленных нормативных правовых актов, можно обобщенно сказать, что меры реагирования практически делятся на следующие группы возможных запретов/ограничений:

- международного сотрудничества в различных отраслях: культурной, военно-технической и иных (ст. 2 закона 127-ФЗ, ст. 3 закона 281-ФЗ);
- на различные таможенные операции и по отдельным аспектам их осуществления (ст. 2 закона 127-ФЗ, ст. 3 закона 281-ФЗ, ст. 40 закона 164-ФЗ);
- финансового характера: участие в закупочной деятельности (ст. 2 закона 127-ФЗ), участие в приватизации предприятий на территории РФ (ст. 2 закона 127-ФЗ), иные операции финансового характера (ст. 3 закона 281-ФЗ, ст. 4.1, 4.2 закона 127-ФЗ);
- касающихся использования воздушного пространства и портов, а также территории РФ (ст. 3 закона 281-ФЗ);
- иных ограничений, например, в сфере туристической деятельности и прочего (ст. 3 закона 281-ФЗ).

Комплекс указанных мер носит характер реагирования, однако правовые механизмы защиты национальных интересов, как представляется, реализованы несколько шире. В качестве примера можно привести федеральный закон от 16.04.2022 №104-ФЗ, который вносит изменения в систему закупок, определяемую федеральным законом от 18.07.2011 №223-ФЗ.

Так, изменения наделяют отдельную категорию заказчиков правом частично пренебрегать принципом информационной открытости закупки (пп. 1 п. 1 ст. 3), при условии принятия соответствующего решения Правительством РФ. Постановление от 06.03.2022 №301 устанавливает, что заказчики, находящиеся под экономическими и политическими санкциями и (или) мерами ограничительного характера иностранных субъектов, освобождаются от соответствующих обязательств по внесению информации в ЕИС в сфере закупок.

Исходя из Стратегии национальной безопасности, с учетом данных изменений можно говорить о конфликте различных национальных интересов: обеспечения суверенитета, независимости с одной стороны и, например, искоренения коррупции, развития механизмов взаимодействия государства и гражданского общества, устойчивого развития российской экономики на новой технологической основе – с другой. При этом, ранжировать данные интересы достаточно сложно, процесс требует дополнительного регулирования.

В заключение можно сделать вывод о том, что на уровне действующего законодательства Российская Федерация имеет целый ряд уже применяемых механизмов защиты своих интересов и безопасности и активно использует их. Вместе с тем, при предварительном анализе нормативно-правовой базы обнаружены некоторые коллизии, которые целесообразно исключить при формировании нормативного содержания нового административно-правового режима защиты национальных интересов в условиях недружественных действий иностранных государств.

В сложившейся ситуации можно надеяться на гибкость и своевременность принятия необходимых решений со стороны законодателя, в том числе связанных с внесением изменений в законодательство, его унификацией, а также с разработкой дополнительных нормативных актов.

Библиографические ссылки

1. Pobedin A.A. Reconsidering Contemporary Classifications of Sanctions in the Light of the Russia Sanctions Regime/A.A.Pobedin//R-Economy. –2022. –Vol. 8, Iss. 3: Sanctions in international politics: expectations and reality. –P. 196–207.
2. Носов С. И. О некоторых аспектах ограничения деятельности иностранных организаций в стране (российский и зарубежный опыт)//Право и современные государства. 2015. №1, 7-16.
3. <https://customs.gov.ru/statistic/vneshn-torg/vneshn-torg-countries>.
4. <http://prezident.org/tekst/stenogramma-vystuplenija-putina-na-zasedanii-vysshego-evraziiskogo-ekonomicheskogo-soveta-09-12-2022.html?ysclid=lblwdcaled273186096>.
5. <https://rosstat.gov.ru/folder/313/document/198546>.
6. Потапов, М.Г. Правовое обеспечение национальной безопасности: проблемы определения/М.Г.Потапов/ Военно-правовые и гуманитарные науки Сибири. – 2020. – № 2(4). – С.121-127.
7. Комментарий к Федеральному закону от 30 декабря 2006 года N 281-ФЗ «О специальных экономических мерах» (Калинин А.В.) (Публично-правовые исследования. Ежегодник Центра публично-правовых исследований. Том 2. АНО «Центр публично-правовых исследований», 2007, с. 3-5.
8. Федеральный закон от 08.12.2003 № 164-ФЗ «Об основах государственного регулирования внешнеторговой деятельности».
9. Федеральный закон от 30 декабря 2006 года № 281-ФЗ «О специальных экономических мерах и принудительных мерах».
10. Федеральный закон от 04.06.2018 № 127-ФЗ «О мерах воздействия (противодействия) на недружественные действия Соединенных Штатов Америки и иных иностранных государств».
11. Федеральный закон от 28.12.2010 № 390-ФЗ «О безопасности».

12. Указ Президента Российской Федерации от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации».

13. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 05.03.2022 № 430-р «Об утверждении перечня иностранных государств и территорий, совершающих недружественные действия в отношении Российской Федерации, российских юридических и физических лиц».

14. Постановление Правительства Российской Федерации от 06.03.2022 № 301 «Об основаниях неразмещения в единой информационной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд сведений о закупках товаров, работ, услуг, информации о поставщиках (подрядчиках, исполнителях), с которыми заключены договоры».

ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ АДМИНИСТРАТИВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ СУБЪЕКТОВ

Л.А. Ефименко

*Кубанский государственный университет
ул. Ставропольская 350040, г. Краснодар, Россия,
rector@kubsu.ru*

В статье исследуются проблемы правового регулирования административной ответственности несовершеннолетних субъектов, особенности их правоприменения. Проанализированы нормы административного законодательства и предложены пути их совершенствования. Выделить нормы, определяющие административную ответственность в самостоятельную главу. Включить в КоАП РФ меры воспитательно-принудительного воздействия.

Ключевые слова: несовершеннолетний субъект; правонарушаемое поведение; административное правонарушение; административная ответственность; административная деликтность; предупреждение; принудительные меры.

PROBLEMS OF LEGAL REGULATION OF ADMINISTRATIVE RESPONSIBILITY OF MINORS

L.A. Efimenko

*Kuban State University 350040 Stavropol str., Krasnodar, Russia,
rector@kubsu.ru*

The article examines the problems of legal regulation of the administrative responsibility of minors, the peculiarities of their law enforcement. The norms of administrative legislation are analyzed and ways of their improvement are proposed. Highlight the norms defining administrative responsibility in an independent chapter. To include measures of educational and coercive influence in the Administrative Code of the Russian Federation.

Keywords: minor subject; delinquent behavior; administrative offense; administrative responsibility; administrative delicacy; prevention; coercive measures.

Воспитание – это разносторонний, сложный процесс, длинное и трудное дело, в котором предупреждение правонарушений несовершеннолетних лиц является чрезвычайно актуальным.

Государство устанавливает для физических и юридических лиц определенные запреты в их поведении в целях охраны и защиты прав и свобод человека и гражданина, охраны общественного порядка, общественной безопасности, окружающей среды и других сфер государственной и общественной жизни. Отклонение от правовых норм называется делинквентным поведением. Административная деликтность - это явление антисоциальное, нарушающее общественный порядок и нравственность [1, с. 29], создающее угрозу общественной безопасности во всех сферах жизнедеятельности общества.

Административные проступки – это наиболее распространенный вид правонарушений несовершеннолетних, что обусловлено характером этих правонарушений и мерами ответственности, которые предусмотрены за их совершение. А.И. Алексеев указывал, что профилактический эффект применения административно-правовых санкций обеспечивается путем воздействия на сознание правонарушителя и на конкретные криминогенные ситуации, создания обстановки, исключающей фактическую возможность продолжения антиобщественной деятельности [2, с. 13]. В результате применения административной ответственности возникают юридические основания для последующего профилактического воздействия на несовершеннолетних правонарушителей, деяния которых могут перерасти в уголовно наказуемые. При этом профилактическое воздействие длится на протяжении года.

То есть административные меры воздействия по своей природе прежде всего меры предупредительные. Применение юридической ответственности к несовершеннолетним имеет специфические особенности это: социальные, возрастные, психологические особенности несовершеннолетних; причины и условия совершенного правонарушения; микросреда, в которой находятся несовершеннолетние правонарушители; уровень развития, образования и правосознания несовершеннолетних правонарушителей; правильность и целесообразность применения мер воздействия в отношении несовершеннолетних правонарушителей.

Юридическая ответственность – это обязанность лица, совершившего правонарушение, претерпеть меры государственного принуждения на основании соответствующих нормативно-правовых предписаний. Российским законодательством предусмотрен ряд смягчающих факторов юридическую ответственность, одним из которых является несовершеннолетие виновного.

В соответствии со ст. 2.3 КоАП Российской Федерации административной ответственности подлежит лицо, достигшее к моменту совершения административного правонарушения возраста шестнадцати лет [3]. Вместе с тем законодатель указывает, что с учетом конкретных обстоятельств дела

и данных о лице, совершившим административное правонарушение в возрасте от шестнадцати до восемнадцати лет, комиссией по делам несовершеннолетних и защите их прав указанное лицо может быть освобождено от административной ответственности с применением к нему меры воздействия, предусмотренной федеральным законодательством о защите прав несовершеннолетних. Из этого следует, что законодателем четко определен возраст административной ответственности – шестнадцать лет.

Основанием для административной ответственности несовершеннолетних являются административные правонарушения, перечень которых предусмотрен кодексом Российской Федерации об административных правонарушениях, при этом в содержании указанных статей кодекса возрастные границы несовершеннолетних не раскрываются. Однако в других нормативно-правовых актах российского законодательства присутствует различие возрастной дееспособности несовершеннолетних. Так меры воспитательно-принудительного воздействия адресованы несовершеннолетним в возрасте 11 лет [4]. Ответственность за административное хулиганство наступает в 16 лет, а за уголовно-наказуемое хулиганство в 14 лет. Дисциплинарная ответственность, которая применяется в административном производстве, наступает в возрасте 6-7 лет. То есть имеется определенное противоречие в действующем законодательстве, которое должно быть устранено, поскольку снижает эффективность предупредительной деятельности.

Наряду с мерами взыскания и наказания к несовершеннолетним правонарушителям необходимо в большой мере применять воспитательно-принудительное воздействие. Наказание является справедливым только в том случае, когда характер применяемых мер принуждения и объем возлагаемой ответственности соответствуют: общественной опасности правонарушения; особенностям личности правонарушителя; обстоятельствам смягчающим либо отягчающим ответственность, т.е. строго индивидуализированы.

Индивидуализация юридической ответственности несовершеннолетних – это, прежде всего ориентирование ее мер на достижение социально-полезных изменений в личности правонарушителя. Применение принципа индивидуализации дает возможность ориентировать меры юридической ответственности на достижение социально-полезных изменений в личности виновного, «декриминализацию» сознания правонарушителя, выработки необходимых индивидуальных свойств характера личности, ответственности, правомерного поведения. Важным проявлением принципа индивидуализации и дифференциации ответственности несовершеннолетних является включение в законодательство положений о применении мер ювенальной ответственности.

Цель административных наказаний, применяемых к несовершеннолетним, в определенной мере обуславливает меньший объем лишения или ограничения прав и свобод таких лиц, которые при прочих равных условиях должны нести более мягкую ответственность, чем в схожих ситуациях взрослые, совершившие административные правонарушения. Однако административное законодательство Российской Федерации не предусматривает специальных видов административных наказаний, применяемых только к несовершеннолетним. Например штраф может назначаться как мера наказания при наличии у несовершеннолетнего самостоятельного заработка или имущества. При отсутствии самостоятельного заработка у несовершеннолетнего административный штраф взыскивается с его законных представителей (родителей, опекунов, попечителей, усыновителей) [3].

При определении административного наказания, назначаемого несовершеннолетнему, должны учитываться его возрастные, психические и индивидуальные особенности, с тем, чтобы обеспечить с помощью административного наказания и надлежащего процесса его исполнения формирование у несовершеннолетнего субъекта стойкого неприятия антиобщественных, аморальных тенденций. Основаниями для применения мер воздействия к несовершеннолетним, совершившим административные правонарушения, служат характер совершенных правонарушений, их общественная опасность и тяжесть последствий, причины и условия, способствующие их совершению, условия семейной жизни и воспитания, окружающая несовершеннолетнего среда, возраст и уровень интеллектуального развития правонарушителя, его поведение в прошлом и отношение к совершенному правонарушению.

Анализ административно-правовых норм, касающихся ответственности несовершеннолетних, свидетельствует о необходимости совершенствования действующего административного законодательства по следующим направлениям:

1) выделить нормы, касающиеся административной ответственности несовершеннолетних, в отдельную главу «Административная ответственность несовершеннолетних», в которую необходимо включить понятие и основания административной ответственности несовершеннолетних, перечень правонарушений, виды административных наказаний и порядок их применения к несовершеннолетним;

2) определить возрастные границы, специфические меры наказания для несовершеннолетних, в частности домашний арест на один-три дня; общественные работы; ограничения пребывания в общественных и досуговых объектах;

3) предусмотреть основания освобождения от административной ответственности несовершеннолетних; обстоятельства, смягчающие и отягчающие административную ответственность несовершеннолетних. обязательное участие защитника в производстве по административному делу;

4) включить в КоАП Российской Федерации меры воздействия принудительно-воспитательного характера, так как меры, применяемые к несовершеннолетним, должны преследовать, прежде всего, цель перевоспитания и предупреждения совершения новых административных правонарушений, например: разъяснение закона, передача под надзор законных представителей либо специализированного государственного органа, социальная реабилитация, возложение обязанности загладить причиненный вред, ограничение досуга, установление особых требований к поведению несовершеннолетнего, выполнение конституционных обязанностей и другие;

5) закрепить в КоАП Российской Федерации порядок обжалования незаконных решений по делам несовершеннолетних.

Сложившийся в юридической науке и практике взгляд на юридическую ответственность как на наказание, кару за содеянное обедняет ее и ведет к недооценке ее роли в процессе формирования основ правомерного поведения несовершеннолетних правонарушителей. В юридической ответственности особенно несовершеннолетних правонарушителей должны быть заключены не только карающие, но и предупредительно - воспитательные начала. Этим она призвана способствовать формированию социально-активной личности с правомерным поведением. Административная ответственность, имея цель предупреждения и недопущения правонарушений, должна оказать воспитательное воздействие на сознание несовершеннолетних правонарушителей таким образом, чтобы его поведение было переориентировано в позитивную сторону.

Динамизация в сторону расширения административных методов воздействия является эффективным средством предупреждения правонарушений несовершеннолетних субъектов, ликвидации условий, способствующих появлению этих правонарушений, что не всегда возможно при применении уголовной или гражданской ответственности.

Положительный результат возможен только в сочетании юридической ответственности со всеми иными средствами воздействия, имеющимися в распоряжении правоохранительных органов, социальных институтов, общественных формирований. Наряду с мерами взыскания и наказания к несовершеннолетним правонарушителям необходимо в большой мере применять воспитательно-принудительное воздействие. Наказание является справедливым только в том случае, когда характер применяемых мер принуждения и объем возлагаемой ответственности соответствуют:

общественной опасности правонарушения; особенностям личности правонарушителя; обстоятельствам смягчающим либо отягчающим ответственность, т.е. строго индивидуализированы.

Библиографические ссылки

1. Болдырев Е.В. Меры предупреждения правонарушений несовершеннолетних в СССР. – М., 1964. С. 29.
2. Алексеев А.И. Правовые основы профилактики преступлений органами внутренних дел. М. 1980. С. 13.
3. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ (КоАП РФ) (в ред. 2023 г.) // Российская газета. № 256. 31.12.2001.
4. Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних: Федеральный закон от 24 июня 1999 г. № 120 – ФЗ (в ред. Федерального закона от 27 июня 2018 г. № 170-ФЗ) // Собрание законодательства РФ. 1999. № 26. Ст. 3177.

СТРУКТУРА РЕГУЛИРОВАНИЯ (РЕСПУБЛИКАНСКИЙ УРОВЕНЬ) НЕПЛАТЕЖЕСПОСОБНОСТИ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ ПО НОВОМУ ЗАКОНУ

В.С. Каменков

Международный научно-образовательный центр медиации, примирения и третейских процедур, 220030 г. Минск, проспект Независимости, д. 4. v.kamenkov@gmail.com

Настоящая статья посвящена анализу системы государственного правового регулирования неплатежеспособности и управления ею в Республике Беларусь по новому Закону о неплатежеспособности, его структуры, новых и измененных образующих понятий, имеющимся отдельным предложениям и возможным перспективам.

Ключевые слова: несостоятельность, неплатежеспособность, банкротство, государственное регулирование, система, структура, управление, право.

REGULATION STRUCTURE (REPUBLICAN LEVEL) OF INSOLVENCY IN THE REPUBLIC OF BELARUS UNDER THE NEW LAW

V.S. Kamenkov

International Scientific and Educational Center for Mediation, Conciliation and Arbitration Procedures, 220030 Minsk, Nezavisimosti Avenue, 4. v.kamenkov@gmail.com

This article is devoted to the analysis of the system of state legal regulation of insolvency and its management in the Republic of Belarus under the new Law on Insolvency, its structure, new and modified forming concepts, available individual proposals and possible prospects.

Key words: insolvency, insolvency, bankruptcy, state regulation, system, structure, management, law.

С 1 октября 2023 г. начнет действовать Закон Республики Беларусь от 13.12.2022 № 227-З «Об урегулировании неплатежеспособности» [1] (далее – Закон), который приходит на смену Закону Республики Беларусь от 13.07.2012 № 415-З «Об экономической несостоятельности (банкротстве)» [2] (далее – Закон о банкротстве). Потребность корректировки института экономической несостоятельности обусловлена как нарабатанной правоприменительной практикой, так и необходимостью создания условий для оздоровления экономики. Новый Закон привносит некоторые измене-

ния в регулирование института банкротства, часть из которых отражает эволюцию подходов и взглядов законодателя, а часть направлены на устранение пробелов и противоречий, выявленных правоприменительной практикой. Некоторые положения Закона о банкротстве вошли в своем нынешнем виде в Закон.

В контексте темы настоящего исследования, обращает на себя внимание, в первую очередь, наименование нового Закона – *об урегулировании неплатежеспособности*. Читая такое название, появляется надежда, что в Закон существенно изменен и содержит много новых правовых норм, посвященных упреждению несостоятельности и банкротства, урегулированию спорных вопросов самими участниками этих общественных отношений, в первую очередь, самим должником и его кредиторами. Причем на более ранних, внесудебных и досудебных стадиях (именно этого и не хватает, как в действующем законодательстве о банкротстве, так и в новом). Ведь урегулирование предполагает некую договоренность спорящих сторон без вмешательства извне, с целью прекращения имеющегося конфликта. Да, посредник, переговорщик, наблюдатель или что-то подобное может быть для урегулирования конфликта. Но не постоянное внешнее управление. Для бизнеса, предпринимательства стабильность, свобода и самостоятельность всегда имели учреждающее и развивающее значение.

В новом Законе под урегулированием неплатежеспособности понимается совокупность мер и процедур, применяемых в отношении должника, в целях: 1) предупреждения его несостоятельности или банкротства, либо 2) обеспечения эффективной хозяйственной (экономической) деятельности и восстановления платежеспособности должника - юридического лица, а также осуществления расчетов с его кредиторами в соответствии с установленной очередностью (в санации) либо 3) ликвидации должника - юридического лица или прекращения деятельности должника - индивидуального предпринимателя, продажи их имущества и максимально возможного удовлетворения требований их кредиторов в соответствии с установленной очередностью (в ликвидационном производстве).

Уже само словосочетание «...применяемых в отношении должника» означает, что меры и процедуры используются кем-то со стороны.

При этом неплатежеспособность – финансовое состояние должника, характеризующее его неспособность исполнить денежные обязательства, обязанность по уплате обязательных платежей и (или) обязательства по выплате заработной платы и производству иных выплат в соответствии с законодательством о труде, срок исполнения, которых наступил [1, ст. 1]. То есть, это фактически повторение имеющегося в действующем Законе о банкротстве определения неплатежеспособности: неспособность в полном объеме удовлетворить требования кредитора (кредиторов) по платежным

обязательствам, а также по обязательствам, вытекающим из трудовых и связанных с ними отношений [2, ст. 1].

Термин «урегулирование» может означать некую систему государственных органов, общественных и иных организаций, наделенных полномочиями по принятию перечисленного выше комплекса мер и процедур.

Некоторым государственным органам и их компетенции по регулированию общественных отношений в сфере неплатежеспособности в новом Законе [1, ст. 12] посвящены отдельные статьи или их части, о других государственных органах и иных организациях сказано не очень понятно, о третьих – ничего не говорится. Попытаемся из разрозненных правовых норм выстроить определенную систему.

К сожалению, в статье 2 нового Закона [1], посвященной перечню общественных отношений, им регулируемых, ничего нет (даже общего упоминания) о системе органов по управлению и регулированию неплатежеспособности.

Далее в указанной нами системе государственных органов следует назвать Президента Республики Беларусь. В пункте 2 ст. 2 нового Закона [1] названы его исключительные полномочия: «...может устанавливать основания для приостановления любой процедуры, применяемой при рассмотрении дела о несостоятельности или банкротстве, предусматривать изъятия, в том числе индивидуального правового характера, из сферы правового регулирования настоящего Закона, а также особенности проведения процедур в производстве по делам о несостоятельности или банкротстве отдельных должников или категорий должников».

Глава государства также наделен правом согласования устанавливаемых Правительством страны порядка и размера вознаграждения управляющему по делу о банкротстве из бюджета при отсутствии или недостаточности средств у должника [1, ст. 54] и иными правами.

В новом Законе [1, ст. 12] достаточно подробно описаны полномочия Совета Министров Республики Беларусь в сфере урегулирования неплатежеспособности.

Но и здесь остается большое количество нестыковок и проблемных вопросов. Например, указано, что Правительство в сфере урегулирования неплатежеспособности:

- обеспечивает проведение единой государственной политики [1, ст. 12]. В отношении государственных органов и организаций, подчиненных Правительству, механизм обеспечения единой государственной политики понятен. А как быть с судами и другими органами и организациями, не подчиненных Правительству? Поэтому по действующему Закону о банкротстве [2] и была установлена практика совместных действий и решений

Правительства и соответствующих органов в отношении единой государственной политики в вопросах несостоятельности и банкротства.

Та же проблема и в отношении права Правительства по координации деятельности государственных органов при реализации полномочий в процедурах, применяемых в ходе производства по делу о несостоятельности или банкротстве.

Кроме того, в новом Законе [1, ст. 12] сделана, на наш взгляд, неудачная попытка в рамках одной статьи (п. 2 ст. 12) сформулировать полномочия всех государственных органов в сфере урегулирования неплатежеспособности, независимо от их функционального отношения к теме несостоятельности.

Напомним, что под государственным органом понимается «...образованная в соответствии с Конституцией Республики Беларусь, иными законодательными актами организация, осуществляющая государственно-властные полномочия в соответствующей сфере (области) государственной деятельности» [3, ст. 3].

При этом в законодательных актах, регулирующих деятельность отдельных государственных органов, как правило, ничего не сказано о несостоятельности и банкротстве, о правах и обязанностях этих органов по отношению к данным вопросам. Поэтому в огромном массиве действующего законодательства государственные органы мало обращают внимание на законы о несостоятельности, неплатежеспособности, банкротстве, а руководствуются «своими» законами, регулирующими их основную деятельность. Особенно, если в системе таких государственных органов нет неплатежеспособных организаций или их небольшое количество. Не срабатывает функциональная составляющая.

Наглядный, но противоположный пример с Национальным банком Республики Беларусь. В Банковском кодексе [4], которым руководствуется в своей повседневной деятельности и Национальный банк, есть ссылки на законодательство об экономической несостоятельности и банкротстве [4, ст. ст. 102, 118-1, 124 и др.], имеются и правовые нормы о банкротстве (нет о неплатежеспособности) банков [4, ст.134-1 и др.]. И Национальный банк активнее иных государственных органов занимается этими вопросами.

А в Законе о Совете Министров [5], как ни парадоксально, нет ни одной правовой нормы о несостоятельности и банкротстве. Наверное, поэтому эти вопросы редко попадают в повестку дня заседаний Правительства (в 2021 – 2022 гг. не было), ими в основном занимается Министерство экономики Республики Беларусь и его Департамент по санации и банкротству.

На наш взгляд, достаточно в Законе о Совете Министров [5, ст. 12] в блоке экономических полномочий иметь запись, что Совет Министров ко-

ординирует деятельность государственных органов по вопросам несостоятельности и банкротства для снятия многих проблем и организации более слаженной работы.

А возможно стоит ввести и соответствующую отчетность перед Правительством в качестве дисциплинирующего и стимулирующего фактора.

Спокойное, если не сказать «холодное» отношение к несостоятельности и банкротству, не говоря уже о неплатежеспособности, не только в законах, в постановлениях Правительства, но и в отраслевых положениях (кстати, министры входят в состав Совета Министров [5, ст. 4]). Исключение из этого правила, по понятным причинам, составляет Положение о министерстве экономики [6].

В этом Положении в первом его пункте прямо указано, что Министерство экономики Республики Беларусь, как республиканский орган государственного управления, подчиненным Правительству Республики Беларусь, проводящим государственную политику в сфере макроэкономического анализа и прогнозирования, инвестиций, предпринимательства, экономической несостоятельности (банкротства).

Минэкономики координирует деятельность республиканских органов государственного управления и иных государственных организаций, подчиненных Правительству Республики Беларусь, в указанных сферах.

Обеспечение функционирования института экономической несостоятельности (банкротства) названо в Положении [6, п. 4] одним из основных направлений деятельности данного министерства.

Пересматривая в связи с принятием нового Закона о банкротстве [1, ст. 229] действующее законодательство, Совету Министров Республики Беларусь, как нам представляется, следует предложить в проект нового закона о местном управлении и самоуправлении новые задачи и обязанности республиканских органа управления, продублировать их и в подзаконных правовых актах роль каждого республиканского органа управления к вопросам неплатежеспособности, в том числе в отношении организаций, входящих в структуру этого республиканского органа управления.

Дело в том, что в новом Законе об урегулировании неплатежеспособности [1, ст. 12] задачи и обязанности республиканских государственных органов изложены достаточно общо, в одном пункте без конкретизации категории этих органов, их комплексного характера, возможностей и особенностей, присущих для неплатежеспособности организаций, входящих в данную отрасль:

обеспечивают в пределах своих полномочий реализацию государственной политики в сфере урегулирования неплатежеспособности;

принимают меры по предупреждению несостоятельности и банкротства государственных организаций (организаций с долей государства), ко-

торые находятся в подчинении (составе) этих государственных органов или управление принадлежащими Республике Беларусь либо ее административно-территориальным единицам акциями (долями в уставном фонде) которых осуществляют эти государственные органы; принимают решение о нецелесообразности дальнейшей реализации таких мер и т.д. (п.2).

Если бы характерных особенностей в профилях деятельности министерств и ведомств не было, то можно было бы принять одно общее положение о министерствах, сократить их аппараты и на этом сэкономить бюджетные средства. Но особенности есть и их следует учитывать при наличии желания организовать эффективную работу республиканских органов управления в работе с неплатежеспособностью.

И государство в лице своих республиканских органов власти и управления должно иметь реальное представление и рычаги по изменению ситуации в этой сфере общественных отношений. Ведь «...при недостаточной проработке форм и методов предупреждения финансовой несостоятельности и отсутствии целостной методологии восстановления платежеспособности положение большинства хозяйствующих субъектов с правовых позиций выглядит как фактический запуск схем «массовых банкротств», что выхолащивает общую концепцию стимулирования государством предпринимательской деятельности, идею стабилизации экономической системы и вытеснения неэффективных хозяйствующих субъектов из оборота» [7, с. 29].

Но не общие положения и абстрактное руководство требуются в настоящее время процессами неплатежеспособности, а конкретные шаги и комплексные планы по предупреждению, недопущению ее (досудебному и судебному оздоровлению), и, в исключительных случаях – банкротству с ликвидацией.

Подводя итог этому небольшому научному изучению роли республиканских органов власти и управления в регулировании общественных отношений в сфере несостоятельности, неплатежеспособности и банкротства, нужно разработать концепцию и план предстоящих изменений и дополнений в действующее законодательство, вытекающих из нового Закона о неплатежеспособности

Библиографические ссылки

1. Об урегулировании неплатежеспособности: Закон Респ. Беларусь, 13 дек. 2022 г. № 227-3 // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь, 17.12.2022, 2/2947.

2. Об экономической несостоятельности (банкротстве): Закон Респ. Беларусь, 13 июля 2012 г. № 415-3, ред. от 24.10.2016 // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь, 15.11.2016, 2/2437.

3. О государственной службе в Республике Беларусь: Закон Респ. Беларусь, 14 июня 2003 г. № 204-З, в ред. от 23.07.2019 // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь, 27.07.2019, 2/2658.

4. Банковский кодекс Республики Беларусь: Кодекс Респ. Беларусь, 25 окт. 2000 г. № 441-З, в ред. от 17.07.2018 // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь, 28.07.2018, 2/2571.

5. О Совете Министров Республики Беларусь: Закон Респ. Беларусь, 23 июля 2008 г. № 424-З, в ред. от 17.07.2018 // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь, 28.07.2018, 2/2570.

6. Отдельные вопросы Министерства экономики Республики Беларусь (вместе с Положением о Министерстве экономики Республики Беларусь, Положением о Департаменте по предпринимательству Министерства экономики Республики Беларусь, Положением о Департаменте по санации и банкротству Министерства экономики Республики Беларусь) // Постановление Совета Министров Респ. Беларусь от 29 июля 2006 г. № 967, в ред. от 14.12.2018 // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь, 18.08.2016, 2/2570.

7. Право и экономическое развитие: проблемы государственного регулирования экономики: монография / В.К. Андреев, Л.В. Андреева, К.М. Арсланов и др.; отв. ред. В.А. Вайпан, М.А. Егорова. М.: Юстицинформ, 2017. – 432 с.

ОРГАНИЗАЦИОННО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ УПРАВЛЕНЧЕСКОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ОРГАНОВ МЕСТНОГО УПРАВЛЕНИЯ И САМОУПРАВЛЕНИЯ В БЕЛАРУСИ

А.В. Карамышев

*Белорусский государственный университет,
ул. Ленинградская 8, 220030, Беларусь*

В статье рассматриваются актуальные аспекты передачи управленческих полномочий местными Советами депутатов и исполнительными органами в адрес органов территориального общественного самоуправления и их организационного взаимодействия.

Ключевые слова: делегирование; совместная компетенция; исключительные полномочия, государственно-властные полномочия, полномочия собственника.

ORGANIZATIONAL AND LEGAL ASPECTS OF ADMINISTRATIVE INTERACTION OF LOCAL GOVERNMENT AND SELF- GOVERNMENT IN BELARUS

A.V. Karamyshev

*Belarusian State University,
8 Leningradskaya str., 220030, Belarus*

The article deals with topical aspects of the transfer of managerial powers by local Councils of Deputies and executive bodies to the bodies of territorial public self-government and their organizational interaction.

Keywords: delegation; joint competence; exclusive powers, state-governmental powers, powers of the owner.

Первоначально в Законе Республики Беларусь от 20 февраля 1991 г. № 617-Х-II «О местном самоуправлении и местном хозяйстве в Республике Беларусь» (далее – закон о местном самоуправлении и местном хозяйстве) в статье об основных полномочиях органов территориального общественного самоуправления (далее - ОТОС) содержалось положение о том, что эти органы несут ответственность за состояние социально-экономического развития своей территории в пределах прав и обязанностей, установленных для них законом, а также добровольно принятых обязательств, делегированных им местными Советами народных депутатов. Понятно, что данное положение по своей сути не могло ориентировать на

то, чтобы приравнять общественные органы по месту жительства к местным органам власти, реально ответственным за комплексное социально-экономическое развитие подведомственных территорий. Тем не менее, норма нацеливала на то, что ОТОС по мере их развития будут располагать достаточно весомым объемом социальных функций и полномочий, в том числе (или преимущественно) за счет делегирования со стороны Советов.

Закон наряду с инициативными задачами социального спектра прямо закреплял за ОТОС некоторый объем управленческо-хозяйственных функций:

- кооперирование заработанных средств, добровольных взносов и пожертвований для развития социальной инфраструктуры территорий;
- принятие от Советов, предприятий, организаций и учреждений на общественную сохранность жилых домов и помещений, игровых и спортивных площадок, клубов, объектов благоустройства, памятников истории и культуры и другие объектов;
- осуществление общественного контроля за работой местных социально-культурных учреждений и предприятий сферы обслуживания населения.

В обеспечение данной платформы взаимодействия ОТОС рекомендовалось заключать договоры с районными администрациями о «*делегировании полномочий*» и о «*совместной компетенции*» в решении хозяйственных, социально-бытовых и иных вопросов. ОТОС делегировалось право предварительного согласования решений местной исполнительной власти по всем объектам строительства и выделения земли, перепрофилирования объектов, сдачи в аренду коммунальных помещений, установке киосков и временных торговых точек в микрорайонах.

Отметим, что согласно закону о местном самоуправлении и местном хозяйстве (до выделения в 1994 г. систем местного управления и местного самоуправления) Советы депутатов включали и формируемые ими исполнительные и распорядительные органы (через которые, как и другие свои органы, Советы действовали) – исполнительные комитеты, которые реализовывали не собственную компетенцию, а компетенцию Советов (прежде всего, в части текущего администрирования). Таким образом, система (подсистема) органов местного самоуправления фактически структурировалась так: «Советы - исполнительные комитеты - органы территориально-общественного самоуправления». Как следствие, расчет делался на «системную (динамичную) связку» всех элементов. Советы призваны были осуществлять координационную функцию по отношению к ОТОС, обеспечивать их согласованную деятельность. Закон предоставил Советам право передавать ОТОС «часть» или «отдельные полномочия» (Совета и исполкома).

После законодательного выделения в октябре 1994 г. из системы местного самоуправления исполнительно-распорядительных органов и консолидации их в систему местного управления все более укреплялся иной подход. В Законе о местном управлении и самоуправлении статья о назначении и полномочиях ОТОС сохранилась в прежней редакции, в том числе в аспекте делегирования, теперь как Советами, так и исполкомами, местными администрациями. В целом потенциальный объем возможных к делегированию прав (функций) максимально сместился в сторону исполнительных и распорядительных органов (их дискреционного усмотрения). Утратив статус органов Советов, они не несли ответственность за выполнение координационных задач в отношении ОТОС. На практике местные исполнительные и распорядительные органы не проявляли заинтересованности в вопросе развития функционального взаимодействия с общественными органами.

Закон исключил (надо признать, вполне оправданно) положение об ответственности ОТОС за социально-экономическое развитие территорий. Однако, наряду с этим закон исключил (чего нельзя было делать) позицию о делегировании исполнительными органами своих полномочий ОТОС. Исчезла и норма об осуществлении ими общественного контроля за работой местных социально-культурных учреждений и предприятий сферы обслуживания населения. Эта позиция «на сжатие» перешла и на уровень местного нормотворчества – в утверждаемые местными Советами (иногда - совместно с исполкомами) примерные положения (уставы) ОТОС, просто повторившие нормы закона и не более того.

Однако по прошествии десяти лет в закон была возвращена норма о возможности для исполнительных и распорядительных органов, аналогично с Советами депутатов, делегировать полномочия ОТОС. Чем характерен этот двухсегментный механизм делегирования полномочий, которые определенным образом «разграничены» между местными представительным и исполнительным государственными органами?

Делегирование Советами. Закон содержит общую норму о том, что Советы вправе делегировать свои полномочия исполкомам, их председателям, органам территориального общественного самоуправления по просьбе или с согласия этих органов, за исключением полномочий, осуществляемых исключительно на сессиях Советов. Применительно к ОТОС это положение о делегировании не имеет реального юридического содержания.

Если идти от обратного методом исключения, буквально придерживаясь линии закона, то ОТОС не могут быть переданы полномочия, относящиеся к исключительной компетенции Совета депутатов, и вдобавок к ним полномочия, которые могут осуществляться исключительно на сессии. Этим общим количеством и определяется реальный объем исключитель-

ных полномочий Совета, которые не подлежат передаче другим субъектам (исполкому, другому Совету, ОТОС). Сюда входят полномочия, указанные в подпунктах 1.2, 1.3, 1.4, 1.5, 1.7, 1.8-1.11, 1.16-1.30 пункта 1 статьи 17 закона.

Кроме этого прямо исключенных позиций реально не могут переданы ОТОС еще ряд полномочий, не вошедших в перечень, например, представление интересов соответствующей административно-территориальной единицы во взаимоотношениях с другими государственными органами, иными организациями и гражданами (1.1); распоряжение природными ресурсами (земля, недра, леса, водные ресурсы и др.) в случаях, предусмотренных законодательством об охране окружающей среды и рациональном использовании природных ресурсов, осуществление контроля за их использованием (1.6); координация деятельности органов территориального общественного самоуправления (1.12); содействие развитию промышленного и сельскохозяйственного производства, сферы услуг, малого и среднего предпринимательства, личных подсобных хозяйств (1.13); участие в предупреждении и ликвидации чрезвычайных ситуаций, выполнении мероприятий по гражданской обороне, обеспечении пожарной, промышленной, ядерной и радиационной безопасности, ликвидации последствий катастрофы на Чернобыльской АЭС (1.15).

Остается позиция – участие в осуществлении мероприятий по сохранению и возрождению историко-культурных ценностей (1.14).

Закон еще делает отсылку к иным полномочиям Совета, предусмотренным актами законодательства, которые регулируют отношения в той или иной публичной сфере (образование, здравоохранение, культура, занятость, охрана природы, профилактика правонарушений и др.) Однако вычленив из них вопросы, которые реально могут быть переданы на решение ОТОС, будет проблематичным, в первую очередь, потому, что компетенция Советов в этих сферах либо сводится только к утверждению разрабатываемых исполнительными органами территориальных программ, что ОТОС, разумеется, не делегируешь, либо вообще не обозначена.

Делегирование исполкомами и местными администрациями. Объем компетенции, реализуемой местными исполнительными и распорядительными органами, многократно превышает объем полномочий Советов. И по своему содержанию она более разнообразна, более привязана к практическим вопросам жизнеобеспечения территориальных сообществ и потому в той или иной части вполне может выступать предметом «совместного ведения» с ТОС и его органами. Закон в статье 61 закрепляет возможность делегирования исполнительными и распорядительными органами (исполкомами и местными администрациями) своих полномочий в адрес структурных подразделений, должностных лиц, государственных органов, а

также «иных организаций», в том числе ОТОС. Относительно характера передаваемых полномочий закон содержит прямой запрет на передачу государственно-властных полномочий (регулирующих, распорядительных, контрольных, юрисдикционных (например, право от имени сельского, поселкового исполкома составить протокол об административном правонарушении) организациям, созданным исполнительными и распорядительными органами. ОТОС не являются такими организациями, но этот запрет закон распространяет и на них.

Это означает, что ОТОС, как и собрания жителей не могут совершать какие-либо юридически обязывающие действия на своей территории, устанавливать общеобязательный порядок (правила), ограничивать, запрещать или разрешать что-либо. В этом плане закрепленный в законе принцип обязательности исполнения на соответствующей территории решений Советов, исполнительных и распорядительных органов, принятых в пределах их компетенции, строго ограничен по субъектам.

Тогда о каких полномочиях (если придерживаться этого юридического термина), кроме «государственно-властных», сегодня можно вести речь? Как представляется, эти вопросы могут рассматриваться исключительно в плоскости гражданско-правовых отношений коммунальной собственности с точки зрения передачи общественным органам определенного объема «полномочий собственника» по управлению и распоряжению имуществом.

В то же время обращает на себя внимание в определенном смысле «расширительная» практика организационного взаимодействия местных государственных и общественных органов. Так, согласно решению Минского городского Совета депутатов от 13 сентября 2016 г. N 221 «О совершенствовании деятельности органов территориального общественного самоуправления», в частности, предусмотрено:

- участие ОТОС в совещаниях в администрациях районов по вопросам содержания территории и жилищного фонда, обеспечения правопорядка, соблюдения установленных стандартов транспортного, торгового, медицинского, социального и культурного обслуживания, норм санитарного состояния, экологии и т.д.;

- участие ОТОС в общественном обсуждении вопросов градостроительной политики районов;

- взаимодействия с ОТОС по вопросам профилактики правонарушений и обеспечению общественной безопасности для привлечения жителей микрорайона к активной правоохранительной деятельности;

- взаимодействие ОТОС с территориальными центрами социального обслуживания населения;

- инвентаризация помещений, используемых совместно с ОТОС, создание условий, удобных для работы с населением микрорайонов.

- включение в должностные обязанности заместителей глав администраций районов и руководящих работников жилищно-коммунальных организаций вопросов практического взаимодействия с органами ТОС.

Как видим, в решении векторно обозначены некоторые организационно-служебные аспекты взаимодействия. Несомненно, для эффективной их реализации они нуждаются в дополнительном программно-целевом и организационном (процедурном) оформлении в решениях городского Совета депутатов.

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ВЕНЧУРНОГО ИНВЕСТИРОВАНИЯ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ: ПРОБЛЕМЫ И ПУТИ РАЗВИТИЯ

Х.О. Кононович

*аспирант 3 г. об. Белорусского государственного университета,
ул. Ленинградская 8, 220030, г. Минск, Беларусь, KononovichK@bsu.by*

В статье рассматривается венчурное инвестирование как инструмент развития экономики Республики Беларусь. Проведен анализ рынка в области венчурного инвестирования как в Республике Беларусь, так и на мировом пространстве. Выделены проблемы правового регулирования венчурных инвестиций и предложены пути решения этих проблем для повышения привлекательности на рынке, привлечения инвестиций и ускорения экономического роста.

Ключевые слова: венчурное инвестирование, инструменты венчурного инвестирования, венчурные инвестиции, корпоративные венчурные фонды, стартап-проекты.

LEGAL REGULATION OF VENTURE INVESTING IN THE REPUBLIC OF BELARUS: PROBLEMS AND WAYS OF DEVELOPMENT

Kh.O. Kononovich

*3rd year postgraduate student Belarusian State University,
Leningradskaya st. 8, 220030, Minsk, Belarus, KononovichK@bsu.by*

The article considers venture investment as a tool for the development of the economy of the Republic of Belarus. An analysis of the market in the field of venture investment was carried out both in the Republic of Belarus and in the world. The problems of legal regulation of venture investments are highlighted and ways to solve these problems are proposed to increase the attractiveness in the market, attract investment and accelerate economic growth.

Keywords: venture investment, venture investment instruments, venture investments, corporate venture funds, start-up projects.

Венчурное инвестирование – это вид инвестирования в стартапы и молодые компании с высоким потенциалом роста и инновационными технологиями, которые могут изменить отрасли и рынки [1].

Венчурное инвестирование является важной составляющей развития экономики и инновационных технологий в Республике Беларусь. Однако, несмотря на существующее законодательство и различные программы, ин-

весторы и стартапы сталкиваются с рядом проблем, связанных с отсутствием эффективных механизмов и инструментов венчурного инвестирования, что ограничивает развитие венчурной индустрии в стране. В данной статье будут рассмотрены проблемы, связанные с правовым регулированием венчурного инвестирования в Республике Беларусь, а также предложены пути решения этих проблем.

В настоящее время сферу венчурного инвестирования в Республике Беларусь регулируют такие нормативные правовые акты, как: Закон Республики Беларусь от 10 июля 2012 г. № 425-З «О государственной инновационной политике и инновационной деятельности в Республике Беларусь», Закон Республики Беларусь от 12 июля 2013 г. № 53-З «Об инвестициях», Закон от 17 июля 2017 г. № 52-З «Об инвестиционных фондах», Декрет Президента Республики Беларусь № 8 от 21 декабря 2017 г. «О развитии цифровой экономики», Положение о порядке создания субъектов инновационной инфраструктуры, утвержденное Указом Президента Республики Беларусь № 105 от 12 марта 2018 г., а также государственные программы «Малое и среднее предпринимательство» на 2021-2025 годы, «Инновационное развитие Республики Беларусь» на 2021-2025 годы и «Социально-экономическое развитие Республики Беларусь» на 2021-2025 годы, и др.

Однако, несмотря на наличие данного законодательства, венчурное инвестирование в Республике Беларусь сталкивается с некоторыми проблемами.

Одной из главных проблем, связанных с регулированием венчурного инвестирования в Беларуси, является отсутствие специализированной законодательной базы в области венчурного инвестирования. В настоящее время в Беларуси нет специального закона, регулирующего венчурное инвестирование, что затрудняет развитие этой отрасли. Вместо этого, венчурные инвестиции регулируются законодательством, указанным ранее, которое не учитывает специфические особенности венчурного инвестирования. Кроме того, отсутствие правового регулирования порождает правовую неопределенность и увеличивает риски для инвесторов.

Законодательная база в Беларуси не предоставляет эффективных механизмов и инструментов для привлечения инвестиций в инновационные проекты. В настоящее время отсутствует законодательное регулирование, обеспечивающее стимулирование и защиту прав инвесторов в процессе финансирования инновационных проектов. В связи с этим, отсутствует гарантия того, что инвесторы получат свои инвестиции обратно в случае неудачи проекта, что снижает интерес инвесторов к венчурным инвестициям.

Также, в настоящее время в Республике Беларусь нет важного механизма, как налоговые льготы для инвесторов, вложившие средства в вен-

чурные проекты, что делает такие инвестиции менее привлекательными [2].

Кроме того, отсутствие развитой инфраструктуры венчурного инвестирования является еще одной проблемой венчурного инвестирования в Беларуси, которая затрудняет развитие этого вида инвестирования [2].

А отсутствие специализированных венчурных фондов, на мой взгляд, одна из главных проблем развития венчурного инвестирования. На территории Республики Беларусь не существует специализированных венчурных фондов, которые могли бы финансировать стартапы и обеспечивать их развитие. Это является одной из наиболее острых проблем венчурного инвестирования в Беларуси.

Из этого можно сделать вывод, что нет целостного специализированного законодательства и инструментов, регулирующих область венчурного инвестирования. Поэтому для развития венчурного инвестирования в Республике Беларусь необходимо принять ряд мероприятий:

- создание специальной законодательной базы для венчурного инвестирования. Принятие специального закона о венчурных инвестициях, который поможет устранить правовую неопределенность и создать более благоприятную среду для развития этой отрасли;

- создание специализированных фондов венчурного инвестирования. Эти фонды будут инвестировать деньги в перспективные молодые компании, что создаст доступность к капиталу для таких компаний, а также привлечет дополнительные инвестиции из других источников;

- разработка законодательства, которое бы обеспечивало защиту прав инвесторов. Важным механизмом для стимулирования венчурного инвестирования может стать внедрение налоговых льгот для инвесторов, вложивших средства в венчурные проекты. Например, можно предусмотреть возможность списания сумм, вложенных в венчурные проекты, с налогооблагаемой прибыли, что может снизить налоговую нагрузку для инвесторов;

- развитие в целом экосистемы венчурного инвестирования, которое поспособствует увеличению привлекательности для инвесторов. Это включает в себя создание инфраструктуры для увеличения возможностей и поддержки на ранних стадиях развития компаний.

Таким образом, для развития венчурного инвестирования в Республике Беларусь необходимо не только усовершенствование законодательства, но и создание специальных инструментов и механизмов, которые будут способствовать привлечению инвестиций в стартапы.

И, на мой взгляд, на данный момент, стоит обратить внимание на такой инструмент венчурного инвестирования для развития данного направления, как создание корпоративных венчурных фондов, которые могли бы

выступать в качестве инвесторов и финансировать перспективные проекты, тем самым обеспечивая их развитие.

В настоящее время в Беларуси не существует корпоративных венчурных фондов, которые инвестируют в стартапы в различных секторах экономики.

Одной из основных проблем корпоративных венчурных фондов в Беларуси является отсутствие достаточной юридической и законодательной базы для развития корпоративных венчурных фондов в Беларуси. А отсутствие специальных законов, регулирующих деятельность венчурных фондов, может создавать правовые проблемы и неопределенность для инвесторов и управляющих компаний.

Поэтому необходимо создать корпоративные венчурные фонды и урегулировать их деятельность на законодательном уровне.

Венчурный фонд, единственным ограниченным партнёром которого выступает крупная корпорация, а инвестиции осуществляются в интересах этой компании, называется корпоративным [3].

Корпоративный венчурный фонд – это своего рода инструмент, который используется корпорациями для инвестирования в молодые компании и стартапы на ранних стадиях развития, а также для получения доступа к новым технологиям и инновациям. Он может обеспечить молодым компаниям доступ к капиталу, экспертизе и ресурсам корпорации для поддержки молодых компаний и стартапов в стране [4].

Один из примеров корпоративных венчурных фондов, урегулированных законодательством в США, - это Intel Capital, который был создан в 1991 году как венчурный фонд корпорации Intel.

Intel Capital - это глобальный венчурный фонд, который инвестирует в компании на ранних и средних стадиях развития в различных областях, включая технологии, искусственный интеллект, автоматизацию, здравоохранение и другие. Фонд обладает значительным опытом и ресурсами, которые могут быть использованы для поддержки компаний-портфелей, таких как экспертиза и контакты в индустрии, мировой бренд и привлекательность для потенциальных инвесторов [1].

Как корпоративный фонд, Intel Capital имеет связи с корпоративной материнской компанией и может использовать их ресурсы и экспертизу для поддержки портфельных компаний. Кроме того, Intel Capital может обеспечить доступ к технологиям и интеллектуальной собственности компании Intel для поддержки и ускорения развития компаний-портфелей [1].

Законодательство, которое урегулировало деятельность Intel Capital и других венчурных фондов, - это закон о венчурных инвестициях Small Business Investment Act (SBIA) 1958 года, а также можно обратить внимание на Investment Company Act и законы о ценных бумагах и инвестициях.

Это пример зарубежного законодательства, которое может быть использовано в качестве образца для разработки нового законодательства Республики Беларусь.

Small Business Investment Act of 1958 предоставляет государственную поддержку для развития малого и среднего бизнеса в США путем финансирования его проектов. В рамках данного акта создаются специализированные венчурные фонды, которые финансируют малые и средние предприятия в различных отраслях экономики. Этот акт также предоставляет финансовую поддержку инвестиционным компаниям и фондам, которые инвестируют в малый и средний бизнес.

Investment Company Act of 1940 определяет правовые рамки для регулирования инвестиционных компаний в США, включая венчурные фонды. Данный акт определяет процедуры для регистрации инвестиционных компаний в Securities and Exchange Commission (SEC), устанавливает требования к их структуре и деятельности, а также определяет процедуры для контроля за их деятельностью. Также в данном акте регулируются вопросы, связанные с инвестированием средств, управлением рисками и защитой интересов инвесторов.

Республика Беларусь может использовать опыт США и других стран, разработав новое законодательство с учетом своих специфических особенностей и потребностей страны, которое будет регулировать деятельность венчурных фондов и инвестиционных компаний. Например, необходимо учитывать развитие конкретных отраслей экономики и потребности малых и средних предприятий в инвестиционной поддержке. Законодательство должно устанавливать правила и процедуры для создания и регистрации венчурных фондов, определять требования к их структуре и деятельности, а также устанавливать процедуры контроля за их деятельностью. Также необходимо установить механизмы поддержки и финансирования инновационных проектов, созданных малыми и средними предприятиями в различных отраслях экономики.

Создание эффективной системы корпоративных фондов может стать важным фактором для стимулирования инновационной деятельности в Республике Беларусь, привлечения инвестиций и ускорения экономического роста.

Таким образом, в настоящее время, на мой взгляд, ключевым шагом в развитии венчурного инвестирования в стране является создание и закрепление на законодательном уровне правового регулирования корпоративных венчурных фондов в Беларуси, которые в свою очередь обеспечат стимулирование предпринимательской деятельности в Республике Беларусь, привлечение инвестиций и ускорение экономического роста.

Библиографические ссылки

1. Венчурное инвестирование: мировой рынок венчурных инвестиций [Электронный ресурс] : Интернет-портал и аналитическое агентство TADVISER. – 2023. – Режим доступа: <https://www.tadviser.ru/index.php>. – Дата доступа: 16.03.2023.
2. Рынок венчурного финансирования в Беларуси [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://bikratings.by/analitika/rynok-venchurnogo-finansirovaniya-v-belarusi>. – Дата доступа: 15.03.2023.
3. Мысловский, П. Тренд: корпоративные венчурные фонды. Что о них стоит знать? [Электронный ресурс] / П. Мысловский // Rusbase. – 2017. – Режим доступа: <https://rb.ru/story/korporativnyj-venchurnyj-fond/>. – Дата доступа: 19.03.2023.
4. Latest trends in corporate venture capital [Electronic resource]: Financier worldwide. – 2022. – Mode of access: <https://www.financierworldwide.com/latest-trends-in-corporate-venture-capital/XmycoS1eNE>. – Date of access: 17.03.2023.

К ВОПРОСУ О МЕХАНИЗМЕ РЕАЛИЗАЦИИ СУБЪЕКТИВНОГО ПРАВА НА ПОЛУЧЕНИЕ ПУБЛИЧНОЙ УСЛУГИ

Л.А. Краснобаева

*Белорусский государственный университет,
ул. Ленинградская 8, 220030, г. Минск, Беларусь, krasnabayeva@bsu.by*

В статье исследуются вопросы субъективного права на получение публичной услуги как деятельности органов государственной власти, направленные на удовлетворение законных прав и интересов заявителей. Обозначены структурные элементы административно-правового механизма реализации публичных услуг.

Ключевые слова: административно-правовой механизм, правовые средства, публичные услуги, субъективное право, обязанности.

ON THE ISSUE OF THE MECHANISM OF REALIZATION OF THE SUBJECTIVE RIGHT TO RECEIVE A PUBLIC SERVICE

L.A. Krasnabayeva

*Belarusian State University,
Leningradskaya str. 8, 220030, Minsk, Belarus, krasnabayeva@bsu.by*

The article examines the issues of the subjective right to receive a public service as an activity of public authorities aimed at satisfying the legitimate rights and interests of applicants. The structural elements of the administrative and legal mechanism for the implementation of public services are outlined.

Keywords: administrative and legal mechanism, legal means, public services, subjective law, obligations.

Исследование проблемы реализации субъективного права на получение публичной услуги имеет важное научно-теоретическое и прикладное значение, поскольку отражает общие и отличительные черты в структуре субъективных прав и одновременно недопустимость признания права на публичные услуги как предмета частноправовых отношений. В теории права общепринятой является позиция, что субъективное право, как структурный элемент правоотношения – это принадлежащая управомоченному в целях удовлетворения его интересов мера дозволенного поведения, обеспеченная юридическими обязанностями других лиц [1, с.114]; [2, с.65].

Анализ источников позволяет классифицировать высказанные в науке точки зрения на содержание субъективных прав и условно выделить *теорию негативного содержания субъективного права*, разработанную и внедренную советскими теоретиками и цивилистами, которые рассматривали субъективное право, прежде всего, как притязание и закрепленную за лицом возможность привести в действие государственный аппарат для принятия мер принуждения против обязанного лица в случае неисполнения последним своей обязанности [3, с.9];[4, с.78];[5, с.109]; и *теорию позитивного содержания субъективных прав*, нашедшую свое отражение в современных исследованиях, и основанную на признании юридической природы субъективного права как дозволенного правопорядка управомоченного лица действовать для удовлетворения своих законных интересов. Ученые подчеркивают, что для субъективного права одинаково важно как поведение, дозволенное управомоченному, так и поведение, предписанное обязанному [6, с.672];[7, с.538-539].

По справедливому замечанию В.А. Токарева «природа субъективных публичных прав представляется двойственной: юридической и социально-политической, поскольку их признание и защита преследуют сразу несколько целей: ограничение государственной власти и обеспечение осуществления законных интересов индивидов». По мнению автора, «субъективные публичные права разделяются на три категории: права на участие во власти, права на свободу от власти и права на содействие власти» [8, с.18]. Убедительными являются и мнения, согласно которым «соответствующие субъективным публичным правам частных лиц обязанности публичных органов *не являются обязанностями-правами*, ибо они не могут отказаться от осуществления своих обязанностей в публично-правовом отношении либо произвольно изменить их, не нарушая законы» [9, с.60]; [10, с.78]. А. И. Елистратов высказал интересную мысль о том, что «публичный характер правоотношений между администрацией и гражданином выдвигает в составе этих отношений на первый план элемент правовой обязанности» [цит.11, с.88].

Публично-правовая природа субъективного права предопределяется наличием обязанностей по удовлетворению индивидуальных интересов получателей услуг. Как следствие, совершенно правильным видится точка зрения, что субъективное право может быть сформулировано в виде прямого указания в норме права *на возможность требовать* от органа предпринять определенное действие. В.Н. Бибило справедливо отмечает, что «субъективное право отражает тот факт, что принадлежащее ему право зависит в определенных пределах от его личного усмотрения» [12].

Таким образом, мы придерживаемся позиции, что субъективное право на получение публичной услуги является *«правом требования»*. При

этом «право требования» обретает свое становление не в процессе взаимодействия, а посредством личной заинтересованности. По своему юридическому значению право требования может быть охарактеризовано в качестве правомочия на совершение определенных действий – административных процедур. Оно является своего рода вспомогательным средством и призвано обеспечить исполнение юридической обязанности органом государственного управления. Юридическая природа данного субъективного права заключается в том, что объективный правопорядок предоставляет управомоченному инструментарий, при помощи которого он выражает свой интерес и волю с целью побудить другую сторону правоотношения исполнить юридическую обязанность. При реализации публичной услуги право требования с корреспондирующей ему юридической обязанностью образует основу управленческого правоотношения. Данный тезис подтверждается и тем, что в структуру субъективного права на получение публичных услуг входят правомочия требовать от обязанной стороны совершения конкретных действий и защиты от нарушений со стороны обязанной стороны. Соответственно указанным правомочиям корреспондируют обязанности стороны: совершить административное действие или устранить нарушение.

Право требования следует отличать от права на активные действия, содержание которого состоит в возможности лица самому совершать юридически значимые активные действия. В отличие от права требования данное правомочие представляет собой право на дозволенное поведение, которое, прежде всего, касается самого управомоченного, жизненный интерес которого удовлетворяется при помощи его собственных действий активного характера. Удовлетворение интереса достигается либо путем непосредственной деятельности управомоченного, либо наступлением обязательных юридических последствий.

Таким образом, правовое регулирование субъектного состава правоотношений, обусловленных реализацией публичных услуг, должно включать как права и обязанности услугополучателей, так и обязанности услугодателей.

Несмотря на то, что развитие доктрины публичных субъективных прав сдерживает доминирующий в науке «управленческий» подход с монистической концепцией предмета отрасли [13, с.12], а реализация права на получение публичной услуги осуществляется посредством норм как публичного, так и частного права, в контексте нашего исследования мы придерживаемся точки зрения, что субъективное право на получение публичных услуг обладает исключительно административной природой, то есть для его реализации должен предусматриваться административно-правовой механизм.

К сожалению, отечественная наука обходит стороной вопросы содержания и выделения структурных элементов административно-правового механизма обеспечения реализации субъективных прав. В целях комплексного анализа стоит обратиться к теории права, где понятие «правовые средства» рассматривается как разностороннее правовое явление с неодинакового рода содержанием. По мнению одних авторов, «правовые средства – это *институциональные явления правовой действительности*, выражающиеся в инструментах (установления, формах) и деяниях (технологии), с помощью которых удовлетворяются интересы субъектов права и обеспечивается достижение социально полезных целей» [14, с.56];[15, с.359]; [16];[17, с.14];[18, с.9]. Другие исследователи, понятие «правовые средства», анализирует в контексте понятия «правовое регулирование» и полагают, что система правовых средств – есть *механизм правового регулирования*, основными структурными элементами которого являются нормы права, правоотношения и акты реализации прав, свобод, законных интересов и обязанностей [19, с.306];[20, с.470]; [2, с. 350].

Обобщая данные, выделенные теорией права, под административно-правовым механизмом мы понимаем совокупность административно-правовых средств, которые оказывая влияние на управленческие отношения, создают и формируют их в соответствии с задачами государства. И если основными элементами механизма правового регулирования наряду с нормами административного права являются административные правоотношения, акты применения административного права, акты реализации административного права, то элементами административно-правового механизма реализации публичных услуг *служат принципы государственного управления, административно-правовые и процедурные формы, административные методы и административно-договорные инструменты*. Согласимся с К.С. Кавериной, которая в своем научном исследовании указывает, что «механизм реализации норм административного права - это система взаимосвязанных и взаимодействующих между собой нормативно-институциональных, процедурно-процессуальных и инструментальных элементов, с помощью которых осуществляется и обеспечивается многообразная управленческая деятельность...» [21].

В заключение отметим, что административно-правовые средства имеют ключевое значение для утверждения нового методологического и научного подходов, которые отражают явления правовой действительности в целях эффективного обеспечения субъективного права на получение публичных услуг.

Библиографические ссылки

1. Алексеев С. С. Общая теория права. / С.С. Алексеев. В двух томах. Т. II – М.: Юрид. лит. 1982. – 360 с.
2. Общая теория права : пособие / В. А. Абрамович [и др.] ; под общ. ред. С. Г. Дробязко, С. А. Калинина. – Минск : БГУ ; издательство «Четыре четверти», 2014. – 416 с
3. Кечекьян С.Ф. Правоотношения в социалистическом обществе / Кечекьян С.Ф.; Отв. ред.: Строгович М.С. – М.: Изд-во АН СССР, 1958. - 187 с.
4. Вильнянский С.И. Лекции по советскому гражданскому праву. Ч. 1 /Вильнянский С.И.; Отв. ред.: Рогожин А.И. – Харьков: Изд-во Харьк. ун-та, 1958. – 339 с.
5. Алексеев С.С. Общая теория социалистического права: Нормы права и правоотношения. Курс лекций: Учебное пособие. Вып. 2 / Алексеев С.С.; Ред.: Петрищева Г.И. – Свердловск: Сред.-Урал. кн. изд-во, 1964. – 226 с.
6. Иоффе О.С. Избранные труды по гражданскому праву. Из истории цивилистической мысли. Гражданское правоотношение. Критика теории «хозяйственного права» / Иоффе О.С. – М.: Статут, 2000. –777 с.
7. Белов В.А. Гражданское право: Общ. ч.: Учебник / В.А. Белов. – М.: Центр ЮрИнфоР, 2002. – 637с.
8. Токарев В.А. К вопросу о концепциях субъективных публичных прав в российской юридической науке начала XX в. // Труды Института государства и права РАН., 2020. – № 4. – С.1–19
9. Зеленцов А. Б. Субъективное публичное право: учебное пособие / А. Б. Зеленцов. – М.: Российский ун-т дружбы народов, 2012. – 145с.
10. Зеленцов, А. Б. Субъективные права и законные интересы как предмет правовой защиты в системе административной юстиции: юридическая природа и виды / А. Б. Зеленцов // Административное право и процесс. – 2017. – № 6. – С. 74–83.
11. Жеребцов А.Н. Общая теория публично-правовой обязанности / А. Н. Жеребцов. – Санкт-Петербург: Юридический центр – Пресс, 2013. – 403 с.
12. Бибило, В. Н. Индивидуальное право субъекта / В.Н.Бибило //Право и демократия : сб. науч. тр. Вып. 18 / редкол. : В. Н. Бибило (гл. ред.) [и др.]. – Минск: БГУ, 2007. – 348 с.
13. Винницкий, А. В. Учение о субъективных публичных правах: формирование, кризис и возрождение // Право и политика. – 2018. – № 12. – С. 12–26;
14. Проблемы теории государства и права: Учебное пособие / Под ред. М.Н. Марченко. – М.: Юристъ, 2001. – 656 с.
15. Батурина, Ю. Б. Правовая форма и правовое средство в системе понятий теории права. Дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / Батурина Ю.Б. - МГУ, Москва, 2001. - 149 с.
16. Сапун, В.А.Теория правовых средств и механизм реализации права : автореферат дис. ... доктора юридических наук : 12.00.01 / Нижегород. акад. МВД России. – Нижний Новгород, 2002. – 49 с.
17. Алексеев, С. С. Правовые средства: постановка проблемы, понятие, классификация / С. С. Алексеев // Советское государство и право. – 1987. – № 6. – С. 12-19.
18. Матузов Н.И., Малько А.В. Теория государства и права : учебник для студентов высших учебных заведений, обучающихся по направлению и специальности "Юриспруденция" / Н. И. Матузов, А. В. Малько ; Саратовский филиал ин-та государ-

ства и права Российской акад. наук. - Изд. 2-е, перераб. и доп. – Москва : Юристъ, 2007. – 540с.

19. Хропанюк В.А. Теория государства и права : учебник для высших учебных заведений / В. Н. Хропанюк; под ред. В. Г. Стрекозова. – М.: Изд-во «Интерстиль», «Омега-Л», 2015. – 384 с.

20. Вишневский А.Ф. Общая теория государства и права: учебник. 2-е изд., перераб. и доп. / А.Ф. Вишневский, Н.А. Горбатов, В.А. Кучинский; Под общ. ред. проф. В.А. Кучинского. – М.: Изд-во деловой и учеб. лит-ры, 2006. – 656 с.

21. Каверина К.С. Механизм реализации норм административного права: Дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.14 / К.С. Каверина Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации» – Москва, 2015. – 202 с.

РОЛЬ ООН В ПРОТИВОДЕЙСТВИИ НЕЗАКОННОЙ ТРАНСПЛАНТАЦИИ ОРГАНОВ И ТКАНЕЙ ЧЕЛОВЕКА

В.В. Кришталь

*Институт правовых исследований Национального центра законодательства и
правовых исследований Республики Беларусь
ул. Берсона, 1а, 220030 г. Минск, Беларусь, viktoriyakrishtal150997@gmail.com*

Констатируется отсутствие слаженного механизма противодействия незаконной трансплантации органов и тканей человека в ООН. В рамках органов ООН приняты акты рекомендательного характера, затрагивающие вопросы правового регулирования изъятия органов человека, а также вопросы по противодействию изъятия органов в контексте торговли людьми и торговли органами.

Ключевые слова: незаконная трансплантация органов и тканей человека; торговля людьми с целью изъятия органов; противодействие преступности; ООН; Управление ООН по наркотикам и преступности.

THE ROLE OF THE UNITED NATIONS IN THE FIGHT AGAINST ILLEGAL TRANSPLANTATION OF ORGANS AND TISSUES

V.V. Kryshtal

*The Legal Research Institute, National Centre of Legislation and Legal Research,
1a Bjarsona Street, Minsk 22003, Belarus*

There is no the special UN mechanism of combating of illegal transplantation of organs and tissues. The UN bodies have adopted acts of a recommendatory nature that address legal issues about in the context of combating against human trafficking and organ trafficking.

Keywords: illegal transplantation of organs and tissues, human trafficking for purpose of organ removal, combating crime, United Nations, United Nations Office on Drugs Crime.

Согласно ст. 1 Устава Организации Объединенных Наций (далее – ООН) [1] целями организации являются: осуществление международного сотрудничества в разрешении международных проблем экономического, социального, культурного и гуманитарного характера, поощрение и развитие уважения к правам человека и основным свободам для всех, без различия расы, пола, языка и религии. Также ООН – центр для согласования действий наций в достижении указанных целей.

В настоящее время ООН имеет ряд инструментов, которые способствуют противодействию незаконной трансплантации органов и тканей человека, путем работы по борьбе с преступлениями, которые связаны с трансплантацией органов и тканей человека: торговля людьми с целью изъятия органов человека и торговля органами.

В научной литературе освещены следующие вопросы: роль ООН в борьбе с транснациональной организованной преступностью (В. В. Меркушин [2], Р. В. Нигматулин и Р. Р. Сулейманова [3]), торговлей людьми (Н. Е. Коркеева и Т. В. Протасова [4]) и с незаконным оборотом органов (А. А. Козлова [6]); роль Республики Беларусь в борьбе с торговлей людьми в системе ООН (А. А. Сакута [5]);. Однако участие ООН в противодействии незаконной трансплантации органов и тканей человека не было изучено несмотря на то, что этот вопрос является исключительно актуальным, в связи с нехваткой органов для трансплантации.

Одним из ключевых органов ООН, который частично затрагивает вопросы, связанные с противодействием незаконной трансплантации, является Генеральная Ассамблея ООН (далее – ГА ООН).

Так в 2004 г. ГА ООН приняла резолюцию 59/156 «Предупреждение незаконного оборота органов человека, борьба с ним и наказание за него» [7], в которой призывает государства, принимать необходимые меры для предупреждения незаконного изъятия и оборота органов человека, борьбы с такой деятельностью и наказания за нее, также обмениваться опытом и информацией по предупреждению этих деяний, а также подготовить Конгрессу ООН по предупреждению преступности и уголовному правосудию исследование о масштабах незаконного оборота органов человека для представления его Комиссии по предупреждению преступности и уголовному правосудию (далее – КППУП).

В 2005 г. Конгресс ООН по предупреждению преступности и уголовному правосудию на своем заседании отметил, что он изучит доклад, представленный на заседании ГА ООН в 2004 г. [8], однако Конгресс ООН по предупреждению преступности и уголовному правосудию не провел вышеупомянутое исследование.

Однако в 2009 г. было проведено исследование ООН совместно с Советом Европы «Торговля органами, тканями и клетками и торговля людьми с целью изъятия органов» [9], а в 2015 г. Управлением Верховного комиссара ООН по правам человека представлен материал на тему: «Торговля людьми в целях изъятия органов: содействие учету проблематики прав человека и вовлечение механизмов по правам человека» [10]. Исходя из анализа данных исследований, в них затрагиваются лишь вопросы незаконного изъятия органов человека в контексте его эксплуатации. А совместное исследование Совета Европы и ООН, касается лишь процедуры

проведения донорства и изъятия органов и тканей человека. Вопросы, связанные с последующей имплантацией незаконно изъятых органов и тканей, а также закупкой, обработкой, транспортировкой их и иными сопутствующими мероприятиями, связанными с трансплантацией, не освещены.

Лишь в 2015 г. Конгресс ООН принял Дохинскую декларацию [11], в которой отметил необходимость принимать более эффективные меры по предупреждению и противодействию преступности и укреплению верховенства права в связи с новыми формами транснациональной организованной преступности (включая незаконный оборот органов, крови и тканей человека), как на универсальном, так и на региональном уровнях

С 2017–2020 гг. ГА ООН приняла ряд резолюций 71/322 [11], 73/189 [12], 75/195 «Усиление и поощрение эффективных мер и международного сотрудничества в сфере донорства и трансплантации органов с целью препятствовать и противодействовать торговле людьми для изъятия органов и торговле человеческими органами» [13]. Так, в резолюцию ГА ООН 75/195 включены положения, которые путем их реализации могут противодействовать незаконной трансплантации органов и тканей человека. Например, данная резолюция определяет следующие категории жертв: жертва торговли людьми с целью изъятия органов, торговли органами, то есть это лицо, которое подверглось изъятию органа с нарушением порядка и условий проведения трансплантации органов, а также лицо, которому имплантируют незаконно изъятый орган. Однако не выделяются категории жертв, которые подверглись изъятию тканей человека и жертв реципиентов, которым имплантируются изъятые ткани человека.

Также резолюция ГА ООН 75/195 сосредоточивает все имеющиеся инструменты для противодействия торговле людьми с целью изъятия органов и торговли органами. Однако ряд из них, на наш взгляд, требуют особого внимания, так как затрагивают вопросы по противодействию незаконной трансплантации органов человека.

Так, в п. 8 данной резолюции указана необходимость соблюдения требований по сертификации органов для их транспортировки обеспечения доступа жертвам к информации, относящейся к их делу при условии соблюдения анонимности, к средствам необходимым для охраны их здоровья и защиты их других прав, осуществление которых оказывается под угрозой. Также ГА ООН отмечает, что изъятие органов сказывается не только на донорах жертвах, но и на реципиентах органов, полученных при таких обстоятельствах, что представляет собой угрозу для здоровья населения и может подрывать неприкосновенность и функционирование систем здравоохранения [14].

Данная резолюция в п. 10 указывает и на необходимость осуществления организации медицинского и психосоциального ухода за такими

жертвами в кратко-, средне-, долгосрочной перспективе, включения в национальные правовые системы мер, дающих возможность получить компенсацию за причиненный им ущерб [14]. Однако данная резолюция не затрагивает необходимость предоставления защиты для жертв-реципиентов, которым имплантируют незаконно изъятые органы человека.

Необходимо отметить, что ГА ООН настоятельно призывает государства обеспечивать проведение изъятия органов и трансплантацию у умерших и живых лиц в центрах, которые получили специальное разрешение, а также указывается необходимость разработки дополнительных трансплантационных реестров (п. 12).

Необходимо отметить, что в данной резолюции не учтены вопросы изъятия и имплантации тканей человека и незаконной деятельности в отношении них.

Одним из органов ООН, деятельность которого связана с противодействием незаконной трансплантации органов и тканей человека, является КППУП, учрежденная резолюцией 1992/1 Экономического и Социального Совета ООН [15].

КППУП приняла резолюции 23/2 «Предупреждение незаконного оборота органов человека, включая торговлю людьми с целью извлечения органов, а также борьбы с ним» [16] и 25/1 «Предупреждение и пресечение незаконного оборота органов человека и торговли людьми с целью изъятия органов» [17] (далее – резолюция 23/2, 25/1).

В резолюции 23/2 КППУП призывает государства принимать меры по предупреждению несанкционированного извлечения или имплантации органов и незаконной их продажи, посреднических услуг, закупки и других незаконных операций в отношении органов человека (п. 1) и по криминализации деяний, связанных с незаконной продажей, посредническими услугами, закупкой и другими незаконными операциями в отношении органов человека (п. 2) [17].

Также КППУП в своей резолюции 25/1 подтверждает «недостаточную изученность проблемы незаконного оборота органов, человеческих тканей, жидкостей и клеток, и торговли людьми с целью изъятия органов» [17].

Еще одним немаловажным инструментом, играющим роль в противодействии незаконной трансплантации органов и тканей человека, на наш взгляд, является мандат Специального докладчика по вопросу о торговле людьми, особенно женщинами и детьми. Специальный докладчик в 2013 г представил тематический доклад по вопросу об эксплуатации людей, вынужденных, в силу необходимости или под принуждением, поставлять органы для трансплантации людям в своих странах или иностранцам [18].

Данный доклад посвящен исключительно вопросу торговли людьми с целью изъятия органов. Вопросы изъятия тканей не рассмотрены. Также по мнению Джой Нгози Эзейло, необходимо «выделить торговлю людьми с целью изъятия органов от более широкого международного движения против торговли людьми как таковой» (п. 32) [18].

Также специальный докладчик отметила, что вопрос, связанный с изъятием органов, ранее не был в центре внимания международной системы защиты прав человека. Он затрагивался лишь в форме торговли детьми, в части передачи органов ребенка за вознаграждение (п. 35).

Специализированным органом ООН в сфере противодействия незаконной трансплантации органов и тканей человека является Всемирная организация здравоохранения (далее – ВОЗ). ВОЗ приняла в 2010 г. Руководящие принципы по трансплантации человеческих клеток, тканей и органов [19], которые служат основой для национальных правовых систем по правовому регулированию проведения всего процесса трансплантации органов и тканей человека.

В июне 2018 г. Секретариат учредил Целевую группу ВОЗ по донорству и трансплантации органов и тканей человека в качестве консультативной группы, в состав которой вошли эксперты из всех регионов ВОЗ. Ее основная задача – консультировать и вносить вклад в разработку и осуществление деятельности ВОЗ в области трансплантации органов и тканей человека [20, с.3]. Секретариат ВОЗ учредил две рабочие группы по трансплантации – одну по органам, другую по тканям, – с целью разработки двух глобальных программ действий на период 2022–2030 гг. для решения глобальных и региональных вопросов и задач, определенных Целевой группой.

Также деятельность ВОЗ в сфере трансплантации органов и тканей человека заключается в партнерстве с национальными центрами трансплантации (Испания, Италия, Аргентина) в рамках обеспечения донорства и трансплантации органов и тканей человека, выражающаяся в обмене информации о соответствующих серьезных нежелательных явлениях и реакциях, связанных с трансплантацией органов, тканей и клеток, подготовка обзоров влияния возникающих угроз, таких как пандемия COVID-19, на безопасность и доступность всех продуктов человеческого происхождения с целью разработки соответствующих планов обеспечения готовности, также содействие в осуществлении региональной стратегии и плана действий по донорству [20, с. 4]. Полагаем, что остальным государствам-членам ООН следует рассматривать такого рода сотрудничество с ВОЗ как одну из мер, направленных на противодействие незаконной трансплантации органов и тканей человека.

Для реализации резолюции 71/322 ГА ООН Секретариат ВОЗ активизировал сотрудничество с Межучрежденческой координационной группой по борьбе с торговлей людьми, включая Управление ООН по наркотикам и преступникам и Управление Верховного комиссара по правам человека.

На основании вышеизложенного можно прийти к следующим выводам. В рамках ООН отсутствует слаженный механизм противодействия незаконной трансплантации органов и тканей человека. Вся деятельность ООН направлена на противодействие торговле людьми с целью изъятия органов, незаконному обороту органов (торговле органами), а также на развитие трансплантации органов на национальном уровне и на разработку трансплантационных реестров. Также полагаем, что необходимо инициировать создание документа на уровне ООН, направленного на изучение незаконной трансплантации органов и тканей человека как отдельного преступления. Данный документ должен, на наш взгляд, включать следующие вопросы: определение категорий жертв незаконной трансплантации органов и тканей человека; криминализация данного деяния и всего спектра услуг, связанных с трансплантацией органов и тканей человека (закупка, тестирование, хранение, транспортировка органов и тканей человека), изучение уязвимости жертв незаконной трансплантации; совершенствования трансплантационных реестров органов и тканей человека под эгидой ВОЗ.

С такого рода инициативой может выступить любое государство в рамках ГА ООН, например, Республика Беларусь, которая имеет схожий опыт в 2012 и 2019 гг. в отношении резолюций, связанных с противодействием торговле людьми.

Библиографические ссылки

1. Устав Организации Объединённых Наций [Электронный ресурс]: // ООН. – Режим доступа: <https://www.un.org/ru/about-us/un-charter/full-text>. – Дата доступа: 25.03.2023.

2. Меркушин, В. В. О повышении роли ООН в области борьбы с транснациональной преступностью и ее организованными структурами [Электронный ресурс] / В. В. Меркушин // Белорусский журнал международного права и международных отношений. – 2001. – № 3. – Режим доступа: <https://evolutio.info/ru/journal-menu/2001-3/2001-3-merkushin>. – Дата доступа: 25.03.2023.

3. Нигматуллин, Р. В. Стратегия ООН в борьбе с транснациональной организованной преступностью / Р. В. Нигматуллин, Р. Р. Сулейманова // Всероссийский криминологический журнал. – 2016. – № 110 (2). – С. 358–368.

4. Корнеева, Н. Е. Организация Объединённых Наций в борьбе с торговлей людьми [Электронный ресурс] / Н. Е. Корнеева, Т. В. Протасова // Белорусско-Российский университет. – Режим доступа: <http://e.biblio.bru.by/bitstream/handle/12121212/3092/18.pdf?sequence=2&isAllowed=y>. – Дата доступа: 25.03.2023.

5. Сакута, А. А. Государственная политика Республики Беларусь в сфере противодействия торговле людьми и незаконной миграции / А. А. Сакута // Противодействие незаконной миграции и торговли людьми : материалы 2 межд. науч.-практ. Симпозиума, г. Ивано-Франковск, 16–17 марта 2018 г. / Университет Короля. – С. 131–135.
6. Козлова, А. А. Незаконный оборот человеческих органов как транснациональная проблема современности / А. А. Козлова // Актуальные проблемы современного международного права: материалы XVI Междунар. конгресса «Блищенковские чтения» / Российский университет дружбы народов. – Москва. – С. 76–81.
7. Предупреждение незаконного оборота органов человека, борьба с ним и наказание за него [Электронный ресурс]: резолюция Генеральной Ассамблеи ООН A/RES/59/156 от 20 декабря 2004 г. // Официальный сайт ООН. – Режим доступа: <https://undocs.org/ru/A/RES/59/156>. – Дата доступа: 25.03.2023.
8. Бангкокская декларация «Взаимодействие и ответные меры: стратегические союзы в области предупреждения преступности и уголовного правосудия» [Электронный ресурс] // УНП ООН. – Режим доступа: https://www.unodc.org/pdf/crime/congress11/BangkokDeclaration_ru.pdf. – Дата доступа: 25.03.2023.
9. Trafficking in organs, tissues and cells and trafficking in human beings for the purpose of the removal of organs [Electronic resource] // Council of Europe. – Mode of access: <https://rm.coe.int/16805ad1bb>. – Date of access: 09.02.2023.
10. Trafficking in Persons for the Purpose of Organ Removal [Electronic resource] // UNODC. – Mode of access: https://www.unodc.org/documents/human-trafficking/2015/UNODC_Assessment_Toolkit_TIP_for_the_Purpose_of_Organ_Removal.pdf. – Date of access: 09.02.2023.
11. Дохинская декларация о включении вопросов предупреждения преступности и уголовного правосудия в более широкую повестку дня организации объединенных наций в целях решения социальных и экономических проблем и содействия обеспечению верховенства права на национальном и международном уровнях, а также участию общественности [Электронный ресурс] // УНП ООН. – Режим доступа: https://www.unodc.org/documents/congress/Declaration/V1504153_Russian.pdf. – Дата доступа: 25.03.2023.
12. Усиление и поощрение эффективных мер и международного сотрудничества в сфере донорства и трансплантации органов с целью препятствовать и противодействовать торговле людьми для изъятия органов и торговле человеческими органами [Электронный ресурс]: резолюция Генеральной Ассамблеи ООН A/RES/71/322 от 8 сентября 2017 г. – Режим доступа: https://www.un.org/en/ga/search/view_doc.asp?symbol=A/RES/71/322&Lang=R. – Дата доступа: 25.03.2023.
13. Strengthening and promoting effective measures and international cooperation on organ donation and transplantation to prevent and combat trafficking in persons for the purpose of organ removal and trafficking in human organs : resolution adopted by the General Assembly UN A/RES/73/189 on 17 December 2018 [Electronic resource] // United Nations. – Mode of access: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N18/450/67/PDF/N1845067.pdf?OpenElement>. – Date of access: 09.02.2023.
14. Усиление и поощрение эффективных мер и международного сотрудничества в сфере донорства и трансплантации органов в целях предупреждения и пресечения торговли людьми для изъятия органов и торговли органами человека [Электронный ресурс]: резолюция Генеральной Ассамблеи ООН A/RES/75/195 от 16 декабря 2020 г. – Режим доступа: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N20/374/18/PDF/N2037418.pdf?OpenElement>. – Дата доступа: 25.03.2023.

15. Establishment of the Commission on Crime Prevention and Criminal Justice : resolution adopted by the Economic and Social Council, 1992/1 on 6 February 1992 [Electronic resource] // United Nations. – Mode of access: <https://www.un.org/ecosoc/sites/www.un.org.ecosoc/files/documents/2020/resolution-1992-1.pdf>. – Date of access: 09.02.2023.

16. Предотвращение и борьба с торговлей человеческими органами и торговлей людьми с целью извлечения органов [Электронный ресурс] : одобр. резолюцией 23/2 Комиссии ООН по предупреж. преступн. и уголов. правосудию // Комиссия ООН по предупреждению преступности и уголовному правосудию. – Режим доступа: https://www.unodc.org/documents/commissions/CCPCJ/Crime_Resolutions/2010-2019/2014/Resolution_23_2.pdf. – Дата доступа: 13.02.2023.

17. Предотвращение и борьба с торговлей человеческими органами и торговлей людьми для цели изъятия [Электронный ресурс] : одобр. резолюцией 25/1 Комиссии ООН по предупреж. преступн. и уголов. правосудию// Комиссия ООН по предупреждению преступности и уголовному правосудию. – Режим доступа: https://www.unodc.org/documents/commissions/CCPCJ/CCPCJ_Sessions/CCPCJ_25/2016_Resolutions_Decisions/03.CCPCJ_2016/Resolution_25_1.pdf. – Дата доступа: 13.02.2023.

18. Доклад Специального докладчика по вопросу о торговле людьми, особенно женщинами и детьми [Электронный ресурс] // ООН. – Режим доступа: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N13/416/84/PDF/N1341684.pdf?OpenElement>. – Дата доступа: 21.02.2023.

19. Руководящие принципы Всемирной организации здравоохранения по трансплантации человеческих клеток, тканей и органов [Электронный ресурс] // Всемирная организация здравоохранения. – Режим доступа: https://www.who.int/transplantation/Guiding_PrinciplesTransplantation_WHA63.22ru.pdf. – Дата доступа: 21.02.2023.

20. Доклад Генерального директора Всемирной организации здравоохранения 2022 г. [Электронный ресурс] // Всемирная организация здравоохранения. – Режим доступа: https://apps.who.int/gb/ebwha/pdf_files/WHA75/A75_41-ru.pdf. – Дата доступа: 21.02.2023.

ОТКРЫТОСТЬ ИНФОРМАЦИИ КАК ВОЗМОЖНОСТЬ ЭФФЕКТИВНОГО КОНТРОЛЯ БЮДЖЕТНЫХ РАСХОДОВ НА ЗАКУПКИ

Н.А. Лопуть

*Белорусский государственный университет,
ул. Ленинградская 8, 220030, г. Минск, Беларусь, kafedra_gu@bsu.by*

С развитием информационных технологий в современных условиях меняются подходы к осуществлению контроля расходования средств бюджета. Значительную долю занимают расходы на государственные закупки. Большой объем информации, касающейся их осуществления, размещается в открытом доступе и может быть использован для повышения эффективности и результативности контроля.

Ключевые слова: финансовый контроль; расходы бюджета; государственные закупки.

INFORMATION OPENNESS AS AN OPPORTUNITY FOR EFFECTIVE CONTROL OF BUDGET PROCUREMENT EXPENDITURES

N.A. Loputs

*Belarusian State University, Leningradskaya st. 8, 220030,
Minsk, Belarus, kafedra_gu@bsu.by*

With the development of information technology in modern conditions, approaches to monitoring the spending of budget funds are changing. A significant share is spent on public procurement. A large amount of information related to their implementation is publicly available and can be used to improve the efficiency and effectiveness of controls.

Keywords: financial control; budget expenditures; public procurement.

Финансовый контроль, и, в первую очередь, контроль бюджетных расходов – один из этапов бюджетного процесса, без которого невозможно выстраивание эффективной системы перераспределения финансовых ресурсов.

Лимская декларация руководящих принципов контроля, принятая в октябре 1977 года на IX Конгрессе ИНТОСАИ в Лиме (далее – Лимская декларация), определяет контроль как неотъемлемую часть системы регулирования, целью которой является выявление отклонений от принятых стандартов и нарушений принципов законности, про-

дуктивности, результативности и экономичности в управлении финансами на допустимо более ранней стадии, с тем, чтобы иметь возможность принять корректирующие меры, привлечь виновных к ответственности, получить компенсацию за причиненный ущерб или осуществить мероприятия по предотвращению или сокращению таких нарушений в будущем [1, ст. 1].

Значительный объем в расходной части бюджета занимают расходы на государственные закупки. Согласно статистике, размещенной на сайте Министерства антимонопольного регулирования и торговли Республики Беларусь (МАРТ) – уполномоченного государственного органа по государственным закупкам, за первое полугодие 2022 года по результатам государственных закупок заключено договоров на общую сумму около 8,2 млрд. рублей [2, с. 5].

Важность контроля государственных закупок в силу объемов направляемых на их осуществление средств во всех государствах признана на международном уровне. В ходе пленарной сессии XXIV Конгресса ИНТОСАИ, прошедшего 7-11 ноября 2022 г. в Рио-де-Жанейро, утверждено Руководство по аудиту государственных закупок (GUID 5280).

Контролю государственных закупок в Республике Беларусь уделяется повышенное внимание. Оно направлено на предотвращение необоснованного посредничества, соблюдение законности, повышение эффективности использования средств бюджета. Важной составляющей в процессе осуществления такого контроля является обладание информацией о происходящих процессах.

И здесь наряду с традиционными механизмами контроля – проверками финансово-хозяйственной деятельности получателей бюджетных средств – все большую актуальность приобретают новые – анализ больших данных, содержащихся в информационных системах.

В настоящее время в Республике Беларусь все конкурентные процедуры государственных закупок за исключением закрытого конкурса и закрытой процедуры запроса ценовых предложений проводятся на электронных торговых площадках. Планируется частично перевести на электронные площадки и процедуру закупок из одного источника.

Создана и функционирует государственная информационно-аналитическая система по управлению государственными закупками (ГИАС) – совокупность банков данных, информационных технологий и комплекса программно-технических средств, обеспечивающих формирование, обработку, анализ, контроль, хранение и предоставление информации о государственных закупках [3].

В нее попадает информация с двух электронных торговых площадок: www.goszakupki.by (РУП «Национальный центр маркетинга и конъюнкту-

ры цен») и www.zakupki.butb.by (ОАО «Белорусская универсальная товарная биржа»). Кроме того, ГИАС взаимодействует с автоматизированной системой финансовых расчетов Министерства финансов.

Фактически ГИАС содержит необходимую информацию для осуществления контроля без непосредственного посещения получателя бюджетных средств – из кабинета контролера. В частности, это годовые планы государственных закупок и документы, непосредственно касающиеся конкретной проводимой на электронной торговой площадке процедуры государственной закупки.

Акцент на планирование. Анализ планов государственных закупок – предварительный контроль эффективности бюджетных расходов. Лимская декларация определяет, что эффективный предварительный контроль необходим для надежного управления общественными средствами, введенными государству. Его преимуществом является возможность предотвратить материальный ущерб до того, как он произошел. [1, ст. 2]

Планы государственных закупок, размещенные в ГИАС, содержат в том числе наименование однородных товаров (работ, услуг), подлежащих закупке, ориентировочные объемы и стоимость годовой потребности в однородных товарах (работах, услугах).

В статье 8 Бюджетного кодекса Республики Беларусь эффективность определяется как необходимость достижения заданных целей с использованием минимального объема бюджетных средств или достижения максимального результата с использованием определенного бюджетом объема средств.

Из анализа содержащихся в планах государственных закупок показателей и статуса заказчика (его целей деятельности, задач и функций) можно сделать предварительные выводы о действительной необходимости закупки предусмотренного товара (работы, услуги) и эффективности запланированного объема трат. При выявлении неэффективных вложений контролирующим органом перед заказчиком закупки, его вышестоящим органом (организацией) может быть поставлен вопрос об исключении закупок из плана либо их корректировке.

Текущий контроль закупочного процесса. Если анализ планов государственных закупок направлен на предотвращение неэффективного расходования средств бюджета до начала их освоения, то размещение информации о проводимых закупках в режиме реального времени и доступность такой информации для контролирующих органов позволяет отслеживать процедуры в момент их осуществления и до стадии заключения договора. Таких механизмов отслеживания два – это непосредственное обнаружение отклонений контролирующим органом и поступление жалобы в МАРТ от участника процедуры государственной закупки.

Текущий контроль имеет большее значение для конкурентных процедур закупок. В ГИАС размещаются:

- документы, предоставляемые для подготовки предложения в конкурентных процедурах, запросы о разъяснении таких документов и ответы на них;

- протоколы заседаний комиссии по государственным закупкам, решения заказчиков (организаторов) об отмене процедуры государственной закупки, протоколы оператора электронной торговой площадки о признании открытого конкурса, электронного аукциона, процедуры запроса ценовых предложений несостоявшимися;

- реестр жалоб на действия (бездействие) и (или) решения заказчика (организатора), комиссии и (или) ее членов, оператора электронной торговой площадки, подаваемых в МАРТ;

- реестр заключенных договоров по итогам конкурентных процедур, проведенных на электронных торговых площадках.

Таким образом, у контролеров есть онлайн-доступ ко всей документации на всех стадиях жизненного цикла закупки – от размещения приглашения до заключения договора и сам договор.

При поступлении жалобы у МАРТ есть полномочия приостановить закупку, провести камеральную проверку и вынести обязательное для исполнения предписание, у других контролирующих органов при выявлении нарушений – воздействовать на заказчика (организатора) в пределах компетенции иными методами.

В этом смысле анализ закупок из одного источника более затруднителен – размещению подлежит только справка о проведении процедуры закупки из одного источника после заключения договора государственной закупки.

Контроль по факту. Безусловно, учитывая количество проводимых процедур государственных закупок, проверить все из них не представляется возможным в силу ограниченности временного и трудового ресурса контролирующих органов, тем более на стадии предварительного и текущего контроля. Как отмечено в Лимской декларации, недостатком предварительного контроля является перегрузка в работе высшего органа финансового контроля и размытость юридической ответственности. Последующий же контроль уделяет больше внимания ответственности подотчетных; влечет ответственность виновных; приводит к компенсации причиненного ущерба и предотвращает повторные нарушения. [1, ст. 2]

Представляется, что для последующего контроля госзакупок значение ГИАС сложно переоценить. Ведь в руках у контролера находится информация, которую можно использовать как для непосредственного обнаружения правонарушений или иных отклонений, так и для основательной

подготовки к выбору субъекта очной проверки и выхода на проверку получателя бюджетных средств. В свою очередь надлежащая подготовка к проверке экономит как время проверяющего, так и минимизирует отвлечение проверяемого субъекта от повседневной деятельности.

Библиографические ссылки

1. Лимская декларация руководящих принципов контроля [Электронный ресурс] // Европейская организация высших органов финансового контроля. – Режим доступа: <https://www.eurosai.org/handle404?exporturi=/export/sites/eurosai/.content/documents/others/ISSAI/ISSAI-1-Lima-declaration-Ruso.pdf>). – Дата доступа: 26.03.2023.

2. Статистические показатели, характеризующие результаты осуществления государственных закупок в количественных и стоимостных данных за I полугодие 2022 года [Электронный ресурс] // Министерство антимонопольного регулирования и торговли Республики Беларусь. – Режим доступа: <https://www.mart.gov.by/files/live/sites/mart/files/documents/%D0%A1%D1%82%D0%B0%D1%82%D0%B8%D1%81%D1%82%D0%B8%D0%BA%D0%B0/2022/%D0%A1%D1%82%D0%B0%D1%82%20%D0%BF%D0%BE%D0%BA%D0%B0%D0%B7%D0%B0%D1%82%D0%B5%D0%BB%D0%B8.pdf>. – Дата доступа: 26.03.2023.

3. Государственная информационно-аналитическая система [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://gias.by/>. – Дата доступа: 26.03.2023.

ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ РЕАЛИЗАЦИИ ОТДЕЛЬНЫХ ПОЛНОМОЧИЙ ПРОВЕРЯЮЩИХ ПРИ ОСУЩЕСТВЛЕНИИ КОНТРОЛЬНЫХ МЕРОПРИЯТИЙ

А.Р. Малаховский

*Белорусский государственный университет,
ул. Ленинградская 8, 220030, г. Минск, Беларусь, malakhovskyalex@gmail.com*

В статье рассматриваются прикладные аспекты реализации контрольных полномочий, предоставляющим должностным лицам контролирующих органов, при проведении проверок. На основании проведенного анализа делаются предложения по совершенствованию действующего законодательства, призванные создать оптимальную модель взаимодействия субъектов предпринимательской деятельности и контролирующих органов.

Ключевые слова: проверка, должностные лица контролирующего органа, мониторинг, понятия, изъятие документов.

PROBLEMATIC ASPECTS OF THE IMPLEMENTATION OF INDIVIDUAL DURING THE IMPLEMENTATION OF CONTROL MEASURES

A.R. Malachovski

*Belarusian State University, Leningradskaya st. 8, 220030
Minsk, Belarus, malakhovskyalex@gmail.com*

The article discusses the applied aspects of the implementation of control authorities providing to the officials of the regulatory authorities during inspections. Based on the analysis carried out, proposals are made for co-improvement of the current legislation, designed to create an optimal model of interaction between business entities and regulatory authorities.

Key words: verification, officials of the controlling body, monitoring, understood, revision of documents.

Непосредственное проведение проверки характеризуется совершением определенных мероприятий, направленных на сбор информации и фиксацию доказательств нарушения законодательства проверяемым субъектом, если у должностных лиц контролирующего органа есть достаточные основания полагать, что данные нарушения были совершены.

Проведение проверки производится должностными лицами контролирующих (надзорных) органов и в пределах их компетенции, определенной действующим законодательством, с использованием различных форм и методов. Главой 2 Положения о порядке организации и проведения про-

верок, утв. Указом Президента Республики Беларусь от 16 октября 2009 г. № 510 «О совершенствовании контрольной (надзорной) в Республике Беларусь» (далее – Положение и Указ № 510, соответственно) очень подробно определены полномочия (права и обязанности) участников контрольной (надзорной) деятельности.

При проведении проверки проверяющие обладают широким спектром полномочий. Одно из них – право после предъявления служебного удостоверения и предписания на проведение проверки свободно входить в служебные, производственные и иные помещения (объекты), на территорию проверяемого субъекта.

Проверяющие допускаются на территорию или в помещения проверяемого субъекта при предъявлении служебных удостоверений и предписания на проведение проверки (ч. 1 п. 38 Положения). Предъявлять какие-либо отдельные документы на осмотр помещений и территории не требуется, поскольку право на это дает предписание и служебное удостоверение.

Однако из общего правила есть исключения. Так, если речь идет об объектах, допуск на которые ограничивается в соответствии с законодательством, помимо указанных документов, требуется иметь иные, специально предусмотренные для этого законодательством.

Проверяющие вправе осматривать только те помещения и территорию, которые имеют отношение к предпринимательской деятельности (например, офис, склад, торговый зал и т.п.).

К тому же осмотр ни в коей мере не должен повлечь нарушение производственно-хозяйственной деятельности проверяемого субъекта. В ином случае это означает незаконное вмешательство в его деятельность. Результатом такого поведения станет привлечение должностных лиц контролирующих (надзорных) органов к установленной законодательными актами ответственности.

Осмотр помещений и территорий возможен лишь в течение срока, установленного законодательством для проведения проверки. Осмотр по окончании проверки недопустим.

В случае проведения мониторинга должностные лица контролирующих (надзорных) органов вправе входить на общедоступную территорию и (или) объекты субъекта, а на иные территорию и (или) объекты – с согласия проверяемого субъекта. При этом проверяющие могут использовать доступные средства глобальной компьютерной сети Интернет, видео – и телекоммуникационные ресурсы дистанционного контроля (надзора) (п. 3 Положения о порядке проведения мониторинга, утв. Указом № 510).

Главный признак, который позволяет отграничить мониторинг от проверки, – это запрет использовать при проведении мониторинга полно-

мочия, которыми должностные лица контролирующего (надзорного) органа наделяются при проведении проверки.

Полномочия проверяющих на осмотр служебных, производственных и иных помещений (объектов), территории субъекта для проведения проверки закрепляет абз. 2 п. 4 Положения. Данные полномочия нельзя реализовывать при мониторинге.

Субъект предпринимательской деятельности вправе не допускать проверяющих на указанные выше объекты. Его согласие на допуск проверяющих ни в коей мере не означает, что эти лица вправе дистанцироваться от выполнения положений абз. 8 п. 6 Положения.

Физические лица могут противодействовать доступу проверяющих в свои жилые помещения, иные законные владения. Хотя законодатель связывает указанное процессуальное действие с оборотом «помимо или против воли». Соответственно, добровольное согласие физического лица впустить в свое жилое помещение проверяющих позволяет обойтись без санкции прокурора.

Таким образом, в данном случае доступ проверяющих в жилые помещения, иные законные владения физических лиц допускается только с санкции прокурора на основании мотивированного постановления руководителя (его заместителя) контролирующего (надзорного) органа и с участием понятых при наличии документов. Обратим внимание, что санкция прокурора должна быть индивидуализированной. При этом исходя из статуса физического лица регулирование названной процедуры опосредуется соответствующим актом законодательства.

Доступ проверяющих в жилые помещения, иные законные владения физических лиц, которые являются индивидуальными предпринимателями и учредителями (собственниками имущества) проверяемых субъектов, осуществляется в соответствии с ч. 2–4 п. 38 Положения.

Аналогичная процедура в отношении физических лиц, не имеющих статуса индивидуального предпринимателя или учредителя (собственника имущества) юридического лица, производится в соответствии со ст. 78 Налогового кодекса Республики Беларусь от 19 декабря 2002 г. № 166-3 (далее – НК).

Для этой категории лиц НК четко определяет основания проверки, а именно: наличие информации о хранении и (или) реализации товаров, выполнении работ, оказании услуг в жилом помещении и (или) ином законном владении с нарушением установленного порядка, а также информации о сдаче в аренду (субаренду), наем (поднаем) жилых и нежилых помещений без уплаты налога.

Проверяемый субъект или его представитель обязан участвовать в процедуре осмотра используемых в предпринимательской деятельности

территорий или помещений либо иных объектов. В случае осмотра помещений, где хранятся товарно-материальные ценности, необходимо присутствие и материально ответственного лица (п. 39 Положения).

Данная обязанность подкрепляется установленной для проверяющих обязанностью принимать меры, чтобы осмотр проводился в присутствии указанных лиц. Таким образом, можно вести речь о том, что процедура осмотра отменяется, если поименованные выше лица отсутствуют.

Исключения предусматриваются в отношении материально ответственного лица. В случае невозможности обеспечить его присутствие осмотр производится с участием работников проверяемого субъекта, которых определяет его руководитель, и (или) не менее двух понятых.

Понятые удостоверяют факт контрольного (надзорного) мероприятия, его ход и результаты, в случаях, установленных абз. 9 п. 2 Положения. Физическое лицо может стать понятым, если не заинтересовано в исходе проверки и не участвует на каком-либо ее этапе как должностное лицо контролирующего.

Проверяющие, которые участвовали в проверке на каком-либо ее этапе, автоматически исключаются из состава понятых. В отношении иных физических лиц критерий заинтересованности часто представляется усмотрительным, что требует со стороны проверяемого субъекта определенных действий. Если субъект полагает, что понятые являются заинтересованными лицами, ему следует подтвердить это документально.

Полагаем, что качестве понятых при осуществлении отдельных контрольных мероприятий в ходе проведения проверки не должны привлекаться не только сотрудники (в том числе обслуживающий персонал, например, водители) контролирующего (надзорного) органа, проводившего проверку, но и сотрудники любого другого контролирующего (надзорного) органа. В ином случае соответствующая процедура будет считаться несоблюденной, а ее результаты нельзя будет учитывать при вынесении решения по акту проверки.

Абзац четвертый п. 4 Положения предоставляет право контролирующим органам в рамках вопросов, подлежащих проверке, требовать и получать от проверяемого субъекта необходимые для проверки документы (их копии), иную информацию, касающуюся его деятельности и имущества.

Количество требований, предъявляемых проверяемому субъекту во время проведения проверки, никак не лимитировано, поэтому проверяющие могут неоднократно истребовать нужные им документы в рамках одной проверки, пользуясь своими дискреционными полномочиями, должностные лица контролирующих органов зачастую не утруждают себя перечислением необходимых документов, а используют общие формулиров-

ки: «все имеющиеся документы» или «соответствующие документы за проверяемый период».

В тоже время требование о предоставлении документов должно быть достаточным образом конкретизировано, чтобы проверяемый субъект имел возможность установить, какие конкретные документы он должен предоставить.

В связи с вышеизложенным необходимо установить письменную процедуру истребования документов путем вручения проверяемому субъекту (его представителю) требования о предоставлении документов (информации). Данное требование должно иметь унифицированную форму, утвержденную каждым контролирующим органом.

В требовании о предоставлении документов должен быть дан их исчерпывающий перечень. Запрос должностного лица контролирующего органа, проводящего проверку, представить документы, не указанные в требовании, проверяемый субъект имеет право проигнорировать, т.е. отказать в их выдаче до того момента, пока документы не будут внесены в требование о предоставлении документов (информации).

Разработку унифицированного требования о предоставлении документов (информации) необходимо увязать с законодательными модификациями сроков предоставления таких документов (информации). В настоящее время в соответствии с абз. 4 п. 4 Положения, если документы (их копии) в соответствии с законодательством не должны находиться в месте проверки, проверяющий (руководитель проверки) обязан установить разумный срок (не менее 2 рабочих дней) для представления документов (их копий). Соответствующая норма содержится в п. 2 ст. 75 НК: «Документы и (или) информация представляются по письменному запросу должностного лица налогового органа, в котором должен быть установлен разумный срок (не менее двух рабочих дней) для представления документов и (или) информации, за исключением предусмотренных законодательством случаев, когда документы должны находиться в месте проверки, а информация должна быть представлена незамедлительно».

Указанный срок является не конкретным (не менее 2 рабочих дней) и усмотрительным со стороны проверяющих в контексте невозможности его максимального ограничения. Соответственно было бы целесообразно в Положении предусмотреть нормативное предписание, в соответствии с которым проверяемый субъект обязан предоставить проверяющим требуемые документы в течение 5 рабочих дней со дня вручения ему под роспись требования о предоставлении документов (информации). Особенно актуальным данное правило было бы для внеплановых проверок, т.к. о назначении выборочной проверки проверяемый субъект должен быть письменно уведомлен не позднее 10 рабочих дней до начала ее проведения, что со-

здает для него определенный временной лаг по подготовке соответствующих документов.

После получения требования проверяемому субъекту предстоит сделать копии и заверить нужные контролирующему органу документы. Это может стать делом хлопотным, а при большом количестве запрашиваемых документов – не выполнимым в течение отведенного проверяемому субъекту срока. Кроме того, возможно, что сотрудник, имеющий прямое отношение к истребуемым документам (например, главный бухгалтер или бухгалтер), находится в отпуске или в командировке.

В связи с этим в законодательстве необходимо предусмотреть вероятность непредставления документов проверяемым субъектом в указанный срок и соответствующие правовые последствия, установив нормативное предписание в Положении, в соответствии с которым проверяемый субъект должен в течение дня, следующего за днем получения требования о представлении документов (информации), письменно уведомить должностных лиц контролирующего о невозможности представления в пятидневный срок документов с указанием причин, по которым истребуемые документы не могут быть представлены в установленные сроки, и о сроках, в течение которых проверяемое лицо сможет представить истребуемые документы.

Соответственно, данное нормативное предписание необходимо увязать с правом (не обязанностью) контролирующего органа на увеличение срока по предоставлению со стороны проверяемого субъекта документов. Это, в определенной степени, будет стимулировать проверяемого субъекта на сбор документов, необходимых для изучения проверяющими отдельных аспектов его финансово-хозяйственной деятельности.

В соответствии с п. 40 Положения изъятие оригиналов документов, иных носителей информации производится, если невозможно снять с них копии (представить выписки из них), в случае отказа проверяемого субъекта представить копии документов (выписки из них), при необходимости передачи оригиналов документов, иных носителей информации в органы уголовного преследования и суды или использования их в качестве источников доказательств по делу об административном правонарушении, а также проведения экспертизы (исследования) документов, иных носителей информации в целях установления их подлинности на основании постановления контролирующего (надзорного) органа, осуществляющего проверку, в присутствии представителей проверяемого субъекта, а при их отсутствии – в присутствии не менее двух понятых.

Если изъятие документов производится по другим основаниям, действия проверяющих по осуществлению данной процедуры являются незаконными.

Основанием для изъятия документов является постановление контролирующего (надзорного) органа, подписанное его руководителем (заместителем руководителя).

Вместе с тем проверяющий сам может подписать соответствующее постановление с последующим его утверждением у руководителя в случае, если имеются безусловные основания полагать, что оригиналы документов будут уничтожены, сокрыты, исправлены или заменены. Такие предположения могут возникнуть у должностного лица контролирующего органа в случаях, когда документы: 1) оформлены с нарушением требований законодательства; 2) содержат недостоверные сведения; 3) отражают движение товарно-материальных ценностей (поступление, выбытие), в то время как эти ценности остались без движения или отсутствуют (п. 42 Положения).

Хотелось бы обратить внимание, что термин «безусловные основания» носит оценочный характер. Поэтому оценивать вопрос о законности или незаконности производства изъятия оригиналов документов в каждом конкретном случае будет суд (если, конечно, проверяемый субъект обратится к нему за защитой своих прав и законных интересов). Зачастую, на практике, представители контролирующих органов не указывают, чем конкретно вызваны их подозрения, а ограничиваются общими фразами о недоверии к проверяемому субъекту. В данном контексте хотелось бы привести правовую позицию Конституционного Суда Российской Федерации, который в отношении понятия «исключительный случай» высказался следующим образом: «Понятие «исключительный случай» как и всякое оценочное понятие, наполняется содержанием в зависимости от фактических обстоятельств конкретного дела и с учетом толкования этих законодательных терминов в правоприменительной практике, однако не является настолько неопределенным, чтобы препятствовать единообразному пониманию и применению соответствующих законоположений. Таким образом, как и в иных подобных случаях, орган конституционного правосудия отдал на откуп правоприменителей формулирование возможных нетипичных, неординарных ситуаций, подпадающих под определение «исключительный случай» [1]. Конечно, наличие исключительных случаев – объективная реальность, вызванная чрезвычайным многообразием регулируемых правом общественных отношений [2, с. 58]. Однако вполне уместным является вопрос М.Е. Мардасовой, «почему в случае оснований и порядка продления выездной налоговой проверки урегулирование предоставлено Федеральной налоговой службе, а в случае ее приостановления законодатель самостоятельно, хотя и в общих чертах, определяет данный порядок?» [3, с. 45]. Во избежание конфликтных ситуаций в пункте 42 Положения необходимо предусмотреть исчерпывающий перечень оснований изъятия оригиналов документов. В развитие предполагаемых законодательных новелл целесо-

образно дополнить пункт 40 Положения предложением следующего содержания: «Не подлежат изъятию оригиналы документов, не имеющие отношения к предмету проверки».

Библиографические ссылки

1. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы закрытого акционерного общества «МП Трейдинг» на нарушение конституционных прав и свобод пунктом 6 статьи 89 Налогового кодекса Российской Федерации [Электронный ресурс] : Определение Конституц. Суда Рос. Федерации, 9 нояб. 2010 г., № 1434-ОО // Консультант Плюс: Версия Проф. Технология 3000 / ЗАО «Консультант Плюс». – М., 2023.

2. Суменков, С.Ю. Исключительный случай: проблемы законодательного определения / С.Ю. Суменков // Журн. рос. права. – 2009. – № 7. – С. 58–67.

3. Мардасова, М.Е. Сроки в налоговом процессе / М.Е. Мардасова. – М. : Инфотропик Медиа, 2016. – 164 с.

ОСНОВНЫЕ ПРИНЦИПЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ НАУЧНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

С.А. Минич

*Национальный центр законодательства и правовых исследований
Республики Беларусь, ул. Берсона 1а, 220030, г. Минск, Беларусь, ekabpils75@mail.ru*

В статье рассмотрены основные принципы государственного регулирования научной деятельности, реализация которых имеет существенное практическое значение, т. к. позволяет придать законодательству в научной сфере надлежащий структурированный порядок, сделать его более согласованным и эффективным в решении поставленных задач.

Ключевые слова: право; государственное регулирование; принципы; научная деятельность.

BASIC PRINCIPLES OF STATE REGULATION OF SCIENTIFIC ACTIVITY

S.A. Minich

*The National Center of Legislation and Legal Research of the Republic of Belarus,
Bersona Street, 1a, 220030, Minsk, Republic of Belarus, ekabpils75@mail.ru*

The article discusses the basic principles of state regulation of scientific activity, the implementation of which is of significant practical importance, because it allows you to give the legislation in the scientific field a proper structured order, make it more consistent and effective in solving the tasks.

Keywords: law; state regulation; principles; scientific activity.

В основе правового регулирования любой сферы общественных отношений лежат принципы, выступающие несущей конструкцией формирования законодательства, регламентирующего ту или иную деятельность. В общей теории права под государственным регулированием понимается правовое регулирование, т. к. именно через право осуществляется непосредственное воздействие государства на различные группы общественных отношений с целью их упорядочения, обеспечения безопасности, справедливости, защиты охраняемых законом ценностей. Соответственно, принципы государственного регулирования научной деятельности вытекают из уже выработанных общих принципов права, под которыми, в

частности, С. С. Алексеев понимает «выраженные в праве исходные нормативно руководящие начала, характеризующие его содержание, его основы» [1, с. 98].

Общие принципы права обладают максимальной универсальностью, высшей императивностью и абстрактностью, их содержание вырабатывается, исходя из национальных правовых систем с учетом основных начал международного права, т. е. общеправовым принципам присущ международно-правовой и внутригосударственный характер.

К общим принципам позитивного права В. Н. Хропанюк относит: принцип социальной свободы, принцип социальной справедливости, принцип демократизма, принцип гуманизма, принцип равноправия (равенства всех перед законом), единство юридических прав и обязанностей, принцип ответственности за вину, принцип законности [2, с. 216–218]. М. Н. Марченко выделяет следующие общие принципы права: социальная справедливость, гуманизм, равноправие, законность в процессе создания и реализации норм права, единство юридических прав и обязанностей, демократизм [3, с. 11]. С точки зрения В. И. Леушина общие (общеправовые) принципы права включают в себя: демократизм, справедливость, федерализм, приоритет прав и свобод человека, непосредственное действие общепризнанных принципов и норм международного права, законность, равноправие, равенство всех форм собственности, правосудие [3, с. 11]. Н. А. Пьянов к наиболее важным принципам государственного регулирования, причисляет: правовой характер государственного регулирования, приоритет международного права, демократизм, законность, гуманизм, справедливость, юридическое равенство, научность, разумную достаточность [3, с. 12].

Общеправовые принципы, в первую очередь, нашли свое отражение в национальном законодательстве Республики Беларусь на конституционном уровне, определив ключевые начала правотворчества и правоприменения, и выступили базовой составляющей формирования норм-принципов, применимых к правовому регулированию абсолютно всех общественных отношений, включая научную деятельность.

Общественные отношения, возникающие в результате осуществления научной деятельности, достаточно разнообразны, их правовое регулирование имеет межотраслевой характер, в связи с чем, на формирование принципов в рассматриваемой сфере существенное влияние оказывают принципы различных отраслей права (трудового, гражданского и др.), что придает им достаточно абстрактный характер.

Принципы государственного регулирования научной деятельности сформулированы в ст. 4 Закона Республики Беларусь от 21 октября 1996 г. № 708-ХІІІ «О научной деятельности» (далее – Закон № 708-ХІІІ) в виде

конкретных норм и, соответственно, приобретают государственно-властный общеобязательный характер.

Государственное регулирование научной деятельности базируется на следующих ключевых принципах:

1. Сочетание государственного регулирования с творческой инициативой субъектов научной деятельности и свободой научного поиска.

В основе данного принципа заложена тенденция поддержания оптимального баланса между государственным управлением научной сферой и обеспечением свободы научного творчества, как самостоятельного элемента в системе конституционных прав и свобод человека и гражданина. Кроме того, под творческой инициативой субъектов научной деятельности понимается свободный выбор предмета исследований, право проводить изыскания без вмешательства государственных органов и третьих лиц, возможность самостоятельно определять направления и методы проведения исследований и т.д.

Применительно к государству данный принцип допускает совершать все необходимые действия для создания условий в целях максимальной реализации свободы научного творчества субъектов научной деятельности.

2. Равенство всех субъектов научной деятельности перед законом. Регулирование научной деятельности должно отвечать требованиям конституционного принципа равенства. Каждый субъект научной деятельности имеет равные права и возможности, что находит свое отражение:

– в ч. 3 ст. 7 Закона № 708-ХІІІ, устанавливающей равный доступ к осуществлению научной деятельности на территории Республики Беларусь как для граждан и юридических лиц Республики Беларусь, так и для иностранных граждан и лиц без гражданства, иностранных юридических лиц;

– в ч. 3 ст. 9 Закона № 708-ХІІІ, определяющей равные права для всех научных работников на осуществление научного поиска, выбор методов исследований, участие в открытых конкурсах научно-исследовательских работ в Республике Беларусь и за ее пределами, участие в формировании государственной политики в сфере научной деятельности, разработке приоритетных направлений научной деятельности и др.

3. Свобода выбора направлений научной деятельности и методов проведения научных исследований для всех субъектов научной деятельности.

Самостоятельность выбора направлений научной деятельности должна соответствовать критерию обоснованности и исходить из потребностей общества и государства в том или ином научном поиске, быть направлена на решение первостепенных проблем социально-экономического развития республики в интересах мира, устойчивого развития и на благо общих интересов.

Для выполнения данных условий в Республике Беларусь обеспечивается концентрация государственных ресурсов на реализацию наиболее важных и значимых направлений научной деятельности. Так, в ч. 4 ст. 51 обновленной Конституции Республики Беларусь установлено, что государство содействует развитию научных и технических исследований, внедрению инноваций на благо общих интересов. Указом Президента Республики Беларусь от 7 мая 2020 г. № 156 в нашей стране на 2021–2025 годы утверждены единые приоритетные направления научной, научно-технической и инновационной деятельности. Реализация обозначенных направлений, как правило, осуществляется путем разработки комплексных государственных программ и планов, где, среди прочего, обозначается круг субъектов, ответственных за проведение научных исследований.

4. Взаимодействие научных организаций с учреждениями образования, а также организациями, реализующими образовательные программы послевузовского образования, в том числе путем участия педагогических работников и обучающихся в научной деятельности, осуществляемой научными организациями, а также участия научных работников научных организаций в образовательном процессе, осуществляемом учреждениями образования и организациями, реализующими образовательные программы послевузовского образования.

Следует сразу указать, что данный принцип нуждается в корректировке. В соответствии с новой редакцией Кодекса Республики Беларусь об образовании (далее – Кодекс) взамен системы послевузовского образования в систему образования Республики Беларусь включена система научно-ориентированного образования (п. 1 ст. 214 Кодекса), что более четко отражает синтез науки и образования, включающий в себя различные формы участия в научных исследованиях работников научных организаций, педагогических работников и обучающихся посредством создания совместных лабораторий в учреждениях высшего образования, структурных подразделений учреждений образования на базе научных организаций и др.

В п. 1 ст. 214 Кодекса при формулировке понятия научно-ориентированного образования, среди прочего, акцент сделан на формирование у аспиранта, адъюнкта, докторанта, соискателя компетенций, необходимых для организации и проведения научных исследований, осуществления профессиональной деятельности.

В Кодекс также введена норма, устанавливающая, что научные исследования являются неотъемлемой частью содержания образовательных программ научно-ориентированного образования (п. 5 ст. 218 Кодекса).

В соответствии с подп. 1.6 п. 1 ст. 52 педагогические работники имеют право на участие в научной, научно-технической, экспериментальной, инновационной, международной деятельности учреждения образования.

5. Предоставление гражданам Республики Беларусь равных возможностей приобретения и повышения научной квалификации.

Данный принцип основывается на конституционных положениях о равенстве всех перед законом, обеспечении гарантии доступности образования каждому гражданину. В Республике Беларусь создана единая система аттестации научных работников высшей квалификации. Установлены единые требования к уровню научной и научно-педагогической квалификации соискателей ученых степеней и ученых званий. Государство оказывает содействие повышению эффективности подготовки научных работников с учетом потребностей в них научно-производственной и социальной сферы.

6. Стимулирование научной деятельности посредством создания благоприятных условий для инвестирования сферы научной деятельности.

Государственная научно-техническая политика Республики Беларусь направлена на выработку мер стимулирования, льгот и государственной поддержки научных исследований по наиболее приоритетным направлениям. Ежегодно увеличивается бюджетное финансирование на науку при приоритетной поддержке фундаментальных исследований; предоставляются безвозмездные субсидии на проведение научных исследований, направленных на развитие более значимых направлений науки; проводятся меры по привлечению инвесторов на паритетных началах; осуществляется работа по совершенствованию законодательства, регламентирующего научную деятельность; вводятся налоговые льготы для научных организаций; осуществляется стимулирование внутреннего спроса на результаты научной деятельности; увеличивается количество и объем финансирования проектов, выполняемых в рамках международного научно-технического сотрудничества в соответствии с международными договорами; расширяется доступ отечественных организаций и ученых к передовым зарубежным технологиям и международному рынку инвестиций и др.

7. Контроль в соответствии с законодательством за эффективным использованием государственных средств, выделенных на проведение фундаментальных и прикладных научных исследований, апробацию результатов научных исследований, подготовку и аттестацию научных работников высшей квалификации.

Финансирование научной деятельности преимущественно осуществляется на основе программно-целевого метода за счет средств республиканского бюджета, а также за счет средств местных бюджетов, научных

фондов, организаций, иных источников, не запрещенных законодательством (ст. 6 Закона № 708-ХІІІ).

Контроль за исполнением республиканского бюджета использованием государственной собственности, исполнением актов Президента Республики Беларусь, Парламента и Правительства Республики Беларусь, других государственных органов, регулирующих отношения государственной собственности, хозяйственные, финансовые и налоговые отношения, в соответствии с Указом Президента Республики Беларусь от 16 октября 2009 г. № 510 осуществляет Комитет государственного контроля Республики Беларусь.

Контроль за ходом выполнения государственных программ научных исследований обеспечивается их государственными заказчиками, головными организациями-исполнителями и Национальной академией наук Беларуси.

8. Обязательность, объективность и компетентность государственной экспертизы научных программ и проектов, финансируемых за счет средств республиканского бюджета. Данный принцип реализуется посредством единой системы государственной научной и научно-технической экспертиз в соответствии с постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 22 мая 2015 г. № 431. Указанным постановлением утверждено «Положение о порядке функционирования единой системы государственной научной и государственной научно-технической экспертиз», согласно которому проекты научных исследований подлежат прохождению обязательной научной и научно-технической экспертизы.

Объективность функционирования единой системы экспертиз обеспечивается государственным органом, не имеющим (имеющим в минимальном количестве) в подчинении (ведении, составе) потенциальных исполнителей мероприятий (заданий, проектов, планов, работ, услуг), являющихся объектами государственной экспертизы.

Компетентность означает, что в качестве экспертов выступают высококвалифицированные специалисты, способные качественно провести государственную экспертизу и подготовить достоверные, полные и обоснованные экспертные заключения.

9. Обеспечение правовой защиты результатов научной деятельности.

В Республике Беларусь созданы нормативно-правовые условия для защиты результатов научной деятельности. В частности, Указ Президента Республики Беларусь от 4 февраля 2013 г. № 59 «О коммерциализации результатов научной и научно-технической деятельности, созданных за счет государственных средств» предусматривает обязательную коммерциализацию результатов научной и научно-технической деятельности, если

такие результаты созданы полностью либо хотя бы частично за счет государственных средств.

10. Концентрация научных ресурсов и финансовых средств на научных исследованиях, направленных на реализацию приоритетных направлений социально-экономического развития Республики Беларусь.

Потребность решения первоочередных задач социально-экономического развития Республики Беларусь отмечена в ряде стратегических и программных документах. В этих целях государством определяются приоритетные направления научных исследований и осуществляется их первоочередное финансирование.

11. Учет интересов личности, общества, государства. Указанный принцип заключается в создании правовых условий, при которых обеспечивается обоснованный компромисс ценностных приоритетов личности, общества и государства в результате государственного регулирования научной деятельности.

В заключении отметим, что проанализированный набор принципов представляет собой необходимые и достаточные требования, которые определяют главные направления и тенденции правового регулирования общественных отношений, возникающих в ходе осуществления научной деятельности. Обязательное соблюдение всей совокупности принципов позволяет структурировать рассматриваемые общественные отношения и сделать их регулирование более эффективным и качественным.

Библиографические ссылки

1. Алексеев, С. С. Общая теория права. В 2-х т. / С. С. Алексеев. – М. : Юрид. лит., 1981. – Т. 1. – 262 с.
2. Хропанюк, В. Н. Теория государства и права / В. Н. Хропанюк. – М., 1995. – 377 с.
3. Пьянов, Н. А. Принципы государственного регулирования / Н. А. Пьянов // Академический юридический журнал. – 2012. – № 3(49). – С. 10–16.

ПОСЛАНИЕ ПРЕЗИДЕНТА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ БЕЛОРУССКОМУ НАРОДУ И НАЦИОНАЛЬНОМУ СОБРАНИЮ: ОСНОВАНИЯ ДАЛЬНЕЙШЕЙ АКТУАЛИЗАЦИИ

В.С. Михайловский, А.В. Шидловский

*Белорусский государственный университет,
ул. Ленинградская 8, 220030, г. Минск, Беларусь, mikhalioukiv@bsu.by*

В статье анализируется, что основаниями общественной актуализации Послания Президента Республики Беларусь белорусскому народу и Национальному собранию 2023 г. служат три идеологемы: патриотизм, энтузиазм и самодостаточность. Эти идеологемы адаптивны для широкого общественно-политического дискурса и могут использоваться в идеологическом обеспечении общественного воспроизводства не только как представления о должном, но и как практическая гражданская самореализация. Авторы развивают один из ключевых тезисов Послания Президента Республики Беларусь белорусскому народу и Национальному собранию 2023 г. о гражданском понимании нации и народного единства на основе белорусской государственности.

Ключевые слова: актуализация, белорусская государственность, Послание, патриотизм, энтузиазм, самодостаточность.

MESSAGE OF THE PRESIDENT OF THE REPUBLIC OF BELARUS TO THE BELARUSIAN PEOPLE AND THE NATIONAL ASSEMBLY: GROUNDS FOR FURTHER UPDATING

V.S. Mikhailovski, A.V. Shidlovsky

*Belarusian State University,
Leningradskaya str. 8, 220030, Minsk, Belarus, mikhalioukiv@bsu.by*

The article analyzes that the grounds for the public actualization of the Message of the President of the Republic of Belarus to the Belarusian people and the National Assembly in 2023 are three ideologems: patriotism, enthusiasm and self-sufficiency. These ideologems are adaptive for a broad socio-political discourse and can be used in the ideological support of social reproduction not only as ideas about what is due, but also as a practical civic self-realization. The authors develop one of the key theses of the Address of the President of the Republic of Belarus to the Belarusian people and the National Assembly in 2023 on the civil understanding of the nation and national unity on the basis of Belarusian statehood.

Keywords: actualization, Belarusian statehood, Message, patriotism, enthusiasm, self-sufficiency.

Послание Президента Республики Беларусь белорусскому народу и Национальному собранию (далее – Послание) – знаковое событие в обще-

ственно-политической жизни страны. Послание 2023 г. однозначно и понятно для широких масс населения и может использоваться напрямую для государственного планирования и управления. Важной задачей идеологической работы становится актуализация Послания на уровне обыденного сознания масс, превращение положений Послания в установки поведения граждан (и особенно молодежи). Зададимся вопросом: «Что каждый из нас может сделать для сохранения суверенитета и независимости страны?». Для ответа на этот вопрос необходимо максимально обобщить Послание, содержание которого может отобразиться в сознании масс (индоктринация), что создаст дополнительные предпосылки для сохранения суверенитета и независимости Республики Беларусь в рамках конкретных общественных практик (интерпелляция).

Президент Республики Беларусь в рамках Послания обозначил шесть условий сохранения суверенитета и независимости страны: (1) национальное единство; (2) историческая память и национальные традиции; (3) экономика; (4) социальная справедливость; (5) независимая внешняя политика; (6) обороноспособность государства.

Первых два условия (*национальное единство, историческая память и национальные традиции*) могут быть обобщены в рамках идеологемы «патриотизм». Патриотизм как идеологема общественно-политического дискурса близка по смысловому содержанию с идеологемой «национализм». С одной стороны, анализ Послания позволяет выделить следующие часто употребляемые категории: национальный интерес, национальная идея, национальная государственность, национальная безопасность, национальная традиция, белорусская нация, национальное наследие, национальные ценности, национальное богатство. С другой стороны, общее понятие «национализм» в Послании не используется.

Причины ограниченного употребления идеологемы «национализм» в белорусском общественно-политическом дискурсе в следующем. Первая в том, что термин «национализм» категориально не определен. Генезис этой проблемы связан с толкованием этого слова в русском языке. В «Толковом словаре» С. И. Ожегова национализм определяется как идеология и политика национального превосходства и противопоставления наций, а близкая категория «шовинизм» как крайний национализм, предполагающий национальную исключительность и вражду. При этом «патриотизм» определяется русским лингвистом как любовь к Отечеству, к народу. Политиками и государственными деятелями национализм определяется и используется часто по-другому: в значении идеологии, основополагающим принципом

которой является ценность нации, ее первичность в государственном строительстве вне интенций на национальное превосходство и исключительность. При таком подходе категориальный аппарат общественно-политического дискурса расширяется: «патриотизм» – любовь к государству; «национализм – любовь к нации»; «шовинизм» – ненависть к другим нациям. Вторая причина ограниченного употребления идеологемы «национализм» в белорусском общественно-политическом дискурсе в толковании термина «нация». Существует два основных подхода к сущности нации: гражданский и этнический. Первый предполагает, что нация – это гражданская общность, проживающая на определенной территории вне этнических характеристик. Второй задает понимание нации как этнической общности; нации приписываются черты этноса (общность территории, языка, культуры, социально-психологических характеристик сознания и поведения). При использовании категории «национализм» в общественно-политическом дискурсе актору приходится уточнять свою позицию в отношении термина «нация».

Исходя из Послания, в Республике Беларусь нация понимается как гражданская общность. Такое понимание нации гарантирует народное единство и выступает основанием стабильного мирного воспроизводства белорусской государственности. Этническое понимание нации, которое активно транслировалось оппозиционными белорусскими политическими силами в 1990-х гг., является негативным, т.к. разделяет граждан Республики Беларусь, формирует ложные преграды для национального единства в противостоянии внешним угрозам. Две постсоветские республики – Беларусь и Россия – не пошли по пути этнизации национального вопроса, не допустили к государственной власти этнократов.

Таким образом, категория «национализм» является теоретически допустимой, но идеологически небезопасной для белорусского общественно-политического дискурса. Категория «национализм» неоднозначно определена в русском языке, эмоционально окрашена, не адаптивна для широкой общественной актуализации. Категория «патриотизм» является более подходящей для идеологического обеспечения государственной политики; включает «национальное» в диалектическом («снятом») виде.

Вторых два условия сохранения суверенитета и независимости Республики Беларусь (*экономика и социальная справедливость*) могут быть обобщены в рамках идеологемы «энтузиазм». Идеологема как основание социального действия должна нести в себе прообраз этого действия. Идеологемы «экономика» и «социальная справедливость» в отношении граждан

как идеологических реципиентов таким свойством не обладают. Выбор идеологемы «энтузиазм» как обобщающей для обозначенных в Послании условий сохранения суверенитета и независимости страны обоснован следующим.

В Послании была подтверждена социальная ориентированность белорусского государства. Особое внимание уделено вопросам здравоохранения, образования, социальной защиты нуждающихся, государственной поддержке многодетных. Однако прозвучал и призыв к социальной ответственности и экономической самостоятельности граждан. Нестандартность управленческих решений, стимулирование частной инициативы, способность к здоровой конкуренции, внедрение высоких технологий – все это условия белорусского экономического развития. На уровне обыденного сознания и обыденных (повседневных) практик эти условия предполагают энтузиазм в экономическом поведении. Энтузиазм – это сильное увлечение, ведущее к активному действию по достижению цели. В условиях санкционного давления целедостижение экономического благополучия должно быть разделено между государством и гражданами. С нашей точки зрения, экономический энтузиазм является необходимым проявлением патриотизма. Любовь к стране не может быть отделена от ценности ее экономического благополучия; достижение экономического благополучия не может быть делегировано от граждан государству. Только в рамках государственно-гражданского партнерства «экономика» и «социальная справедливость» как условия сохранения суверенитета и независимости Республики Беларусь могут быть реализованы.

Третья группа условий сохранения суверенитета и независимости Республики Беларусь (*независимая внешняя политика и обороноспособность государства*) могут быть обобщены в рамках идеологемы «самодостаточность». Идеологемы «внешняя политика» и «оборона» не могут быть использованы в широкой общественной актуализации Послания напрямую. Таким образом, мы раскрыли категорию «самодостаточность» как наиболее адаптивную для действенной актуализации по результатам моделирования образа (личности) гипотетического актора как носителя внешнеполитических и оборонительных признаков Республики Беларусь. Сильный, но миролюбивый; знающий себе цену, но готовый приспособиться; называющий все своими именами, но не сводящий все к одному знаменателю – эти характеристики страны, обозначенные в Послании, могут быть эстраполированы на «самодостаточную личность». Такая черта белорусских граждан может выступать условием независимой внешней

политики и обороноспособности государства. Речь идет о «народной дипломатии» как позиционировании белорусов в рамках интеракций с иностранными гражданами и формировании образа (имиджа) страны через образ (имидж) ее представителей.

Резюмируя изложенное, отметим, что базовыми основаниями дальнейшей актуализации Послания Президента Республики Беларусь белорусскому народу и Национальному собранию 2023 г. являются три идеологемы: *патриотизм, энтузиазм и самодостаточность*. Эти идеологемы адаптивны для широкого общественно-политического дискурса и могут использоваться в идеологическом обеспечении общественного воспроизводства не только как представления о должном, но и как для практической гражданской самореализации.

ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ИНТЕГРАЦИОННОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ В ИНТЕРЕСАХ ПОВЫШЕНИЯ УРОВНЯ ЖИЗНИ НАСЕЛЕНИЯ В ЕАЭС

Т.Н. Михалёва

*Белорусский государственный университет,
ул. Ленинградская 8, 220030, г. Минск, Беларусь, MikhailiovaT@bsu.by*

В статье рассмотрены основные программные акты (положения) и направления правового регулирования экономического развития ЕАЭС в интересах повышения уровня жизни населения в Союзе как цели его функционирования. Автор оценивает сущность обязательств по позитивной и негативной интеграции сквозь призму их ценности для достижения указанной основной цели и делает вывод о важности развития единого рынка ресурсов развития, в центре которого - инновации и человеческий капитал.

Ключевые слова: внутренний рынок, Евразийский экономический союз, единый рынок, право ЕАЭС, уровень жизни населения, экономическая интеграция.

LEGAL FRAMEWORK FOR INTEGRATION ECONOMIC DEVELOPMENT TO IMPROVE LIVING STANDARDS OF THE POPULATION IN THE EAEU

T.N. Mikhailiova

*Belarusian State University, Leningradskaya st. 8, 220030
Minsk, Belarus, MikhailiovaT@bsu.by*

The article considers the main policy acts (provisions) and directions of legal regulation of the EAEU economic development in the interests of improving the living standards of the population in the Union as a goal of its functioning. The author assesses the essence of positive and negative integration commitments through the prism of their value in achieving the main goal, and concludes that it is important to develop a single market of development resources, which focuses on innovation and human capital.

Key words: internal market, Eurasian Economic Union, single market, EAEU law, living standards, economic integration.

Создание условий для стабильного развития экономик государств-членов в интересах повышения жизненного уровня их населения является первой из трех целей Союза, установленных в ст. 4 Договора о Евразийском экономическом союзе (абз.2 ст. 4) (далее – Договор, ДЕАЭС). [1]

Декларацией о дальнейшем развитии интеграционных процессов в рамках Евразийского экономического союза, утвержденной распоряжением Высшего Евразийского экономического совета от 6 декабря 2018 г. № 9, к приоритетам развития ЕАЭС до 2025 г. отнесены: обеспечение максимальной эффективности единого рынка ЕАЭС и реализация его возможностей для бизнеса и потребителей; формирование «территории инноваций» и стимулирование научно-технических прорывов; раскрытие потенциала интеграции для людей, повышение их благосостояния и качества жизни; формирование ЕАЭС как одного из наиболее значимых центров развития современного мира, открытого для взаимовыгодного и равноправного сотрудничества с внешними партнерами и выстраивания новых форматов взаимодействия. [2]

В Стратегических направлениях развития евразийской экономической интеграции до 2025 года, утвержденных Решением Высшего Евразийского экономического совета № 12 от 11.12.2020 (далее – Стратегия -2025) указаны ключевые меры и механизмы, необходимые для достижения установленных Договором целей, а также определена возможность их дополнения новыми формами и сферами экономической интеграции государств - членов Союза (абз.1 раздела 1). Стратегические направления соответствуют национальным экономическим интересам, целям устойчивого и инклюзивного экономического развития каждого государства-члена, предусматривают создание условий для опережающего развития экономик государств-членов, подъема инвестиционной и инновационной активности, повышения конкурентоспособности и научно-производственного потенциала Союза, увеличения его веса в мировой торгово-экономической системе (абз.2 раздела 1). [3]

Основной акцент в описании общего направления развития интеграционного объединения сделан на следующих мерах «позитивной» интеграции: научно-технологическое сотрудничество, кооперация, прогнозирование и планирование; развитие цифровых технологий; разработка совместных инновационных программ и инвестиционных проектов для повышения конкурентоспособности промышленности, сельского хозяйства и других отраслей экономики государств-членов; формирование механизмов производственной кооперации предприятий и промышленного сотрудничества государств-членов, создание совместных евразийских корпораций, совместных финансово-промышленных групп и евразийских транснациональных корпораций прежде всего для реализации совместных масштабных высокотехнологических проектов, способных стать символами евразийской интеграции. Понятия позитивной и негативной интеграции введены экономистом Я. Тинбергеном в 1954 году. При негативной интеграции устраняются барьеры, препятствия к торговле. При позитивной –

создаются новые механизмы, институты, нормы, позволяющие усовершенствовать, углубить интеграцию и сделать эффективным распределение благ. В 1968 году Пиндер использовал предложенную Тинбергеном терминологию, уточнив следующее: негативная интеграция устраняет любые дискриминирующие факторы, позитивная проявляется в создании и реализации общих и согласованных политик для выполнения экономических задач, отличных от антидискриминационных. [4, с. 47-48]

«Негативная» интеграция – устранение барьеров и иных препятствий на внутреннем рынке – также постоянное направление развития Союза, неслучайно оно стоит одним из первых в Стратегии-2025. В соответствии с абз. 3 ст. 4 Договора к основным целям Союза относится также стремление к формированию единого рынка товаров, услуг, капитала и трудовых ресурсов в рамках Союза. Согласно ст. 2 Договора, «общий (единый) рынок» - совокупность экономических отношений в рамках Союза, при которых обеспечивается свобода перемещения товаров, услуг, капитала и рабочей силы. Статьей 25 Договора вводится еще одна смежная категория: «внутренний рынок» как принцип функционирования таможенного союза. Статьей 28 Договора закреплены важнейшие положения о функционировании внутреннего рынка: уточняются сфера, обязательства. «Союз принимает меры по обеспечению функционирования внутреннего рынка» в соответствии с положениями Договора (п.1 ст. 28 Договора). Это положение имеет принципиальное значение, поскольку налагает на органы Союза обязательство принимать соответствующие действия, «активирует» в процессах общего (единого) рынка механизмы интеграционных структур [1]. Обратим внимание, что и вышецитируемый абз.2 ст. 4 Договора также сформулирован как обязательство предпринимать различного рода усилия Союзом, его органами, а именно создавать условия.

Важность комплексного интеграционного подхода к регулированию экономического развития в целях улучшения благосостояния населения особенно нарастает при углублении кооперации в тех или иных сферах. Так, создание единого внутреннего рынка товаров требует и унифицированных подходов к безопасности товаров, эффективному контролю за оборотом товара, снижение рисков некачественной продукции и т.д. Эти целям служит, например, институт маркировки товаров средствами идентификации в ЕАЭС, урегулированный Соглашением с одноименным названием 2018г. Это соглашение носит рамочный характер. Это значит, что в отношении каждой отдельной позиции Решением Совета Комиссии будет утверждаться перечень, порядок маркировки, формат и состав сведений о маркировке и т.д. А на основании таких решений и вносимой информации будут функционировать национальные компоненты информационной системы маркировки в Союзе. Это один из примеров, как активные действия

органов Союза создают условия в интересах повышения уровня жизни населения. Вместе с тем, это реализуемо только в тесном взаимодействии с государствами-членами и единообразном понимании обязательств.

В п.3 ст.28 Договора закреплены специальные обязанности государств-членов: «в рамках функционирования внутреннего рынка во взаимной торговле товарами государства-члены не применяют ввозные и вывозные таможенные пошлины (иные пошлины, налоги и сборы, имеющие эквивалентное действие), меры нетарифного регулирования, специальные защитные, антидемпинговые и компенсационные меры, за исключением случаев, предусмотренных настоящим Договором» [1].

Договор позволяет государствам-членам отступать от правил свободы внутреннего рынка только в случаях, перечисленных в ст. 29 Договора. Государства-члены во взаимной торговле товарами вправе применять ограничения (при условии, что такие меры не являются средством неоправданной дискриминации или скрытым ограничением торговли) в случае, если такие ограничения необходимы для:

- 1) охраны жизни и здоровья человека;
- 2) защиты общественной морали и правопорядка;
- 3) охраны окружающей среды;
- 4) охраны животных и растений, культурных ценностей;
- 5) выполнения международных обязательств;
- 6) обеспечения обороны страны и безопасности государства-члена.

Перечень является закрытым, то есть ограничение допуска товаров на внутренний рынок допустимо только в перечисленных случаях. Основание должно быть аргументированным. Такие ограничения могут вводиться как в одностороннем порядке согласно ч.1 ст.29 Договора, так и на основании международных договоров в рамках Союза согласно ч.3 ст. 29 Договора. [1]

Разъяснение порядка применения ст. 29 Договора было дано Судом ЕАЭС в консультативном заключении по делу *О свободе движения товаров*. ЕЭК запросила Суд о возможности для государств-членов вводить ограничения на свободное движение товаров по основаниям, указанным в ч.1 данной статьи, включая охрану жизни и здоровья человека, защиту окружающей среды, а также обеспечения обороны и безопасности государства-члена – в одностороннем порядке либо только путем совместно вводимых ограничений.

Для введения ограничений в одностороннем порядке Суд указал на два обязательных условия:

- строгое следование основаниям, указанным в ст. 29, которые должны быть истолкованы буквально, не расширительно,

- также, такая мера не должна являться произвольным ограничением торговли (дискриминацией, замаскированным ограничением) и должна быть пропорциональной. [5]

В остальных случаях такие меры будут считаться ограничивающими торговлю, образующими препятствия.

Все препятствия делятся на барьеры, ограничения и изъятия. В настоящее время действует Методология разделения препятствий на внутреннем рынке Евразийского экономического союза на барьеры, изъятия и ограничения и признания барьеров устраненными, утвержденная Решением Коллегии ЕЭК № 10 от 02.02.2021г. В настоящее время ведется работа по уточнению данной методологии.

Департаментом функционирования внутренних рынков ЕЭК ведется реестр препятствий, они классифицируются, анализируется процесс и результат их устранения. Ведется «Белая книга» препятствий, создан специальный ресурс – информационный портал «Функционирование внутренних рынков Евразийского экономического союза» (www.barriers.eaeunion.org), который позволяет предпринимателям сообщать напрямую в Комиссию информацию о препятствиях, знакомиться с ключевыми документами, уведомлениями стран по выявленным барьерам и т.п. На 10 марта 2023 года в реестре препятствий сохраняется 42 препятствия (8 барьеров и 34 ограничения), решение которых в настоящее время прорабатывается. [6]

В Стратегии-2025 упомянут и ряд иных не менее важных мер, направлений. Вместе с тем подчеркнем, что именно новым подходам развития инклюзивной, высокотехнологичной экономики знаний посвящено 4 из 11 направлений: направления 5-8, охватывающие цифровизацию, гибкое целевое содействие экономическому развитию, совместные кооперационные проекты, стимулирование совместных научно-исследовательских работ. [3] Тесная увязка факторов экономического развития нового уклада и науки обоснован не только высокотехнологичным характером Индустрии 4.0. Выход на инновационный путь развития и переход к экономике знаний предполагает высокое качество человеческого капитала [7, с. 377]. При наличии множества индикаторов стабильного экономического развития обращает на себя внимание, что Стратегия-2025 направлена на реализацию принципиально нового подхода к экономике государств-членов и Союза в целом – опережающего развития.

Именно эти направления – эффективное устранение барьеров и ограничений и новая инновационная политика – были заявлены как центральные в докладе председателя Коллегии ЕЭК М.В.Мясникова в 2020 году на конференции Суда ЕАЭС при обсуждении Стратегии-2025.[8, с.17] В целом, Стратегия в ЕАЭС наглядно показывает, что интеграция – это не

только традиционная свобода движения факторов производства – товаров, услуг, рабочей силы и капитала. Интеграция – это свобода движения ресурсов развития. Своевременное прогнозирование и раскрытие этого потенциала в интеграционном сообществе – задача непростая, но это единственный верный путь эффективности такого объединения. В современном мире транснациональные вызовы и одновременно прорывные возможности связаны со сквозной цифровизацией и информационной безопасностью, энергоэффективностью, развитием человеческого капитала. Неслучайно в рамках продвинутой интеграции – в Союзном государстве – приняты интенсивные шаги по укреплению интеграции (программы) направлены на создание общего энергетического рынка, управление миграцией, формирование безопасной среды развития и т.п. Эти же треки развития в ближайшем будущем будут актуальны и на общеевразийском уровне.

Заключение.

В Союзе осуществляется постоянный мониторинг показателей экономического развития и индикаторов уровня жизни населения, принимаются как стратегические, так и корректирующие меры для реализации цели, установленной в ст. 4 Договора. Около половины мер регулятивного характера направлены на развитие инновационной экономики знаний, научно-технологическое сотрудничество и промышленную кооперацию. Именно эти направления не только обеспечат внешнюю промышленную и технологическую независимость, особенно важную в условиях санкционного давления, но и помогут выровнять профили социально-экономического развития в государствах-членах за счет кооперационной вовлеченности всех национальных хозяйств в единый рынок, а значит, сделают экономическую интеграцию сбалансированной и продуктивной для основного дестинатора интеграционных усилий – населения государств-членов ЕАЭС.

Евразийская интеграция должна базироваться на более глубинном онтологическом подходе: свобода движения ресурсов производства (классическая экономическая формула западной доктрины интеграции прошлого века) должна быть заменена на свободу движения ресурсов развития – помимо реформирования классических факторов - товаров, услуг, капитала, лиц, сюда включаются ресурсы энергетические, информационные, проч. В рамках свободы движения ресурсов развития необходим переход от классической формы рынка трудовых ресурсов к формированию общего пространства развития человеческого капитала.

Библиографические ссылки

1. Договор о Евразийском экономическом союзе; прин.29.05.2014 в г.Астана. – [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. Беларусь. / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2023.
2. Декларация о дальнейшем развитии интеграционных процессов в рамках Евразийского экономического союза: утв. распоряжением Высшего Евразийского экономического совета от 6 декабря 2018 г. № 9. – [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. Беларусь. / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2023.
3. Стратегические направления развития евразийской экономической интеграции до 2025 года: утв.Решением Высшего Евразийского экономического совета № 12 от 11.12.2020 [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. Беларусь. / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2023.
4. Михалева Т.Н. Правовое регулирование региональной интеграции: вызовы и перспективы. – Минск: Институт радиологии, 2016. – 196 с.
5. О применении пункта 1 статьи 29 Договора о ЕАЭС : Консультативное заключение Суда ЕАЭС [Электронный ресурс]. – Карточка дела Р-3/17. – Вид доступа: https://courteurasian.org/court_cases/eaeu/P-3.17/ю - Дата доступа : 10.03.2023.
6. Функционирование внутренних рынков Евразийского экономического союза. [Электронный ресурс]. – Дата доступа: <https://barriers.eaeunion.org/ru-ru/Pages/home.aspx>. – Вид доступа: 10.03.2023.
7. Глазьев, С. Ю. Управление развитием систем хозяйствования в государствах Евразии: уч. – Т.2. – С.-П.: Унив.при МПА ЕврАзЭС, 2020. – 400 с.
8. Новые вызовы интеграции ЕАЭС: правовое измерение : Междун.конф. (г.Минск, 25-27 ноября 2020 года) : сб. мат. / Суд Евр.эк.союза; редкол.А.С.Бугаева [и др.]. – Минск: Колорград, 2021. – 354с.

НЕГАТИВНОЕ ВЛИЯНИЕ ПРИМЕНЕНИЯ КИБЕР САНКЦИЙ НА РЕАЛИЗАЦИЮ КОЛЛЕКТИВНОГО ПРАВА НА РАЗВИТИЕ

Н.О. Мороз

Белорусский государственный университет, ул. Ленинградская 8, Nataliya.Maroz@gmail.com

В статье рассматривается сущность киберсанкций и оценивается их возможное влияние на реализацию коллективного права на развитие. Автор обосновывает, что современная практика принятия односторонних принудительных мер в киберпространстве часто осуществляется в нарушение международного права, и препятствует реализации коллективного права на развитие на общедемократической и недискриминационной основе. По итогам проведенного исследования предлагается внесение дополнений в проект конвенции о праве на развитие.

Ключевые слова: право на развитие, односторонние принудительные меры, санкции, киберсанкции.

THE NEGATIVE IMPACT OF THE USE OF CYBER SANCTIONS ON THE ENJOYMENT OF THE COLLECTIVE RIGHT TO DEVELOPMENT

N.A. Maroz

Belarusian State University, st. Leningradskaya 8, Nataliya.Maroz@gmail.com

The article discusses the notion of cyber sanctions and assesses their possible impact on the enjoyment of the collective right to development. The author substantiates that contemporary practice of taking unilateral coercive measures in cyberspace is often carried out in violation of international law and negatively impacts implementation of the collective right to development on a democratic and non-discriminatory basis. Based on the results of the research, the article proposes some amendments to the draft convention on the right to development.

Keywords: right to development, unilateral coercive measures, sanctions, cyber sanctions

В настоящее время применение односторонних принудительных мер охватывает довольно широкий круг сфер правоотношений, включая и те, которые связаны с использованием информационно-коммуникационных технологий (далее – ИКТ). Учитывая тот факт, что использование ИКТ не только осуществляется в любой отрасли человеческой жизнедеятельности,

но и является крайне важным для нормального экономического развития государств, а также полной реализации прав и свобод человека, принятие односторонних принудительных мер может порождать целый ряд неблагоприятных последствий, нуждающихся в обстоятельной международно-правовой квалификации и оценке.

Отдельные аспекты применения односторонних принудительных мер в сфере использования ИКТ предметом исследования как западных, так и отечественных ученых [1; 2; 3; 4; 5]. В основном, они касались правовой природы таких мер, их влияния на развитие международных отношений, а также реализацию прав и свобод человека. При этом к настоящему времени так и не выработан единый подход как к использованию, так и пониманию значимых терминов в данной сфере. Так, в доктрине используются понятия «киберсанкции» [1; 2; 3], «односторонние киберсанкции» [4], «односторонние санкции в киберпространстве» [5].

Недостаточно изученным является вопрос о соотношении применения таких мер и осуществления коллективного права на развитие. Рост применения односторонних принудительных мер с использованием ИКТ влечет исключение определенных стран из определенных сфер сотрудничества в области использования ИКТ, и таким образом, может препятствовать народам этих государств в реализации их права на развитие; вести к углублению цифрового разрыва.

Так, практика блокирования аккаунтов в социальных сетях [6], предотвращения доступа к банковским услугам онлайн; кампании по диффамации в рамках санкционных режимов; блокирование доступа к онлайн-платформам и услугам; публичное наблюдение за социальными сетями; требование удаления определенных твитов, блогов и личных сообщений на онлайн-платформах [7] оказывают негативное влияние на реализацию очень многих прав человека, включая право на развитие, поскольку целый ряд государств лишается возможности участвовать в пользовании благами, являющимися результатом развития ИКТ (участвовать в научной деятельности; получать доступ к справедливому распределению результатов экономической деятельности; закупать медицинские препараты и средства профилактики заболеваний; осуществлять образовательную деятельность с использованием ИКТ и (или) участвовать с международным сотрудничеством в данной области и т.д.).

В этой связи проведение исследования по данной тематике представляется не только весьма актуальным, но и своевременным.

Право на развитие впервые было четко сформулировано в Декларации о праве на развитие, принятой резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН 41/128 от 4 декабря 1986 г. Данное право вытекает из обязательств по Уставу ООН 1945 г. (п. 3 ст. 1, п. 1 ст. 55 Устава ООН), тесно связано с ре-

ализацией права народов на самоопределение (п. 2 Декларации о предоставлении независимости колониальным странам и народам, принятой резолюцией 1514 (XV) Генеральной Ассамблеи от 14 декабря 1960 г.).

В соответствии с п. 1 ст. 1 Декларации о праве на развитие «право на развитие является неотъемлемым правом человека, в силу которого каждый человек и все народы имеют право участвовать в таком экономическом, социальном, культурном и политическом развитии, при котором могут быть полностью осуществлены все права человека и основные свободы, а также содействовать ему и пользоваться его благами». Взаимосвязь между правом на развитие и другими правами человека четко прослеживается в формулировках целей устойчивого развития, их задач и показателей достижения. Не только устойчивое развитие создает необходимые условия для реализации прав человека, но и «права человека создают важные для устойчивого развития условия» [8]. Как подчеркивается ООН «каждая из 17 целей устойчивого развития (далее – ЦУР) прямо или косвенно отражает существующие принципы и стандарты в области прав человека, охватывая как экономические и социальные права, так и гражданские, политические, культурные права, а также право на развитие» [9].

Право на развитие охватывает и необходимость обеспечения участия всех народов в современном информационном обмене. Так, в резолюции Совета ООН по правам человека 33/3 от 29 сентября 2016 г. указывалось на необходимость «поощрение свободного, справедливого, эффективного и сбалансированного международного информационно-коммуникационного порядка на основе международного сотрудничества в интересах достижения на новой основе равновесия и большей взаимности в международном потоке информации, в частности путем устранения неравенства в потоке информации в развивающиеся страны и из них» (п. j ст. 6).

Специальным докладчиком ООН по вопросу о негативном воздействии односторонних принудительных мер на осуществление прав человека Е.Ф. Довгань указывалось, что развитие кибертехнологий несомненно повлияло на применение односторонних санкций отдельными государствами [10].

Принятие односторонних принудительных мер может включать в себя широкий спектр мер, которые могут по-разному квалифицироваться согласно международному праву (например, правомерные меры могут включать реализацию суверенного права на выбор партнеров для сотрудничества; реторсии; контрмеры; меры, применяемые с целью реализации санкций Совета Безопасности ООН; а неправомерные – вмешательство во внутренние дела государства; применение силы и угрозы силой и др.), а

также носить разные наименования («санкции», «односторонние санкции», «односторонние принудительные меры»).

По замечанию Специального докладчика ООН по вопросу о негативном воздействии односторонних принудительных мер на осуществление прав человека Е.Ф. Довгань «односторонние санкции, применяемые государствами, группами государств или региональными организациями без согласия или в обход разрешения Совета [Безопасности ООН], не в соответствии с международными обязательствами применяющего санкции субъекта, или незаконность которых не исключается в соответствии с правом международной ответственности, вне зависимости от объявленной цели или задачи – включая в том числе экономические, финансовые, политические или любого другого рода ориентированные на государство или целенаправленные меры, применяемые к другим государствам, физическим лицам, компаниям или другим неправительственным образованиям с целью изменить политику или поведение другого государства, добиться от него подчинения в осуществлении его суверенных прав, обеспечить преимущества любого рода или предупредить, принудить или наказать государство, против которого введены санкции, – представляют собой односторонние принудительные меры и поэтому являются незаконными в рамках международного права» [11].

Принятие таких незаконных принудительных мер не способствует реализации п 3. ст. 3 Декларации о праве на развитие, который гласит, что «государства должны сотрудничать друг с другом в обеспечении развития и устранения препятствий на его пути. Государства должны осуществлять свои права и выполнять свои обязанности таким образом, чтобы содействовать установлению нового международного экономического порядка, основанного на суверенном равенстве, взаимозависимости, взаимной заинтересованности и сотрудничестве между всеми государствами, а также поощрять соблюдение и осуществление прав человека». Таким образом, принятие любых неправомерных односторонних принудительных мер будет оказывать негативное влияние на реализацию права на развитие.

Киберсанкции представляют собой один из видов односторонних принудительных мер, которые, соответственно, также могут иметь различную международно-правовую квалификацию. С учетом отсутствия единства в применении понятийно-терминологического аппарата в рассматриваемой сфере, можно предположить, что в настоящее время под киберсанкциями могут пониматься:

а) односторонние принудительные меры, принимаемые в ответ на злонамеренную деятельность в киберпространстве (например, в ответ ряд кибератак, проведенных группой хакеров АРТ10, АРТ 38 и др. [12]). При этом сами односторонние санкции в данном случае, в основном, включают

традиционный спектр мер принуждения (замораживание средств и экономических ресурсов [13; 14], запрет на въезд [13]);

б) односторонние принудительные меры, принимаемые в ответ на деятельность, не связанную с осуществлением злонамеренных действий в киберпространстве, но по своей сути оказывающие воздействие на возможность использования ИКТ в различных сферах (например, ограничения на передачу программного обеспечения [7]).

Кроме того, нельзя не отметить, что практика оверкомлайнса, осуществляемая частными корпорациями в связи с наличием санкционного режима, самым прямым образом влияет на возможности использования ИКТ в государствах, находящихся под санкциями. Подобные меры включают блокировку аккаунтов, ограничение доступа к онлайн платформам. Так, например, с июля 2020 г. доступ иранских пользователей к своим услугам ограничили не менее 300 компаний [7].

По замечанию Специального докладчика ООН по вопросу о негативном воздействии односторонних принудительных мер на осуществление прав человека «отказ в доступе к конкретным интернет-ресурсам»; а также «некоторые односторонние санкции в киберсфере — предотвращение доступа к спутникам, Интернету, программному обеспечению, общедоступным информационно-коммуникационным платформам и услугам — затрагивают все население стран, ставших объектами санкций, и негативно влияют на их экономические и культурные права, включая <...> [право] на развитие» [7].

Таким образом, влияние на реализацию права на развитие киберсанкций должно учитываться акторами, принимающими решения о принятии таких мер, с учетом их обязательств как в области прав человека, так и по Уставу ООН.

В настоящее время ведется подготовка многосторонней конвенции о праве на развитие в рамках ООН (резолюция Совета ООН по правам человека 39/9 от 27 сентября 2018 г.). В проекте данной конвенции предусмотрена обязанность по сотрудничеству в обеспечении права на развитие (ст. 13), а также закреплён принцип международной солидарности, как основа для такого сотрудничества (п. g ст. 3) [15]. В проекте данной конвенции не содержится специальных положений, посвященных использованию ИКТ или обеспечению информационной безопасности в интересах развития.

В п. 2 ст. 13 проекта конвенции о праве на развитие указывается, что «государства-участники признают свою главную ответственность за создание международных условий, благоприятствующих реализации права на развитие для всех, и обязуются предпринимать обдуманые, конкретные и целенаправленные шаги по отдельности и совместно <...>» с тем, чтобы «<...> б) обеспечить устранение препятствий на пути полной реали-

зации права на развитие из всех международно-правовых документов, политики и практики»; «<...> е) мобилизовать соответствующие технические, технологические, финансовые, инфраструктурные и другие необходимые ресурсы, чтобы позволить государствам-участникам, особенно тем, которые имеют ограниченную доступность этих ресурсов или доступа к ним для выполнения своих обязательств по настоящей Конвенции». Таким образом, ограничение ресурсов (в том числе и цифровых), которые и так находятся в ограниченной доступности для государств, является неправомерным согласно проекту данной конвенции.

Проектом конвенции о праве на развитие запрещается использовать принуждение с целью «добиться от него подчинения в осуществлении им его суверенных прав в нарушение принципов суверенного равенства государств и свободы согласия» (ст. 14). В то же время в проекте нет положений, которые бы требовали от государств учитывать свои обязательства в части обеспечения права на развития при принятии контрмер.

В Комментарий к пп. b ч. 1 ст. 50 Проекта статей об ответственности государств за международно-противоправные деяния, разработанного Комиссией международного права ООН, указывается на тот факт, что обязательства по защите прав человека, как обязательства, которые не могут затрагиваться контрмерами, в принципе, охватывают и основные социально-экономические права [16]. В то же время право на развитие прямо не предусматривается Международным пактом об экономических, социальных и культурных правах 1966 г., и не вполне ясно, в какой степени оно не может быть затронуто контрмерами. В то же время как было указано выше данное право в контексте использования ИКТ для целей развития очень сильно может подвергаться негативному влиянию от применяемых односторонних принудительных мер. В том случае, когда речь идет о правомерных принудительных мерах (в частности, контрмерах), по нашему мнению, общая обязанность по сотрудничеству в рамках осуществления права на развития не должна затрагиваться настолько, чтобы полностью исключать народы из системы международного сотрудничества в области развития. Более того, такие меры также не должны подрывать осуществление индивидуальное право на развитие, неотъемлемо принадлежащее каждому индивиду (то есть фактически делать его неосуществимым). В этой связи считаем целесообразным дополнение проекта конвенции о праве на развитие нормой следующего содержания:

«Не допускается применение контрмер с использованием ИКТ, результатом которых является полное исключение определенного народа из международного сотрудничества в области развития, а также подрывающих осуществление индивидуального права на развитие, неотъемлемо принадлежащего каждому индивиду».

На основании изложенного выше можно прийти к следующим выводам:

1. Влияние на реализацию права на развитие односторонних принудительных мер должно учитываться акторами, принимающими решения о принятии таких мер с учетом их обязательств в области прав человека, в том числе, по «обеспечению развития и устранения препятствий на его пути», а также в соответствии с иными международными обязательствами по Уставу ООН.

2. В целях обеспечения права всех народов на развитие считаем целесообразным дополнить проект конвенции о праве на развитие нормой следующего содержания: «Не допускается применение контрмер с использованием ИКТ, результатом которых является полное исключение определенного народа из международного сотрудничества в области развития, а также подрывающих осуществление индивидуального права на развитие, неотъемлемо принадлежащего каждому индивиду». Указанное дополнение позволит снизить негативное влияние последствий от принятия контрмер на реализацию права на развитие.

Библиографические ссылки

1. Яникеева, И.О. Роль киберсанкций в международных отношениях / И.О. Яникеева // Вестник дипломатической академии МИД России. Россия и Мир. – 2022. – 1(31). – С. 6–33.

2. Iftimie, I.A. Cyber Sanctions: Weaponising the Embargo of Flagged Data in a Fragmented Internet / I.A. Iftimie // Journal of information warfare. – 2020. – Vol.19 (1). – P. 48–61.

3. Miadzvetskaya, Y. Challenges of the Cyber Sanctions Regime under the Common Foreign and Security Policy (CFSP) / Miadzvetskaya Y. // Security and Law. – Cambridge: Intersentia, 2019. – P. 277–298.

4. Bogdanova, I. Unilateral cyber sanctions: Between questioned legality and normative value / Bogdanova I., Callo-Muller M. V. // Vanderbilt journal of transnational law. – 2021. – Vol.54 (4). – P. 911–954.

5. Довгань, Е.Ф. Теория и практика введения санкций за злонамеренную деятельность в информационном пространстве / Е.Ф. Довгань // Журнал международного права и международных отношений. – 2022. – № 1-2. – С. 9–18.

6. Douhan A. The changing nature of sanctions in the digital era // Digital transformations in public international law. – Nomos: Baden-Baden. – 2022. – Vol. 317. - P. 126.

7. Односторонние санкции в киберпространстве: тенденции и проблемы: Доклад Специального докладчика по вопросу о негативном воздействии односторонних принудительных мер на осуществление прав человека Елены Довгань, A/77/296 [Электронный ресурс] / Организация Объединенных Наций. – Режим доступа: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N22/464/12/PDF/N2246412.pdf?OpenElement>. – Дата доступа: 12.09.2022.

8. Продвижение устойчивого развития через права человека [Электронный ресурс] / Организация Объединенных Наций. – Режим доступа: <https://www.ohchr.org/ru/about-us/what-we-do/our-roadmap/advancing-sustainable-development-through-humanrights>. – Дата доступа: 12.04.2023.

9. Цели устойчивого развития, права человека и COVID-19: что важно знать каждому? [Электронный ресурс] / Организация Объединенных Наций. – Режим досту-

па: <https://belarus.un.org/ru/130626-celi-ustoychivogo-razvitiya-prava-cheloveka-i-covid-19-chto-vazhno-znat-kazhdomu>. – Дата доступа: 12.04.2023.

10. Односторонние санкции в киберпространстве: тенденции и проблемы : Доклад Специального докладчика по вопросу о негативном воздействии односторонних принудительных мер на осуществление прав человека Елены Довгань [Электронный ресурс] / Организация Объединенных Наций. – Режим доступа: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N22/464/12/PDF/N2246412.pdf?OpenElement>. – Дата доступа: 13.05.2023.

11. Доклад Специального докладчика по вопросу о негативном воздействии односторонних принудительных мер на осуществление прав человека, A/76/174/Rev.1, п. 5 [Электронный ресурс] / Организация Объединенных Наций. – Режим доступа: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N21/245/78/PDF/N2124578.pdf?OpenElement>. – Дата доступа: 22.08.2022.

12. Council Implementing Regulation (EU) 2020/1125 of 30 July 2020 implementing Regulation (EU) 2019/796 concerning restrictive measures against cyber-attacks threatening the Union or its Member States // OJ L 246, 30.7.2020, p. 4–9.

13. Council Decision (CFSP) 2019/797 of 17 May 2019 concerning restrictive measures against cyber-attacks threatening the Union or its Member States // OJ L 129I , 17.5.2019, p. 13–19.

14. Executive Order 13694 "Blocking the Property of Certain Persons Engaging in Significant Malicious Cyber-Enabled Activities", April 01, 2015 // <https://obamawhitehouse.archives.gov/the-press-office/2015/04/01/executive-order-blocking-property-certain-persons-engaging-significant-m>;

15. Draft convention on the right to development, A/HRC/WG.2/21/2 [Electronic resource] / UN Human Rights Office of the High Commissioner. – Mode of access: https://www.ohchr.org/sites/default/files/Documents/Issues/Development/Session21/3_A_HRC_WG.2_21_2_AdvanceEditedVersion.pdf. – Date of access: 22.10.2022.

16. Draft articles on Responsibility of States for Internationally Wrongful Acts, with commentaries, 2001, A/56/10 [Electronic resource] / United Nations. – Mode of access: https://legal.un.org/ilc/texts/instruments/english/commentaries/9_6_2001.pdf.

ДАВНОСТЬ ИСПОЛНЕНИЯ НАЛОГОВОГО ОБЯЗАТЕЛЬСТВА В СТРАНАХ ЕАЭС

В.Д. Надточий

*Российский университет дружбы народов,
ул. Миклухо-Маклая 6, 117198, г. Москва, Российская Федерация,
vladnadtochiy@gmail.com*

В статье анализируются причины и условия появления давности в праве, правовая природа данного феномена, отражающего влияние времени в праве. Предметом исследования выступают нормы налогового права стран ЕАЭС, образующие в совокупности институт давности в налоговом праве. Автор статьи описывает проблемы гармонизации правового института давности в странах ЕАЭС и возможные пути их решения.

Ключевые слова: публично-правовая давность, налогово-правовая давность, исковая давность, налоговое право, налог, правовая определённость, прекращение прав, ЕАЭС.

PRESCRIPTION OF TAX OBLIGATIONS IN THE EAEU COUNTRIES

V.D. Nadtochiy

*Peoples' Friendship University of Russia,
st. Miklukho-Maklay 6, 117198, Moscow, Russian Federation, vladnadtochiy@gmail.com*

The article analyzes the causes and conditions for the appearance of prescription in law, the legal nature of this phenomenon, which reflects the influence of time in law. The subject of the study is the norms of the tax law of the EAEU countries, which together form the institution of prescription in tax law. The author of the article describes the problems of harmonization of the legal institution of prescription in the EAEU countries and possible ways to solve them.

Key words: public-legal prescription, tax-legal prescription, limitation period, tax law, tax, legal certainty, termination of rights, EAEU.

В рамках настоящей статьи автором исследуются некоторые аспекты такого вида давности, как давность исполнения налогового обязательства в странах ЕАЭС. Термин «налоговое обязательство» является объектом дискуссии и будет нами использоваться лишь в связи с его использованием в четырех из пяти стран ЕАЭС. Как справедливо отмечает А.Н. Козырин, более уместным представляется использование термина «обязанность по уплате налога», поскольку речь идёт о публично-правовой обязанности,

возникающей в одностороннем порядке, в соответствии с требованиями налогового закона [1, с. 245]. Данный правовой институт возник под влиянием действительности и ход времени подвергает его изменению. Давность исполнения налогового обязательства, это нормативное закрепление правовых последствий этого влияния. Наука всегда выделяла особую роль времени во всех сферах человеческой жизни, отмечая её безусловное влияние на существование социума. Юриспруденция не могла обойти стороной время, нормативно закрепляя в правовых институтах правовые последствия истечения какого-либо срока или периода времени. Так появились институты давности и исковой давности. До XIX столетия считалось, что исковая давность является институтом права, основанием которого выступает факт всеобъемлющего и все изменяющего проществуя определённого периода времени, ведь ещё Аристотель писал, что «Следовательно, время есть или движение или нечто связанное с движением, а так как оно не движение, ему необходимо быть чем-то связанным с движением» [2]. Следуя данной теории, исследователи определяли давность как изменение в правах, вследствие их неосуществления в течение установленного периода времени, более того едва ли не основной парадигмой в этом направлении была теория о том, что права приобретаются и погашаются давностью [3]. При этом, исковую давность относили к погасительной давности, отмечая, что погасительная давность, это главным образом давность, погашающая право иска, потому ее можно назвать исковой давностью [4].

Согласно распространенной точке зрения, давность появилась в римском праве как некий аргумент ответчика об утрате истцом права вследствие истечения определенного периода времени. В чём же заключалось правовое значение давности? Цивилистика советского периода [5] указывала следующие причины:

1. Для прочности и определённости правоотношений требуется, чтобы те права, которые не были осуществлены в течение определённого времени, считались утраченными.

2. С течением времени утрачиваются доказательства (документы теряются, свидетели умирают или забывают факты), и следовательно, выяснить, действительные права и обязанности в том виде, в котором они существовали раньше, когда возникло спорное правоотношение, становится с течением времени всё сложнее.

Порой даже делался вывод, что не подача иска истцом в установленный законом срок может свидетельствовать о том, что ответчик выполнил все свои обязательства и именно это было причиной несвоевременной подачи иска истцом, который мог действовать недобросовестно, рассчитывая на утерю ответчиком доказательств исполнения им обязательства [6].

До настоящего времени идет спор о том, в какой отрасли права появилась давность. Некоторые исследователи считают, что она возникла из частного права и эта точка зрения является наиболее распространенной, с той оговоркой, что она возникла как институт процессуального права. Другие исследователи считают, что она возникла из уголовного права. Исследователи прошлых лет сходились во мнении, что давность, в том числе исковая, ограждает настоящее от притязаний прошлого, но определение самого понятия было предметом широкой дискуссии [7]. Большинство исследователей сходились во мнении, что создатели римского права так и не дали определения того, что, собственно, представляет собой давность.

Применительно к давности в налоговом праве или налогово-правовой давности мы можем констатировать относительно небольшое количество исследований на монографическом уровне [8]. Даже само её понятие по большей части терминологически не закреплено в законодательстве. В качестве исключения можно привести Налоговый Кодекс Республики Казахстан, который определил, что исковой давностью по налоговому обязательству и требованию признается период времени, в течение которого:

1) налоговый орган вправе исчислить, начислить или пересмотреть исчисленную, начисленную сумму налогов и платежей в бюджет;

2) налогоплательщик (налоговый агент) обязан представить налоговую отчетность, вправе внести изменения и дополнения в налоговую отчетность, отозвать налоговую отчетность;

3) налогоплательщик, (налоговый агент) вправе потребовать зачет и (или) возврат налогов и платежей в бюджет, пени [9].

Законодательства остальных стран ЕАЭС не раскрывают понятие «Давность». Налоговый кодекс Республики Армения предусматривает, что течение срока давности может быть приостановлено в случае отсутствия налогоплательщика, должностного лица налогоплательщика или возникновения иных обстоятельств, в результате которых становится невозможным осуществление проверки или исчисления налогового обязательства иным путем. Как можно видеть, правовая норма содержит указание на «иные обстоятельства», что, в свою очередь, может быть подвергнуто расширительному толкованию и создать правовую неопределённость для налогоплательщика. Момент приостановления течения срока давности связывается с моментом фиксации в установленном Правительством Республики Армения порядке наличия этих оснований (или какого-либо из них) соответствующим должностным лицом налогового органа. В свою очередь, момент прекращения оснований приостановления и дальнейшего течения срока давности связывается с моментом, когда налоговый орган или соответствующее должностное лицо налогового органа знало или мог-

ло знать о прекращении оснований приостановления. При этом, не совсем понятно почему момент отсчёта взят из субъективной исковой давности? Налоговый орган, действуя от имени государства и располагая всеми его информационными, трудовыми и иными ресурсами имеет все правовые возможности для установления необходимых обстоятельств. В связи с этим, полагаем, что момент прекращения оснований приостановления и начало течения срока давности, должно связываться с объективным моментом прекращения оснований приостановления.

Федеральный законодатель использует активное противодействие проведению выездной налоговой проверки лица, привлекаемого к ответственности за налоговое правонарушение, в качестве основания приостановления срока давности привлечения к ответственности за совершение налогового противодействия. Но при исчислении сроков давности налогового обязательство указанное основание не используется.

Налоговые законодательства остальных стран ЕАЭС не предусматривают в качестве основания приостановления срока давности активное противодействие субъекта налоговой проверке.

Не менее интересной частью предмета исследования являются последствия налогового обязательства с истёкшим сроком его исполнения. В налоговом законодательстве стран ЕАЭС мы можем наблюдать совершенно различные подходы. Налоговый кодекс Кыргызской Республики устанавливает, что в случае истечения срока исковой давности по налоговому обязательству, налоговое обязательство прекращается, а налоговая задолженность считается погашенной. Законодатель Армении указал, что не могут возникнуть налоговые обязательства, если возможность их возникновения была выявлена после истечения сроков давности. Федеральный законодатель не связывает напрямую прекращение налогового обязательства с истечением срока давности, поскольку для списания налоговой задолженности необходимо принятие судом акта, в соответствии с которым налоговый орган утрачивает возможность взыскания задолженности в связи с истечением установленного срока ее взыскания, в том числе вынесения им определения об отказе в восстановлении пропущенного срока подачи заявления в суд о взыскании задолженности. Аналогичного подхода придерживаются налоговые законодательства Казахстана и Республики Беларусь. Какой же из подходов будет более приемлемым? Подход Кыргызстана и Армении интересен с точки зрения правовой определённости положения налогоплательщиков, но если рассматривать его в контексте утраты правовой возможности добровольной уплаты налоговой задолженности, то не означает ли он лишение права субъекта на выполнение своей конституционной обязанности по уплате налогов? Да, конечно, это предположение может носить несколько утопический характер, но тем не ме-

нее? Теперь разберём подход остальных стран ЕАЭС. Довольно сложные процедуры списания указанной задолженности устраняют утрату возможности добровольной уплаты налога, описанной в первом подходе, поскольку факт обращения налогоплательщика в суд показывает отсутствие у него подобных намерений, но с другой стороны, он может длительное время находиться в положении правовой неопределённости и нести её негативные последствия, поскольку справка налогового органа постоянно будет показывать его налоговую задолженность, пусть по ней и будет утрачена возможность взыскания в принудительном порядке. Вместе с тем, констатируя недобросовестное поведение налогоплательщика, как нам представляется, в данном случае следует исходить из принципа баланса публичных и частных интересов. Государство имеет право, а налогоплательщик имеет обязанность по уплате налога, но требуя от налогоплательщика исполнения своей публичной обязанности, государство не должно забывать и о своей обязанности эффективного управления. Налоговые органы, располагая широким арсеналом средств в эпоху цифровизации должны выполнять свои функции в установленный промежуток времени. Безусловно, мы сталкиваемся с ситуацией, когда налогоплательщик может извлекать выгоду из своего недобросовестного поведения и есть существенный риск того, что можно столкнуться с ситуацией умышленного затягивания взыскания налоговыми органами задолженности, но именно учёт этих рисков и реакция на них позволит отладить их работу и сделать более эффективной.

Подводя итоги исследования, можно прийти к следующим выводам, давность исполнения налогового обязательства носит публично-правовой характер, поэтому безусловно имеет свои характерные черты, отличающие её от давности в отраслях частного права. Давность в сфере гражданского права может приводить к приобретению прав, как например в случае с приобретательской давностью. Специфика публичного права делает неприемлемым предоставление налогоплательщику права не платить налоги. Но, принцип баланса публичных и частных интересов требует реакции государства на неэффективную работу налоговых органов, а факт истечения срока давности будет той самой «лакмусовой бумагой», которой государство будет определять эффективность тех или иных налоговых процедур. Высказывается мнение, что истечение срока давности привлечения к ответственности за совершение налогового правонарушения следует закрепить в качестве реабилитирующего основания. Однако государство не может функционировать без налоговой основы, а общество нормально существовать без государства, поэтому проработка подходов к решению этих вопросов, по-видимому, будет предметом дальнейшей дискуссии. Практи-

ческое значение результатов, полученных в данной статье, заключается в дальнейшем продолжении работы над решением данной проблемы.

Библиографические ссылки

1. Козырин, А. Н. Налоговое право государств ЕАЭС : учебник для магистратуры / А.Н. Козырин. – Москва : Норма : ИНФРА-М, 2022. – 388 с. – DOI 10.12737/1842504. - ISBN 978-5-00156-212-2. - Текст : электронный. - URL: <https://znanium.com/catalog/product/1842504> (дата обращения: 31.03.2023). – Режим доступа: по подписке.
2. Аристотель. Физика. Соч. в 4-х т. Т. 3. - М., 1976. Физика IV, 11, 219а.
3. Попович П.В. «Оправдание давности и давности владения в древне-римском гражданском праве». ВАРШАВА. Тип. «Русского Общества», 1911.
4. Дювернуа Н.Л. Конспект лекций по русскому гражданскому праву. С-Петербург. 1897.
5. Вильянянский С.И. Лекции по советскому гражданскому праву. Харьков. 1958 г.
6. Абрамов С.Н. Исковая давность. М. 1939.
7. Дернбург Г. «Пандекты». Том I. Общая часть. М. 1906. С. 394. Давность в российском налоговом праве : автореферат дис. ... кандидата юридических наук: 12.00.04 / Базаров Баир Баторович ; [Место защиты: Моск. гос. юрид. акад. им. О.Е. Кутафина]. - Москва, 2015.
8. О налогах и других обязательных платежах в бюджет (Налоговый кодекс). Кодекс Республики Казахстан от 25 декабря 2017 года № 120-VI ЗРК. [Электронный ресурс]/Информационно-правовая система нормативных правовых актов Республики Казахстан «Әділет». – Режим доступа: URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K1700000120/> - (дата доступа: 31.03.2023 г.).

СИСТЕМА РУЛИНГОВ КАК ОСНОВА ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ

М.Д. Надточий

*Российский университет дружбы народов,
ул. Миклухо-Маклая 6, 117198, г. Москва, Россия, mnadtochiy@gmail.com*

Статья посвящена вопросам цифровой трансформации правоприменения и системы рулингов с помощью которой можно создать фундамент для дальнейшей цифровой трансформации законодательства и судопроизводства. Объектом настоящего исследования стала цифровая трансформация правоприменения, как одного из самых востребованных направлений анализа научного исследования. Предметом исследования является система рулингов, ее элементы и функционирование в налоговом праве.

Ключевые слова: публичный рулинг, частный рулинг, заблаговременные решения, обязательные разъяснения, цифровая трансформация, налоговое право.

RULING SYSTEM AS THE BASIS FOR DIGITAL TRANSFORMATION OF ENFORCEMENT

M.D. Nadtochiy

*Peoples' Friendship University of Russia, Miklukho-Maklaya st. 6, 117198, Moscow, Russia,
mnadtochiy@gmail.com*

The article is devoted to the issues of digital transformation of enforcement and the system of rulings with the help of which it is possible to create a foundation for a far-reaching digital transformation of legislation and legal proceedings. The topic of this study was the digital transformation of law enforcement, as one of the most popular areas of analysis of scientific research. The subject of the study is the system of rulings, its elements and functioning in tax law.

Keywords: advance tax rulings, public rulings, private rulings, tax law, digital transformation of enforcement

Негропonte Н. в своей книге «Быть цифровым» [3] еще почти 30 лет назад предсказал важную роль цифровизации технологий. Цифровизация повлияет не только на технологии производства, но и на само общество[11]. Он предсказал, что все что может быть оцифровано, будет оцифровано. Примечательно, но те прогнозы который давал Негропonte в своей работе и, которые на тот момент казались, невероятным сейчас является

практически неотъемлемой частью современных технологий и коммуникаций.

Целью настоящего исследования является изучение влияния правового института рулингов на цифровую трансформацию правоприменения. Несмотря на то, что система рулингов может и используется в любой сфере государственного управления, все же в налоговой сфере рулинги достигли максимального развития. В связи с чем исследование будет сфокусировано на налоговых правоотношениях.

Наука на наш взгляд неоправданно уделяет недостаточно внимания административному толкованию права, или толкованию права административными органами. Гораздо больше внимания уделяется толкование права судами или правовой определенности в законодательстве.

В то время, как и сам бизнес требует правовой определенности в административных правоотношениях, последовательности политики и единообразия в правоприменительной практике[9]. В противном случае, такая политика создает правовую неопределённость, плодит правовые споры и переводит их на судебный уровень.

Единообразие административного толкования налоговых норм могли бы обеспечить письменные разъяснения уполномоченных административных органов. Однако, уполномоченные административные органы зачастую просто объявляют свои же разъяснения необязательными и неподлежащими соблюдению ни налогоплательщиками (плательщиками сборов и пошлин), ни сотрудниками налоговых органов.

Таким образом признав письменные разъяснения налоговых норм необязательными и не имеющими никакой юридической силы, нарушается последовательность в толковании налоговых норм сотрудниками налоговых органов. Допускается в различных делах при наличии одних и тех же юридических фактов применения различных правовых последствий. Это приводит к замешательству налогоплательщиков такой политикой и неоправданно широкому административному усмотрению сотрудников налоговых служб. Они уже сами определяют какое толкование применять для того или иного налогоплательщика.

С другой стороны, связывать обязательностью уполномоченный орган с данными им письменными разъяснениями, без определения: круга вопросов по которым могут быть выданы такие обязательные разъяснения, субъекты которые могут их запрашивать, структуру запроса, контроля за выдачей разъяснений (внутреннего и внешнего), опубликования таких разъяснений, рассмотрения возможности введения сбора за выдачу обязательного разъяснения, процедуру внесения, изменения и отмены обязательного разъяснения - было бы по мнению автора еще большей ошибкой.

В мировой практике данная проблема была решена за счет внедрения системы рулингов [1,2]. Система представляет из себя правовой институт, направленный на предоставления возможности контролируемым субъектам заранее оценить правовые последствия совершаемых или планируемых совершить сделок. Получая обязательное заблаговременное решение субъект может на него положиться при совершении им хозяйственных операций, а сотрудники налоговых органов обязаны следовать ему при условии соблюдения тех условий, на которых он был выдан.

Система рулингов функционирует как единая система, состоящая из устойчивой связи элементов в сходящихся в данную систему. Как правило, в систему рулингов входят: 1) обязательные рулинги (публичного, частного), 2) процедура вынесения, изменения и отмены рулингов, 3) публичный контроль за вынесением рулингов (публикация рулингов, внутренний и внешний контроль), 4) сбор за выдачу рулинга, 5) орган занимающийся выдачей рулингов.

Все попытки рассмотрения или тем более внедрения рулингов будет обречены провал. Показательным является печальный опыт внедрения рулингов в Казахстане. Внедрив институт рулингов в налоговое законодательство, институт так и не заработал и так и остался мертворожденным. Это стало возможным из-за отсутствия системности, которая выразилось невозможности саморазвития системы. Из очевидных просчетов законодательства можно отметить: 1) рулинги не обязательными; 2) был неоправданно ограничен круг субъектов, которые могли получить такой рулинг, 3) не был внедрен публичный рулинг, который необходим для контроля за единообразием правоприменительной практики и дальнейшего саморазвития и др.

Под частными рулингами понимаются решения, принимаемые налоговыми органами по запросу налогоплательщика, в отношении одной или нескольких сделок. Как следствие, на это решение может ссылаться только налогоплательщик, для которого оно было вынесено, и оно имеет обязательную силу для налогового органа при условии раскрытия всех соответствующих фактов и точного исполнения рулинга.

Под публичными рулингами понимаются решения, выносимые налоговыми органами, по собственной инициативе, разъяснения налогового законодательства по отношению к конкретной ситуации (набору фактов) [7].

Процедура налоговых рулингов работает эффективно, если она реализуется системно и содержит следующие элементы и условия: 1) наличие взаимосвязанных «публичных» и «частных» рулингов; 2) рулинги обладают обязательной силой для налоговых органов; 3) имеются механизмы контроля (внешний/внутренний); 4) частный рулинг должен соответствовать публичному рулингу; самоокупаться и самосовершенствоваться за

счет развития публичного рулинга новыми решениями из частного рулинга. 5) сбор за выдачу частного рулинга [5,6].

Внедрение системы рулингов позволит соотнести юридические факты с юридическими последствиями предусмотренными нормами права. За счет перевода системы рулинга на двоичный код можно внедрить машинное обучение системы рулингов. Функционируя на основе самообучения и самокупаемости, система рулингов может быть основой для дальнейшей цифровой трансформации законодательства и судопроизводства.

Цифровой трансформации мешает неопределённость правоприменения административными органами, устранить которую может система рулингов состоящая из следующих элементов: 1) обязательных рулингов (публичного, частного), 2) процедура вынесения, изменения и отмены рулингов, 3) система публичного контроля (публикация рулингов, внутренний и внешний контроль).

Таким образом для способствования цифровой трансформации чрезвычайно важно создать соответствующую основу. Система рулингов может быть такой основой так как она обеспечивает единообразие и последовательность правоприменения и что также особенно важно позволяет оцифровать правоприменение за счет перевода юридических фактов и правовых последствий в бинарную систему. Внедрение системы рулингов будет платформой, на котором будет выстраиваться последующие элементы цифровизации, подобно фундаменту здания, на котором возводятся стены, лестничные пролеты, этажи и тд.

Цифровая трансформация, основанная на системе рулингов позволит: ускорить в сотни раз скорость принятия решений; обеспечит единообразие правоприменительной практики; повысит качество правоприменения; снизит количество судебных споров с администрацией; создаст основу для прогнозирования не только результатов по возможному спору, но и оценку влияния изменения конкретной правовой нормы на всю систему правоприменения.

Библиографические ссылки

1. Feinschreiber, R. and Kent, M. Hong Kong Advance Ruling Cases-Taxability of Profits// Corp. Bus. Tax'n Monthly. -2008. №10, p.31.

2. Kovac, Polonca, and Tatjana Jovanovic. Ensuring tax stability through advance rulings in (Slovene) practice //Economic and Social Development /Book of Proceedings. - 2017. p. 337-347.

3. Negroponte, Nicholas. Being Digital / Alfred A. Knopf. -New York, 1995. The Digital Transformation of Tax Administration // OECD, Tax Administration 3.0. - Paris, 2020.

4. Prebble, K. C. Advance Rulings: A Proposed Procedure // STRIKING THE BALANCE: TAX ADMINISTRATION, ENFORCEMENT AND COMPLIANCE IN THE 1990s. -1996. p. 94-129.

5. Prebble, John. Advance rulings procedures. - Victoria U. Wellington - L. Rev. 15. – 1985. p. 237.

6. Romano, Carlo. Advance tax rulings and principles of law: towards a European tax rulings system? - IBFD, Vol. 4. p.207-222.

7. Ловцов, Д.А. Информационно-правовые основы правоприменения в цифровой сфере / Мониторинг правоприменения. – 2020. - 44-52 с.

8. Макаrchук, З. В. О налогово-правовых методах, направленных на повышение инвестиционной привлекательности отечественного финансового рынка (на примере МФЦ) / З. В. Макаrchук // Развитие юридической науки в новых условиях: единство теории и практики : Международная научно-практическая конференция, посвященная 100-летию со дня основания ЮФУ, Ростов-на-Дону, 17 октября 2015 года. Том 1. – Ростов-на-Дону: Южный федеральный университет, 2015. – С. 227-229.

9. Овчарова, Е. В. Административная процедура налогового контроля в механизме правового регулирования /Труды Института государства и права Российской академии наук. -2019. -137-158 с.

10. Полякова, Т.А. ВЛИЯНИЕ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ НА РАЗВИТИЕ ИНФОРМАЦИОННОГО ПРАВА: ТЕНДЕНЦИИ, ПРОБЛЕМЫ, ПЕРСПЕКТИВЫ // Мониторинг правоприменения. -2020. -53-55 с.

РЕАЛИЗАЦИЯ ПРИНЦИПА ЭФФЕКТИВНОСТИ В ГОСУДАРСТВЕННОЙ ГРАЖДАНСКОЙ СЛУЖБЕ: НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ

О.Г. Никитенко

*Секретариат Совета Республики Национального собрания Республики Беларусь,
ул. Красноармейская, 9, 220016, г. Минск, Беларусь,
Белорусский государственный университет,
ул. Ленинградская 8, 220030, г. Минск, Беларусь, faculty_of_law2223@mail.ru*

В статье раскрываются направления реализации принципа эффективности в государственной гражданской службе. Отдельный акцент сделан на мотивированности государственных гражданских служащих.

Ключевые слова: государственная гражданская служба, принцип эффективности, правоограничения, мотивация, гарантии.

IMPLEMENTATION OF THE EFFICIENCY PRINCIPLE IN THE STATE CIVIL SERVICE: SEVERAL ASPECTS

O.G. Nikitenko

*The Secretariat of the Council of the Republic of the National Assembly of the Republic of
Belarus, Krasnoarmeyskaya st., 9, 220016, Minsk, Belarus,
Belarusian State University,
Leningradskaya st. 8, 220030, Minsk, Belarus, faculty_of_law2223@mail.ru*

In the article the directions for the efficiency principle implementation in the state civil service have been revealed. The particular emphasis has been made on civil servants' motivation.

Keywords: state civil service, efficiency principle, legal restrictions, motivation, guaranties.

Одним из самостоятельных принципов, на которых основывается государственная служба, в том числе гражданская, является принцип эффективности (статья 3 Закона Республики Беларусь от 1 июня 2022 г. № 175-З «О государственной службе»). Именно эффективность государственных гражданских служащих свидетельствует об их профессионализме и компетентности, что во многом предопределяет качество государственного управления.

В Программе социально-экономического развития Республики Беларусь на 2021 — 2025 годы, утвержденной Указом Президента Республики Беларусь от 29 июля 2021 г. № 292, отмечена необходимость вхождения Республики Беларусь в число 40 лучших стран мира по рейтингу качества государственного управления. В 2022 г. наша страна занимала 72 место. Лидирующие десять позиций принадлежали Южной Корее, Швейцарии, Дании, Швеции, Эстонии, Японии, Люксембургу, Германии, Словении и Ирландии соответственно. Замыкали список из 180 государств Ангола, Экваториальная Гвинея и Республика Конго. Можно отметить, что критериями ранжирования по рейтингу качества государственного управления являются сплоченность правительства, инфраструктура, среда для бизнеса, коррупция и финансовая стабильность [1].

В качестве консолидированных и превалирующих направлений реализации на практике в Республике Беларусь принципа эффективности можно выделить следующие.

Первое направление. Ведение кадровых реестров, которые обеспечивают кадровую безопасность государственных органов.

Именно от того, насколько грамотно будут подобраны и «расставлены» кадры в государственном органе, непосредственно зависит эффективность и качество осуществления возлагаемого на него функционала. Выражение «кадры решают все» в современных условиях по-прежнему не теряет своей актуальности.

Второе направление. Поддержание государственным гражданским служащим необходимого уровня квалификации.

Данная обязанность носит перманентный характер. От полноты и добросовестности ее выполнения напрямую зависит уровень теоретических знаний и прикладных навыков государственного гражданского служащего, его общественно-политическая компетентность. В свою очередь, это влияет на эффективность труда государственного гражданского служащего, на качество промежуточного и конечного результатов его деятельности и, как следствие, на «картину» восприятия обществом институтов государственного управления в частности и государства в целом.

Можно отметить, что обязанности по поддержанию государственным гражданским служащим необходимого уровня квалификации корреспондирует его право на подготовку, переподготовку, повышение квалификации и стажировку за счет средств республиканского или местных бюджетов либо других предусмотренных законодательством источников финансирования в интересах гражданской службы (статьи 24 и 25 Закона Республики Беларусь «О государственной службе»).

Возможность дополнительного профессионального обучения государственных гражданских служащих посредством прохождения обучаю-

щих программ или программ профессионального развития предусмотрена в ряде зарубежных стран, в том числе в Великобритании [2], Канаде [3], Франции [4].

Третье направление. Эффективное исполнение государственным гражданским служащим своих обязанностей.

Прохождение государственной службы, включая гражданскую, с учетом ее значимости требует высокой степени внутренней мотивации и самоотдачи, в том числе готовности поступиться собственными интересами во благо общественных и государственных интересов. При этом наделение государственного гражданского служащего фиксированным спектром публичных (публично-властных) полномочий, который варьируется в зависимости от сферы деятельности, требует проявления от такого служащего высокой степени порядочности, ответственности, способности организовывать и самоорганизовываться.

Поскольку для государственных гражданских служащих установлен ненормированный рабочий день (статья 45 Закона Республики Беларусь «О государственной службе»), важными в обеспечении эффективности данных служащих являются высокая работоспособность и стрессоустойчивость, в том числе эмоциональная выносливость.

Степень эффективности государственных гражданских служащих, помимо личностных факторов, также определяют внешние мотивации.

Так, ввиду интенсивности государственной гражданской службы и правоограничений, связанных с ее прохождением, на законодательном уровне установлены гарантии компенсационного характера (статья 60 Закона Республики Беларусь «О государственной службе»), в определенной степени улучшающие положение таких служащих. Среди них, в частности, принятие государственных гражданских служащих на учет нуждающихся в улучшении жилищных условий по месту работы в государственных органах, расположенных в г. Минске и населенных пунктах Минского района, без учета срока работы в организациях, расположенных в указанных населенных пунктах, при наличии оснований, установленных законодательными актами.

Кроме того, предусмотрены варианты поощрения государственных гражданских служащих — объявление благодарности, занесение на Доску почета, награждение Почетной грамотой (грамотой), ценным подарком или деньгами (денежным вознаграждением) (статья 62 Закона Республики Беларусь «О государственной службе»).

Эффективная государственная гражданская служба играет важную роль в процветании страны, укреплении конституционного строя и согласия в обществе, стабильном функционировании и устойчивом развитии

государственных институтов, продвижении и защите национальных интересов.

Библиографические ссылки

1. 2022 Governance Efficiency Ranking [Electronic resource] // Solability. – Mode of access: <https://solability.com/the-global-sustainable-competitiveness-index/the-index/governance-capital/>. – Date of access: 01.04.2023.

2. Training & Development for the Public Sector & Civil Service [Electronic resource] // Civil service college. – Mode of access: <https://www.civilservicecollege.org.uk/>. – Date of access: 01.04.2023.

3. Public Service Employment Act [Electronic resource] // Justice Laws Website. – Mode of access: <https://laws-lois.justice.gc.ca/eng/acts/p-33.01/FullText.html>. – Date of access: 01.04.2023.

4. The National Institute for Local Studies [Electronic resource] // About us. – Mode of access: <https://inet.cnfpt.fr/en/about-us/national-centre-local-civil-service>. – Date of access: 01.04.2023.

ИСПОЛНЕНИЕ БАНКАМИ ПЛАТЕЖНЫХ ТРЕБОВАНИЙ ВЗЫСКАТЕЛЕЙ: ПРАВОВАЯ ПРИРОДА И НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

Н.Н. Никонова

*Белорусский государственный университет,
ул. Ленинградская 8, 220030, г. Минск, Беларусь, nikanava_nataliya@bsu.by*

Рассматривается правовая природа полномочий банков по исполнению платежных требований, оформленных на основании исполнительных документов. Проблемой является невозможность применения банками имущественных иммунитетов граждан. Автором сделан вывод о необходимости корректировки Банковского кодекса с учетом положений Трудового кодекса и Закона «Об исполнительном производстве» об имущественных иммунитетах.

Ключевые слова: банк, исполнительное производство, исполнительный документ, имущественный иммунитет, обращение взыскания на денежные средства, автоматизированная информационная система.

EXECUTION BY BANKS OF CREDITORS' PAYMENT REQUESTS: LEGAL NATURE AND SOME PROBLEMS OF LEGISLATION

N.N. Nikanava

*Belarusian State University, Leningradskaya st. 8, 220030
Minsk, Belarus, nikanava_nataliya @bsu.by*

The legal nature of the powers of banks to fulfill payment requests issued on the basis of executive writs is in focus. The impossibility of implementation of property immunities of citizens by banks is considered as a problem. The author concluded that it is necessary to adjust the Banking Code with the provisions of the Labor Code and the Act On Enforcement Proceedings. Нет ключевых слов в англ

Keywords: bank, enforcement proceedings, enforcement document, property immunity, foreclosure on funds, automated information system.

С 1 января 2021 г. функционирует Автоматизированная информационная система исполнения денежных обязательств (далее – АИС ИДО). Простота и частота использования АИС ИДО в отношении физических лиц поставила вопрос о соблюдении их иммунитетов, предусмотренных актами иного, чем банковское, законодательства, и как следствие, о правовой природе полномочий банков при исполнении платежных требований взыскателей.

В литературе по вопросам исполнительного производства, принудительного исполнения юрисдикционных актов широко распространена позиция о том, что банки и небанковские кредитно-финансовые организации (далее – банки) являются субъектами, наделенными полномочиями по принудительному исполнению юрисдикционных актов [1, с. 113, 137; 2, с. 69; 3, с. 67; 4, с. 10; 5, с. 59; 6, с. 607; 7, с. 281]. С точки зрения гражданского права осуществление исполнения банком путем безакцептного списания денежных средств на основании платежных требований взыскателей является принудительным исполнением, не может рассматриваться как исполнение добровольное [8, с. 63]. Российскими авторами группа субъектов с полномочиями по принудительному исполнению, в которую входят банки, наниматели и некоторые другие субъекты, обозначается термином «исполнительские агенты» [напр., 4, с. 59; 5, с. 10].

В тоже время в работах по банковскому праву исполнение платежных требований на основании исполнительных документов, зачастую не рассматриваются в качестве полномочий по принудительному исполнению, в составе публично-правовых функций банка, к которым относят такие контрольные функции как контроль за ведением кассовых операций и выполнение функций агента валютного контроля [9; 10; 11 и др.], рассматривается как деятельность в рамках отношений банк–клиент. В то же время иная позиция, об отнесении исполнения платежных требований на основе исполнительных документов к публичной функции, тоже встречается [12].

В основе возможности исполнения платежных требований в безакцептном порядке лежит правовая связь банка-отправителя и должника (договор банковского счета). Юридическим основанием полномочий банков по принудительному исполнению являются нормы ст. 238 Гражданского кодекса Республики Беларусь от 7 дек. 1998 г. № 218-3 (далее – ГК) «Обращение взыскания на имущество по обязательствам собственника» (которая имманентно предполагает отчуждение имущества должника по принуждению), ст. 127 Банковского кодекса Республики Беларусь от 25 октября 2000 г. № 441-3 [14] (далее – БК) «Общие условия наложения ареста и **обращения взыскания** на денежные средства и иное имущество, находящиеся в банке», ст. 207 БК. Часть 3 ст. 127 БК, в частности, предусматривает возможность «обращения взыскания на денежные средства и иное имущество физического и юридического лица, находящиеся на счетах, во вкладах (депозитах) или на хранении в банке, допускается в случаях, определенных законодательными актами Республики Беларусь, **по ... исполнительным документам**». В развитие положений ст. 127 БК действуют положения ст. 207 БК: «При обращении взыскания на денежные средства плательщика, находящиеся на счетах в банке и небанковской кре-

дитно-финансовой организации, списание этих средств со счетов производится в беспорядном порядке платежными требованиями, оформленными на основании исполнительных надписей нотариусов или иных исполнительных документов, решения (распоряжения) уполномоченного государственного органа или уполномоченной организации (должностного лица) в случаях, предусмотренных законодательными актами Республики Беларусь». Возможность исполнения исполнительных документов банками без возбуждения исполнительного производства заложена и в ч. 1 ст. 41 Закона Республики Беларусь от 24 октября 2016 г. № 439-З «Об исполнительном производстве» (далее – Закон «Об исполнительном производстве»).

Полагаем, такие права банков-отправителей в отношении счетов своих клиентов (должников по исполнительному документу) никак не охватываются договором банковского счета: платежное требование для безакцептного списания формируется взыскателем, который зачастую является клиентом другого банка, не связанного договорными отношениями с банком-отправителем. Отношениями банк–клиент охватываются только действия по выставлению платежного требования взыскателем, проверке банком взыскателя правильности его формирования. Автор проанализировал свои договоры расчетного счета, ни в одном из них не было упоминания даже о возможности списания банком денежных средств в безакцептном порядке, что, собственно, является абсолютно ожидаемым, исходя из ст. 197 БК, которая содержит определение договора банковского счета.

Исполнением платежных требований, основанных на исполнительных документах, обеспечивается исполнение судебных актов, а также актов иных юрисдикционных органов. Исполнение при этом является завершающим этапом защиты, предоставляемой *государством* тем или иным правам. Правоохранительная функция может реализовываться как государственными органами, так и с санкции государства субъектами частного права. Ввиду того, что 1) в отношении исполнения таких требований используется термин «обращение взыскания на имущество», которое является процедурой принудительного исполнения, 2) в основе таких платежных требований лежит исполнительный документ, выданный юрисдикционным органом на основании юрисдикционного акта, 3) исполнение таких требований основано на императивной норме законодательства и не охватывается договорными отношениями банк-клиент, мы приходим к выводу, что исполнение банком в безакцептном порядке платежных требований, основанных на исполнительном документе, относится к публично-правовым функциям банка.

При принудительном взыскании денежных средств с юридических лиц взыскание через банк являлось и является повсеместным. В отношении физических лиц – должников такой способ был допустимым, однако

применялся нечасто, т.к. предварительное предъявление исполнительного документа в банк, обслуживающий должника – физическое лицо, не являлось обязательным для возбуждения исполнительного производства, и взыскателю было затруднительно самостоятельно получить информацию о счетах должника. Не исключено обращение взыскания на счета физических лиц и в силу положений БК. Анализ норм Указа Президента Республики Беларусь № 414 от 16 октября 2018 г. «О совершенствовании безналичных расчётов» (далее – Указ № 414) и положения о порядке осуществления безналичных расчетов посредством АИС ИДО и ее функционирования, утвержденного постановлением Совета Министров Республики Беларусь и Национального банка Республики Беларусь № 432/11, (далее – Положение) также показывает, что исполнение посредством АИС ИДО требований без акцепта в отношении физических лиц (должников) допустимо (пояснение 1 к подп. 1.1 п. 1 Указа № 414).

Основная проблема при исполнении платежных требований, сформированных на основании исполнительных документов, в отношении физических лиц посредством АИС ИДО в том, что действующие нормативные правовые акты не содержат норм, которые позволяли бы учитывать имущественные иммунитеты, установленные законодательством для должников – физических лиц (ст. 108 Трудового кодекса Республики Беларусь от 26 июля 1999 г. № 296-З (далее – ТК); ст.ст. 104, 107–109 Закона «Об исполнительном производстве»). Заработная плата, пенсия и пособия, в том числе и после производства удержаний по исполнительным документам, произведенных нанимателями, в настоящее время в основном зачисляются на счета должников, что может привести к повторным удержаниям выше установленных размеров.

П. 10 Указа № 414 содержит указание о недопустимости «взыскания со счетов физических лиц в банках в бесспорном порядке денежных средств 1) на которые такое взыскание не может быть обращено в соответствии с законодательными актами, 2) в размере, превышающем размер удержаний, установленный законодательными актами», однако иммунитеты физических лиц в Положении не отражены и не применяются при обращении взыскания на их счета посредством АИС ИДО, нарушая, в том числе, положения п. 1 ст. 8 и п. 2 ст. 10 Конвенции об охране заработной платы от 8 июня 1949 г. № 95 (далее Конвенция МОТ № 95). В отношении юридических лиц возможность учитывать имущественные иммунитеты (в частности иммунитеты специальных счетов) Положением предусмотрена (абз. 4 подп. 37.1; абз. 4 подп. 37.2; п. 40).

Причина сложившейся ситуации видится среди прочего в том, как определены пределы правового регулирования общественных отношений, субъекты, на которых оно распространяется, ТК и Законом «Об исполни-

тельном производстве» в контексте норм о размерах удержаний из заработной платы. Так, ТК регулирует применение удержаний *нанимателями* (ст. ст. 3, 4 ТК), а Закон «Об исполнительном производстве» – *органами принудительного исполнения* (абз. 7 ст. 1, ч. 1 ст. 2 Закона «Об исполнительном производстве»). Таким образом, исходя из буквального толкования положений ТК и Закона «Об исполнительном производстве» имущественные иммунитеты, установленные этими актами в отношении заработной платы и выплат, приравненных к ней, подлежат применению нанимателями и органами принудительного исполнения, но не банками, а следовательно, отсутствие таких иммунитетов в Положении не нарушает п. 10 Указа № 414.

Иначе этот вопрос решен, например, в Российской Федерации (ч. 2 ст. 7, ч. 4-1 ст. 70, ст.ст. 99 и 101 Федерального закона Российской Федерации от 2 октября 2007 г. № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве», ч. 3 ст. 27 Федерального закона Российской Федерации от 2 декабря 1990 г. № 395-1 «О банках и банковской деятельности», приказ Минюста России от 27 декабря 2019 г. № 330).

При этом в настоящее время законодательством Республики Беларусь механизм, позволяющий должнику получить возврат сумм, удержанных банком после производства удержаний нанимателем, отсутствует. Для решения данной проблемы, полагаем, необходимо внести изменения в БК относительно необходимости применения ограничений удержаний, предусмотренных Законом «Об исполнительном производстве», дополнить правила функционирования АИС ИДО соответствующими положениями, которые позволят учитывать такие ограничения либо ввести запрет на обращение взыскания на счета физических лиц, на которые зачисляется заработная плата и приравненные к ней выплаты, посредством АИС ИДО иначе как при внесении информации об исполнительном документе в систему судебным исполнителем.

Таким образом, проведенный анализ позволил прийти к следующим выводам:

1. Безакцептное списание денежных средства на основании платежных требований взыскателей является полномочием в рамках публично-правовой функции принудительного исполнения.

2. Банковское законодательство в настоящее время не учитывает гарантии, установленные Трудовым кодексом, законодательством об исполнительном производстве в отношении заработной платы и приравненных к ней доходов, что приводит к несоблюдению положений Конвенция об охране заработной платы.

3. Для решения данной проблемы целесообразно внести изменения в Банковский кодекс о необходимости применения ограничений удержаний,

предусмотренных Законом «Об исполнительном производстве»; дополнить правила функционирования АИС ИДО положениями, которые позволят учитывать такие ограничения либо ввести запрет на обращение взыскания на счета физических лиц, на которые зачисляется заработная плата и приравненные к ней выплаты, посредством АИС ИДО иначе как при внесении информации об исполнительном документе в систему судебным исполнителем.

Библиографические ссылки

1. Гражданский процесс БССР / под редакцией Н.Г. Юркевича, В. Г. Тихини. Ч. 3 / [Н. Т. Арапов и др.]. – Мн.: Вышэйшая школа, 1981. – 173, [1] с.
2. Кузнецов, В.Ф. Субъекты исполнительного производства и дальнейшее совершенствование их правового положения/ В.Ф. Кузнецов // Совершенствование правового регулирования и порядка рассмотрения гражданских дел: межвуз. сб. науч. трудов. – Свердловск: СЮИ, 1989. – С. 67–73.
3. Исполнительное производство : Общие положения. Специальные положения. Особенности совершения / под ред. Я.Ф. Фархтдинова. – 2-е изд. – СПб: Питер, 2003. – 280 с.
4. Как исполнить решение суда: пособие для взыскателя / рук. авт. кол. И.В. Решетникова. – М.: Берлин: Инфотопик Медиа, 2013. – XXVI, 368 с.
5. Кудрявцева, В.П. Субъекты исполнительного производства: теоретические аспекты и правоприменительные проблемы / В.П. Кудрявцева // Арбитражный и гражданский процесс. – 2017. – № 6. – С. 58–63.
6. Хозяйственный процессуальный кодекс Республики Беларусь: науч.-практ. коммент. / А.Д. Авдеев [и др.]; под общ. ред. В.С. Каменкова, И.Н. Колядко. – Мн.: ГИУСТ БГУ, 2006. – 735 с.
7. Никонова, Н.Н. Органы принудительного исполнения в Республике Беларусь / Н.Н. Никонова // Актуальные проблемы теории и практики нотариального, гражданского, исполнительного процесса: их соотношение и взаимодействие. – Киев: ЦУЛ, 2013. – С. 280–282.
8. Кузнецов, Е.Н. Право на добровольное исполнение обязательств в механизме правовой защиты: миф или реальность? / Е.Н. Кузнецов // Арбитражный и гражданский процесс. – 2017. – № 7. – С. 59–63.
9. Томкович, Р.Р. Правовой статус банка как субъекта финансово-кредитной системы / Р.Р. Томкович // Правовые средства обеспечения развития экономики Республики Беларусь : материалы междунар. науч.-практ. конф. Минск, 9–10 ноября 2007 г. / редкол. : И. Н. Колядко (отв. ред.) [и др.]. – Минск : БГУ, 2008. – 427 с.
10. Жилина, С.Б. Правовое обеспечение исполнения коммерческими банками публичных функций в Российской Федерации: автореф. дис. кандидата юридических наук / С.Б. Жилина. – Ростов-на-Дону, 2006. – 28 с.
11. Талапина, Э, Тихомиров, Ю Публичные функции в экономике / Э. Талапина, Ю. Тихомиров // Право и экономика. – 2002. – №6. – С. 3–9.
12. Запольский, С.В. Публично-правовые функции банков при осуществлении безналичных расчетов / С.В. Запольский, И.А. Никулина // Консультант Плюс: Комментарии законодательства. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «Юр-Спектр». – М., 2008

К ВОПРОСУ О ПРИМЕНЕНИИ ЭЛЕКТРОННЫХ СРЕДСТВ СВЯЗИ В ОБЕСПЕЧЕНИИ ИСПОЛНЕНИЯ ГРАЖДАНАМИ ВОИНСКОЙ ОБЯЗАННОСТИ

А.Е. Орса

*УО "Белорусский государственный экономический университет",
пр-т Партизанский 26, 220026, г. Минск, Беларусь, orsa.79@mail.ru*

В настоящей статье обосновывается целесообразность расширения перечня способов вызова граждан в органы, осуществляющие воинский учет, с учетом современных средств коммуникаций. Предлагается внесение соответствующих изменений в действующее законодательство Республики Беларусь.

Ключевые слова: воинская обязанность, воинский учет, повестка, административная ответственность, административный процесс.

ON THE QUESTION OF THE USE OF ELECTRONIC COMMUNICATIONS TO ENSURE THE PERFORMANCE OF MILITARY DUTY BY CITIZENS

A.E. Orsa

Belarusian State Economic University, Partizanski av. 26, 220026, Minsk, Belarus, orsa.79@mail.ru

This article substantiates the expediency of expanding the list of ways to call citizens to the bodies that carry out military registration, taking into account modern means of communication. It is proposed to introduce appropriate changes to the current legislation of the Republic of Belarus.

Keywords: military duty, military registration, agenda, administrative responsibility, administrative process.

В общетеоретическом смысле одним из признаков государства в правовой науке признается наличие вооруженных сил и органов безопасности, обеспечивающих его оборону, суверенитет, территориальную целостность и безопасность [1, с. 52].

В этой связи представляется закономерным наличие у граждан Республики Беларусь соответствующей обязанности, закрепленной в ст. 57 Основного Закона [2]. При этом, воинская обязанность не распространяется на иностранных граждан и лиц без гражданства, проживающих на территории Республики Беларусь.

Примечательно, что в некоторых случаях выполнение этой обязанности ошибочно сводят лишь к наличию Вооруженных Сил и прохождению в них воинской службы. Между тем, защита государства может, при необходимости, осуществляться и вне их рамок [3, с. 198].

В целом, всеобщая воинская обязанность граждан (конституционный долг по защите Республики Беларусь) исполняется гражданами мужского пола, годными по состоянию здоровья и физическому развитию к ее исполнению, независимо от происхождения, социального и имущественного положения, расовой и национальной принадлежности, образования, языка, отношения к религии, рода и характера занятий, политических и иных убеждений, а также гражданами женского пола, отвечающими установленным требованиям и получившими подготовку по специальностям, необходимым для Вооруженных Сил и других воинских формирований [4, ст. 4].

В свою очередь, обеспечение исполнения гражданами воинской обязанности осуществляется государством прежде всего посредством функционирования системы воинского учета.

Следует отметить, что, в соответствии со ст. 18 Закона Республики Беларусь «О воинской обязанности и воинской службе», одной из основных обязанностей граждан в сфере воинского учета является явка в установленные время и место по вызову (повестке) военного комиссариата (обособленного подразделения) по месту жительства, органа государственной безопасности или иного органа, осуществляющего воинский учет. Как видно из приведенной нормы, законодатель допускает единственный способ вызова гражданина – вручение ему повестки.

В то же время, неявка гражданина без уважительных причин в орган, осуществляющий воинский учет, влечет для него наступление административной ответственности [5, ст. 26.3]. Между тем, определение «уважительности» причин неявки (а оно часто сводится к разграничению неполучения повестки и уклонения от получения повестки) фактически является субъективным усмотрением соответствующего органа, которое необходимо минимизировать в принципе.

При этом, согласно ст. 11.6 Процессуально-исполнительного кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях, физические лица, участвующие в административном процессе, также по общему правилу вызываются в соответствующий орган повесткой. Однако, допускается осуществление вызова посредством электронной или другой связи, в том числе с использованием глобальной компьютерной сети Интернет [6].

На наш взгляд, представляется обоснованной унификация названных норм материального и процессуального права, вследствие чего предлагается изменение Закона Республики Беларусь «О воинской обязанности

и воинской службе», направленное на расширение перечня способов вызова граждан в орган, ведущий воинский учет, с учетом современных средств коммуникаций.

Реализация данного предложения не только позволит объективизировать процесс ведения воинского учета, но и будет способствовать совершенствованию законодательства Республики Беларусь в целом.

Библиографические ссылки

1. Теория государства и права: Курс лекций / Под ред. Н.И. Матузова, А.В. Малько. – 2 - е изд., перераб. и доп. – М.: Юристъ, 2005. – 768 с.

2. Конституция Республики Беларусь 1994 года, с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 ноября 1996 г., 17 октября 2004 г. и 27 февраля 2022 г. [Электронный ресурс] // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2023.

3. Василевич, Г.А. Конституция Республики Беларусь (научно-практический комментарий) / Г.А. Василевич. – 2-е изд. – Минск : Право и экономика, 2001. – 486 с.

4. О воинской обязанности и воинской службе : Закон Респ. Беларусь от 5 ноября 1992 г., № 1914-ХІІ : в ред. Закона Респ. Беларусь от 23 июля 2019 г. № 231-3 [Электронный ресурс] // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2023.

5. Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях : Кодекс Респ. Беларусь от 6 янв. 2021 г., № 91-3 : в ред. Закона Респ. Беларусь от 9 дек. 2022 г. № 226-3 [Электронный ресурс] // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2023/

6. Процессуально-исполнительный кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях : Кодекс Респ. Беларусь от 6 янв. 2021 г., № 92-3 : в ред. Закона Респ. Беларусь от 9 дек. 2022 г. № 226-3 [Электронный ресурс] // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2023.

ОГРАНИЧЕНИЯ ВМЕШАТЕЛЬСТВА ГОСУДАРСТВА В ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКУЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

А.А. Пилипенко

*Белорусский государственный университет,
ул. Ленинградская 8, 220030, г. Минск, Беларусь, pilipenko_bsu@mail.ru*

В статье рассматриваются научные и прикладные подходы по вопросу временных ограничений при проведении контрольных мероприятий. Делается вывод о недопустимости осуществления контролирующими органами проверочных мероприятий после истечения сроков проверки, в том числе для подтверждения своей позиции в судебных инстанциях. Обосновывается предложение об исключении из законодательства неполного выяснения обстоятельств как основания внесения изменений и (или) дополнений в акт проверки.

Ключевые слова: проверка, срок проверки, налоговый контроль, продолжительность налоговой проверки.

RESTRICTIONS ON STATE INTERFERENCE IN BUSINESS ACTIVITIES

A.A. Pilipenko

*Belarusian State University, Leningradskaya st. 8, 220030
Minsk, Belarus, pilipenko_bsu@mail.ru*

The article focuses on scientific and practical approaches to the issue of time limits during tax control enactments. Author concludes that it is inadmissible for the regulatory authorities to carry out verification activities after the expiration of the verification period, including the confirmation of their statement in the courts. Author proposes to exclude from the legislation an incomplete clarification of circumstances as a basis for making changes and (or) additions to the inspection act.

Key words: audit, audit period, tax control, tax audit duration.

Законодательством предусмотрен вариативные максимальные сроки проведения проверок в зависимости от их видовых особенностей. В соответствии с частью первой п. 26 Положения о порядке организации и проведения проверок, утв. Указом Президента Республики Беларусь от 16 октября 2009 г. № 510 (далее – Положение и Указ № 510) в отношении индивидуальных предпринимателей, нотариусов, лиц, осуществляющих ремесленную деятельность, деятельность в сфере агроэкотуризма, временных

(антикризисных) управлений, не являющихся юридическими лицами или индивидуальными предпринимателями, не может превышать пятнадцати рабочих дней; в отношении иных проверяемых субъектов – тридцати рабочих дней.

В отношении выборочных и внеплановых проверок вышеуказанные сроки, по основаниям, предусмотренным п. 28 Положения, по решению руководителя государственного органа или его уполномоченного заместителя может быть однократно продлено на срок не более 15 рабочих дней.

В отношении внеплановых тематических оперативных и дополнительных проверок установлены следующие сроки их проведения – не более трех рабочих и десяти рабочих дней, соответственно (ч. 3 и 4 п. 26 Положения).

Следует констатировать, что Указ № 510 закрепил одновременно и унифицированный, и дифференцированный подходы к определению сроков с целью обеспечения правовых гарантий каждому субъекту предпринимательской деятельности и обоснованного и мотивированного учета юридически значимых и объективно обусловленных различий между определенными категориями проверяемых субъектов в контексте их взаимоотношений с контролирующими органами.

С количественной точки зрения, временные обременения должностных лиц контролирующих органов в отношении субъектов хозяйствования дополняются также сроками приостановления проверки – не более трех месяцев (в случае направления запроса в компетентные органы иностранных государства – не более шести месяцев). Несмотря на то, что законодатель не включает период, на который проверка приостанавливается, в общий срок проведения проверки (ч. 2 п. 26 Положения), выскажем мнение, расширительное понимание которого заслуживает отдельного исследования, что приостановление проверки является составной частью срока проверки. Например, направление запроса в компетентные органы в отношении проверяемого субъекта, как обстоятельства приостановления проверки, следует рассматривать как осуществление контрольных мероприятий, запрет на проведении которых и предусматривает реально прикладная реализация института приостановления проверочной деятельности.

Таким образом, правоприменитель в лице должностных лиц контролирующих органов получил в свое распоряжение не только широкий инструментарий воздействия на субъектов предпринимательской деятельности, но и достаточно широкий временной диапазон его реализации.

Значительный максимальный срок проверки детерминирует в научной среде соответствующий тренд на его осмысление в контексте как необходимости определения четких и неизменных сроков проверки, так и возможного умаления правового положения налогоплательщика в случае

их несоблюдения. Например, С.А. Ядрихинский справедливо отмечает, что «ограничение жесткими временными рамками контрольных процедур вносит правовую определенность в отношения «государство – налогоплательщик». Налогоплательщик приобретает уверенность или гарантии того, что он не будет бесконечно долго находиться «под прицелом» проверяющих в состоянии правовой неопределенности» [1, с. 178]. И далее данный автор ведет речь о последствиях несоблюдения сроков проверки: «Нарушение сроков выездной проверки приводит к затягиванию состояния напряжения, неоправданно большому беспокойству, нарушает законные ожидания налогоплательщика, приводит к дискомфорту, ограничению свободы предпринимательской деятельности» [1, с. 179]. С точки зрения Н.В. Бобраковой и Ю.М. Литвиновой, которая базируется на реализации гарантий более слабой стороны налогового правоотношения, которой является налогоплательщик, «расширительное толкование сроков выездной проверки, иных сроков в рамках мероприятий налогового контроля не способствует реализации конституционных гарантий свободы экономической деятельности, охраны частной собственности, запрета несоразмерного ограничения прав частных лиц, а также процедурных гарантий прав налогоплательщиков» [2, с. 60].

В особом мнении к постановлению Конституционного Суда Российской Федерации от 16 июля 2004 г. № 14-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений части второй статьи 89 Налогового кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан А.Д. Егорова и Н.В. Чуева» (далее – постановление № 14-П) судья А.Л. Кононов указал, что «неопределенная длительность и не ограниченное по времени вмешательство контрольных органов в экономическую деятельность налогоплательщика может представлять угрозу его деловой репутации, кредитоспособности, отношениям с партнерами, стабильности и планированию хозяйственных операций, создает недопустимую неопределенность его правового положения, вполне сопоставимого с положением подозреваемого в совершении правонарушения» [3].

Само же постановление № 14-П актуализировало проблему соблюдения принципа недопустимости неограниченного по времени налогового контроля, т.к. в данном акте обращается внимание на то, что избыточные или неограниченные по времени меры налогового контроля недопустимы, поскольку в таких случаях контроль превращается в инструмент подавления экономической самостоятельности и инициативы, чрезмерного ограничения свободы предпринимательства и прав собственности [3]. В развитие данного положения отметим мнение Е.М. Леонова, который отмечает следующее: «В такой ситуации налогоплательщик не может нормально вести экономическую деятельность, строить долгосрочные планы развития

бизнеса, вынужден на долгое время исключить из своего оборота денежные средства, чтобы создать резервы на покрытие ожидаемых налоговых рисков. В результате как для налогоплательщика, так и для потенциальных инвесторов сильно ухудшается экономическая привлекательность бизнеса в целом» [4, с. 16].

В контексте соблюдения вышеуказанного принципа С.А. Ядрихинский выдвигает идею о разумной продолжительности налоговой проверки, в рамках которой «осуществление контрольной деятельности в разумный срок преследует цель максимально снизить негативное воздействие на хозяйственную деятельность налогоплательщика, что возможно лишь с помощью государства, создающего для этого необходимые институциональные и процессуальные условия, призванные гарантировать права и обеспечивать законные интересы проверяемого лица» [1, с. 177].

По нашему мнению, разрешения вопроса о сроках проверки должно находиться не в плоскости его количественной атрибутивности в контексте поиска приемлемого варианта, в том числе разумного как для субъекта предпринимательской деятельности, так и государства, а в невозможности осуществления контрольных мероприятий за рамками сроков проверки. Такая невозможность прямо постулируется в п. 26 Положения, в котором срок проведения проверки определяется через категорический запрет «не может», что представляет собой обращенное к должностным лицам контролирующих органов категорическое требование, пресекающую любую возможность проведения контрольных мероприятий за обозначенными законодательством сроками.

В практической плоскости нарушение данного запрета характеризуется двойственной вариацией. В налогово-правовой науке существует дискуссия по вопросу легитимности доказательств, представляемых в судебные инстанции контролирующими органами, полученных по истечении срока проверки.

Суждения первой группы авторов [5, с. 119] во многом предопределены позицией Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации, согласно которой проведение камеральной проверки за пределами срока, предусмотренного ст. 88 НК России, не может повлечь отказа в удовлетворении предъявленного с соблюдением срока, предусмотренного п. 3 ст. 48 НК России, требования налогового органа о взыскании налога и пени [6, п. 9].

Вторая группа авторов считает, что документы, полученные за рамками налоговой проверки в нарушение установленной законодательством процедуры сбора доказательств совершенного налогоплательщиком правонарушения, не могут быть признаны допустимыми доказательствами [7, с. 12; 8; 9; 10]. Как отмечает К.А. Сасов, «налоговый орган ни при каких

обстоятельствах не вправе представлять непосредственно в суд дополнительные доказательства налоговых правонарушений, не выявленные им в ходе налоговой проверки» [10, с. 13].

Так как контролирующий орган полагает, что сроки проведения проверки не являются пресекательными и их истечение не препятствует выявлению им нарушений законодательства или представление новых доказательств для обоснования своей позиции в судебных инстанциях, аргументация второй группы ученых базируется также на правильном тезисе об отсутствии у проверяющих компетенции после окончания проверочных мероприятий. Как справедливо отмечает С.А. Ядрихинский, «компетенцию налогового органа в налоговой сфере как сфере властной деятельности государства следует рассматривать только в тех пределах, в которых этой компетенцией наделил его законодатель. Произвольный выход за очерченные законом границы компетенции будет означать действие с превышением полномочий, не влекущим для налогоплательщика правовых последствий» [1, с. 181]. Абсолютное нивелирование полномочий должностных лиц налоговых органов за сроками проведения проверки наблюдается у А.Р. Султанова: «Истечение сроков проверки влечет невозможность составления акта проверки, поскольку компетенции за пределами этих сроков у налогового органа просто нет и проверка должна считаться завершённой без замечаний» [11, с. 11]. Конструирование положительной реальности по вопросу отрицания дискреционных полномочий у проверяющих после истечения сроков проверки прослеживается в правовой позиции КС РФ в постановлении № 14 «Превышение налоговыми органами (их должностными лицами) своих полномочий либо использование их вопреки законной цели и охраняемым правам и интересам граждан, организаций, государства и общества несовместимо с принципами правового государства» [3].

Отсутствие компетенции, соответственно, делает недопустимыми доказательства, полученные контролирующим органом за рамками сроков проверки, т.к. они получены с нарушением законодательства. Доказательства, добытые за рамками сроков проведения проверки, не соответствуют конституционному императиву ст. 27 Конституции Республики Беларусь 1994 года, согласно которой доказательства, полученные с нарушением закона, не имеют юридической силы. Более того, действия по добыванию доказательств вне рамок проверки следует квалифицировать как незаконное вмешательство в деятельность проверяемого субъекта, которое исходя из части первой п. 3 Указа № 510 прямо запрещено.

В соответствии с частью третьей ст. 100 Хозяйственного процессуального кодекса Республики Беларусь от 15 декабря 1998 г. № 219-3 (далее – ХПК) при рассмотрении спора о признании недействительным ненорма-

тивного правового акта государственного органа, органа местного управления и самоуправления, иного органа или должностного лица обязанность доказывания законности оспариваемого акта возлагается на орган или лицо, его принявшие. Контролирующий орган должен доказать обстоятельства, послужившие основанием для вынесения решения по акту проверки, подтвердив, что данные основания существовали на момент вынесения решения, которое оспаривается в судебном порядке. Представление доказательств после вынесения решения (даже если они подтверждают совершение проверяемым субъектом неправомерных действий) свидетельствует о том, что при принятии решения по акту проверки должностным лицом контролирующего органа не были определены все необходимые для данной процедуры фактические обстоятельства, а это ставит под сомнение обоснованность и законность его действий.

По нашему мнению, суды, оценивая законность решений, принятых контролирующими органами по результатам проверки, должны исходить из того объема сведений и документов, которыми обладал контролирующий орган на момент принятия спорного решения. Реализация контролирующим органом права в соответствии с частью седьмой ст. 100 ХПК на представление дополнительных доказательств свидетельствует о том, что на момент вынесения оспариваемого решения оно в определенной степени основывалось на не подтвержденных документально фактах и данных о деятельности проверяемого субъекта, что прямо запрещено частью четвертой п. 59 Положения.

В заключении хотелось бы отметить, что разрешение вопроса о сроках проверки должно находиться не только в плоскости установления временных ограничений для должностных лиц контролирующего органа, но и в невозможности последними осуществления любых контрольных мероприятий по истечении проверки.

Представление контролирующим органом новых доказательств по окончании проверки свидетельствует о том, что на момент вынесения решения по акту проверки оно основывалось на не подтвержденных документально фактах и данных о деятельности проверяемого субъекта, что является нарушением законодательства (ч. 4 п. 59 Положения).

Библиографические ссылки

1. Ядрихинский, С.А. Разумная продолжительность налоговой проверки как законный интерес налогоплательщика / С.А. Ядрихинский // Актуальные проблемы рос. права. – 2021. – № 18. – С. 176–185.
2. Бобракова, Н.В. Соблюдение сроков проведения выездной налоговой проверки как процедурная гарантия защиты прав налогоплательщиков / Н.В. Бобракова, Ю.М. Литвинова // Налоговед. – 2021. – № 9. – С. 52–62.

3. По делу о проверке конституционности положений статьи 113 Налогового кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки Г.А. Поляковой и запросом Федерального арбитражного суда Московского округа [Электронный ресурс] : Постановление Конституц. Суда Рос. Федерации, 14 июля 2005 г., № 9-П // Консультант Плюс : Версия Проф. Технология 3000 / ООО «ЮрСпектр». – М., 2022.

4. Леонов, Е.М. Затягивание сроков на принятие актов и решений по налоговым проверкам – защита или нарушение прав налогоплательщиков? / Е.М. Леонов // Налоговед. – 2019. – № 11. – С. 10–20.

5. Кузнецов, П.Л. Милиции доверяй, но проверяй / П.Л. Кузнецов // Налоговые споры: опыт России и других стран : по мат. II Междунар. науч.-практ. конф., Москва, 21–22 нояб. 2008 г. : сб. статей; сост. М.В. Завязочникова ; под ред. С.Г. Пепеляева. – М. : Статут, 2009. – 383 с.

6. Обзор практики разрешения арбитражными судами дел, связанных с применением отдельных положений части первой НК РФ [Электронный ресурс]: информ. письмо Президиума Высш. Арбитраж. Суда Рос. Федерации, 17 марта 2003 г., № 71 // Консультант Плюс: Версия Проф. Технология 3000 / ЗАО «Консультант Плюс». – М., 2022.

7. Береснева, Н.В. Пояснения учредителей и руководителей недобросовестных поставщиков как доказательства в суде / Н.В. Береснева // Ваш налоговый адвокат. – 2009. – № 1. – С. 8–16.

8. Брызгалин, А.В. Может ли налоговый орган использовать документы, полученные после вынесения решения по результатам налоговой проверки? / А.В. Брызгалин, М.В. Симонов // Налоги и финансовое право. – 2009. – № 9. – 189–190.

9. Панченков, А.А. Судебное доказывание или продолжение проверки? / А.А. Панченков // Налоговые споры: теория и практика. – 2005. – № 3. – С. 25–26.

10. Сасов, К.А. О дополнительных доказательствах налоговых правонарушений / К.А. Сасов // Налоговые споры: теория и практика. – 2008. – № 2. – С. 11–13.

11. Султанов, А.Р. Новояз или что такое приостановление выездной налоговой проверки / А.Р. Султанов // Адвокат. – 2016. – № 4. – С. 5–15.

СОРАЗМЕРНОСТЬ НАЛОГООБЛОЖЕНИЯ: ПРОБЛЕМЫ НАУЧНОГО ПОНИМАНИЯ И ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ

Ар.А. Пилипенко

*Белорусский государственный университет,
ул. Ленинградская 8, 220030, г. Минск, Беларусь, artur.pilipenko.1998@list.ru*

В статье рассматриваются сложившиеся научные подходы по вопросу принципа соразмерности налогообложения. Обосновывается его системная взаимосвязь принципом учета фактической способности к уплате налога и принципом равного (умеренного) налогового бремени. Предлагается включить в Налоговый кодекс Республики Беларусь принцип установления налогов с учетом фактической способности к их уплате.

Ключевые слова: принцип, принцип налогообложения, соразмерность налогообложения, фактическая способность, налоговое бремя, умеренное налоговое бремя

PROPORTIONALITY OF TAXATION: PROBLEMS OF SCIENTIFIC UNDERSTANDING AND LAW ENFORCEMENT

Ar.A. Pilipenko

*Belarusian State University, Leningradskaya st. 8, 220030
Minsk, Belarus, artur.pilipenko.1998@list.ru*

The article discusses the prevailing scientific approaches on the principle of proportionality of taxation. Its systemic relationship is justified by the principle of accounting for the actual ability to pay tax and the principle of equal (moderate) tax burden. It is proposed to include the principle of taxes in the Tax Code of the Republic of Belarus, taking into account the actual ability to pay them.

Key words: the principle, principle of taxation, proportionality of taxation, actual ability, tax burden, moderate tax burden.

С теоретических позиций идея соразмерности налогообложения потребностям бюджета в том или ином виде, в свое время, обосновывалась А.А. Соколовым, который отмечал, что «в вопросах установления налогов и сборов необходимо исходить из того, что известная доля национального дохода (всегда более или менее значительная) неизбежно должна изыматься из народного хозяйства на нужды государственного управления, и речь может идти только о том, чтобы изъять соответствующую сумму средств с наименьшим ущербом для развития производительных сил. Дело в том,

что одну и ту же сумму средств можно изъять и с большим, и с меньшим ущербом для развития производительных сил. Если при одной налоговой системе она изымается с меньшим ущербом, чем при другой, то в таком случае можно сказать, что первая система содействует развитию народного хозяйства, а вторая – затрудняет его» [1, с. 162–163]. Несложно заметить, что приведенный автор стремился подчеркнуть зависимость тяжести обложения от степени значимости той роли, которую играет государство в экономике страны.

В современных исследованиях принцип соразмерности налогообложения также изначально рассматривается в контексте необходимости наличия у государства соответствующих финансовых ресурсов. Данная потребность корреспондируется с пределами его вмешательства в частную жизнь граждан, а также предпринимательскую деятельность хозяйствующих субъектов. При этом первичным пониманием данного вмешательства является соразмерность налогообложения конституционно значимым целям ограничения прав и свобод. Как отмечает Д.М. Щекин, «налогообложение не должно парализовать, а равно препятствовать реализации конституционных прав, налогообложение не должно также препятствовать законной экономической деятельности и налогообложение должно быть по общему правилу экономически нейтральным, т.е. не искажать экономических решений субъектов хозяйствования» [2, с. 64]. В свое время, Конституционный Суд Российской Федерации (далее – КС РФ) выразил свою правовую позицию следующим образом: «Установление законодателем налогов и сборов в отсутствие каких-либо ограничений противоречит целям социального государства, политика которого должна быть направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека. Налогообложение, не учитывающее финансового потенциала различных налогоплательщиков, парализующее реализацию гражданами их конституционных прав, должно быть признано несоразмерным» [3].

С различными вариациями вышеуказанная правовая позиция КС РФ была поддержана представителями налогово-правовой науки. Согласно мнению Д.А. Смирнова принцип соразмерности в налоговой сфере заключается в том, что налогообложение «не должно парализовать реализацию гражданами конституционных прав, в частности, права собственности» [4, с. 400]. И.И. Кучеров, связывая рассматриваемый принцип с достижением налоговой справедливости, который требует известного ограничения финансовых притязаний государства, констатирует следующее: «Представляется, что в соответствии с его основной идеей, действия по обеспечению необходимого финансирования публичной власти, в том числе посредством установления налогов и сборов, должны соотноситься с необходимостью обеспечения реализации налогоплательщиками своих важнейших

прав и свобод. В любом случае налоги и сборы не должны препятствовать реализации этих прав и свобод, приобретать запретительный или конфискационный характер» [5, с. 177].

Полностью соглашаясь с вышеуказанными авторами, выскажем точку зрения, что нарушение принципа соразмерности налогообложения, необходимо связывать не только с соблюдением основополагающих конституционных прав, в том числе, экономических, но и ограничением, а порой, и невозможностью выполнения ряда конституционных обязанностей, в первую очередь, обязанности по уплате налогов. При этом, такое невыполнение у представителей налоговой науки, носит объективное понимание, на что, например, указывает Д.В. Тютин: «Налоговые обременения, не соответствующие возможностям частных субъектов, неизбежно повлекут не только осознанный отказ от ведения облагаемой деятельности (владения облагаемым имуществом), но и массовые уклонения от уплаты налогов» [6, с. 47]. В понимании некоторых авторов пределы вмешательства государства в экономическую деятельность граждан и субъектов хозяйствования могут достичь таких критических размеров, что ставится вопрос не только о возможности исполнения конституционной обязанности по уплате налогов, но и об определенной необходимости ее игнорирования. В этой связи, А.И. Худяков, М.Н. Бродский и Г.М. Бродский констатируют, что «в условиях завышенного (не соответствующего возможностям экономики) уровня налогового бремени уклонение от уплаты налогов с экономической точки зрения выступает общественным благом, спасающим экономику от полного развала. Полное законопослушание при выполнении налоговых обязательств или, во всяком случае, не использование приемов оптимизации налоговых платежей неминуемо привело бы к полному сворачиванию предпринимательской деятельности, что означало бы крах экономики» [7, с. 151].

Соразмерность возможностей граждан и субъектов хозяйствования и желания государства получить необходимые денежные средства для выполнения возложенных на него задач тесно связана с принципом учета фактической способности к уплате налога. Сущность данного принципа заключается в том, что при установлении фискальных платежей законодатель должен принимать во внимание фактическую способность налогоплательщиков их уплачивать. С точки зрения Д.Д. Суляевой, «принцип учета фактической способности налогоплательщика к уплате налога направлен на то, чтобы принять во внимание материальное положение налогоплательщиков и в зависимости от этого исчислить сумму налога» [8, с. 22].

Следует также отметить, что отдельными исследователями принцип фактической способности к уплате налога усматривается только в отношении государства, отрицая возможности его применения к налогоплатель-

щику. Например, А.И. Худяков, М.Н. Бродский, Г.М. Бродский в рамках принципа максимального учета интересов и возможностей налогоплательщика отмечают, что он «явно не соответствует действительности и является попыткой выдать желаемое за действительное. Скорее наоборот – в реальной жизни имеет место «принцип максимального учета интересов государства путем игнорирования интересов налогоплательщика» [7, с. 152]. Мнение данных авторов еще раз подтверждают, что в основе правового содержания принципа фактической способности к уплате налога лежит извечная дилемма, то есть поиск баланса публичного и частного интересов: государства, с одной стороны, и интересов налогоплательщиков, с другой.

Возможности налогоплательщика участвовать в финансировании государственных расходов опосредуются принципом равного налогового бремени, который позволяет в равной степени соизмерять платежеспособность и реальность налогоплательщика в вышеуказанном процессе. В свое время, Н.И. Тургенев отмечал следующее: «Все граждане пользуются выгодами общества, следовательно, все должны способствовать сохранению оною. Каждый из граждан, находясь под защитой правительства и законов, обязан делать пожертвования, соразмерные его состоянию, для поддержания сего правительства и сих законов. Одним словом: все должны способствовать благу всех» [9, с. 45–46]. В 2020 году в одном из своих определений по налоговым делам КС РФ впервые не сформулировал, но упомянул принцип умеренности налогового бремени [10], что, по нашему мнению, более соответствует действенной реализации принципа соразмерности налогообложения в контексте достижения оптимального баланса между потребностями государства в финансовых ресурсах и возможностями налогоплательщика их предоставить, даже в принудительном порядке. Как справедливо отмечает О.О. Журавлева, соблюдение принципа умеренности налогообложения позволяет «обеспечить умеренность правового воздействия, достигнуть баланса частного и публичного интересов, в том числе в налогообложении» [11, с. 28].

Во многом фактическая способность к уплате налога определяется уровнем налоговой нагрузки (налогового бремени), которая также должна соизмеряться с возможностями налогоплательщика. Величина налоговой нагрузки, определяемая государством, должна позволять налогоплательщику иметь такой доход после уплаты налогов, который обеспечивал бы ему достойную жизнедеятельность для граждан и нормальное функционирование для субъектов бизнеса. Как справедливо отмечает Г.Б. Середа, «принцип соразмерности налогообложения определяет величину налогового бремени исходя из платежной способности плательщика и имеющих место насущных потребностей общества, с учетом возможности реализа-

ции плательщиком своих основных прав, в том числе на перспективное экономическое развитие» [12, с. 75].

Достижению соразмерности налогообложения в отношении налогоплательщиков могли бы поспособствовать положения подп. 1.8 п. 1 ст. 2 НК, закрепившие принцип экономической обоснованности налогообложения в его традиционном двухаспектном понимании. Белорусский законодатель рассматривает данный принцип только со стороны интересов государства и эффективности налогового администрирования, не учитывая фискальный потенциал налогоплательщика: налоги, сборы (пошлины) устанавливаются с учетом необходимости обеспечения сбалансированности расходов республиканского и местных бюджетов с их доходами, и объем доходов от уплаты налогов, сборов (пошлин) должен превышать затраты на их администрирование. С другой стороны, для характеристики данного принципа, желательные для налогоплательщика положения которого не нашли отражения в вышеуказанной норме, абсолютно справедливым видится мнение Ю.А. Крохиной: «Установление налогов не может быть произвольным, то есть налоги не должны препятствовать реализации гражданами своих конституционных прав. При установлении налога и определении его существенных элементов должны учитываться макро- и микроэкономические последствия как для государственной казны или определенной отрасли экономики (например, уровень налогового бремени на производителя продукции), так и для конкретного налогоплательщика» [13, с. 3]. Полагаем, что доводы авторитетного автора заслуживают внимания и нуждаются не только в осмыслении, но и соответствующей нормативно-налоговой адаптации применительно к интересам налогоплательщика.

С правовой и прикладной точек зрения хотелось бы отметить, что последние новеллы белорусского законодательства, направленные на увеличение налогового бремени (например, рост уровня налоговых изъятий по налогу на прибыль и подоходному налогу с физических лиц; для организаций – по налогу на прибыль) свидетельствует об определенном игнорировании принципа соразмерности налогообложения, в том числе его первичной составляющей – фактической способности налогоплательщика к уплате фискальных платежей. По нашему мнению, законодателю при установлении налога должно учитываться экономическое состояние и платежеспособность того, кто будет признан потенциальным налогоплательщиком, т.е. его фактическую способность к уплате налога. Более того, белорусский законодатель в ряде программных документов обозначил концептуальное направление по снижению налоговой нагрузки. Например, Стратегия развития малого и среднего предпринимательства «Беларусь – страна успешного предпринимательства» на период до 2030 года, утв. по-

становлением Совета Министров Республики Беларусь от 17 октября 2018 г. № 743 в контексте рационализации фискальной политики предусматривает совершенствование механизма снижения налоговой нагрузки на субъекты хозяйствования на отдельных территориях.

По итогам проведенного исследования можно сделать следующие основные выводы.

1. В настоящее время принцип соразмерности налогообложения носит системный (комплексный) характер, научное моделирование которого осуществляется в рамках принципов учета фактической способности налогоплательщика к уплате обязательных платежей и принципа равного (умеренного налогового бремени).

2. Вопрос учета экономического состояния и платежеспособности того, кто будет признан потенциальным налогоплательщиком, требует дальнейшего, более глубокого изучения и разработки критериев, позволяющих установить справедливый баланс между потребностью государства получить налог и фактической налогоплатежеспособностью плательщика

3. В контексте обоснованного ограничения финансовых притязаний государства в отношении налогоплательщиков полагаем целесообразным дополнить Налоговый кодекс Республики Беларусь принципом соразмерности налогообложения в контексте того, что плательщики налогов, сборов (пошлин), иных обязательных платежей должны нести обязанность по уплате фискальных платежей соразмерно своей фактической способности к их уплате.

Библиографические ссылки

1. Соколов, А.А. Теория налогов / А.А. Соколов. – М. : ЮрИнфоР-Пресс, 2003. – 506 с.
2. Щекин, Д.М. Налоговое право государств – участников СНГ (общая часть) : учеб. пособие / Д.М. Щекин ; под ред. С.Г. Пепеляева. – М. : Статут, 2008. – 412 с.
3. По жалобе гражданина Вахрушева А.А. на нарушение его конституционных прав подпунктом «е» пункта 1 статьи 7 статьи 21 Закона РФ «Об основах налоговой системы в Российской Федерации» [Электронный ресурс] : Определение Конституц. Суда Рос. Федерации, 8 июня 2000 г., № 120–О // КонсультантПлюс: Версия Проф. Технология 3000 / ЗАО «КонсультантПлюс». – М., 2023.
4. Смирнов, Д.А. Принципы российского налогового права: теоретические и практические аспекты формирования и реализации : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.04 / Д.А. Смирнов. – Саратов, 2011. – 625 л.
5. Кучеров, И.И. Теория налогов и сборов / И.И. Кучеров. – М. : ЮрИнфоР, 2009. – 473 с. Тютин, Д. В. Налоговое право : курс лекций / Д. В. Тютин. – Н. Новгород, 2014. – 819 с.
6. Худяков, А.И. Основы налогообложения : учеб. пособие / А.И. Худяков, М.Н. Бродский, Г.М. Бродский. – СПб. : Изд-во «Европейский Дом», 2002. – 432 с.

7. Суляева, Д.Д. Соотношение функций налоговых вычетов и функций налогов / Д.Д. Суляева // *Налоги*. – 2012. – № 5. – С. 21–24.

8. Тургенев, Н.И. Опыт теории налогов / Н.И. Тургенев. – СПб.: Тип. В. Плавильщикова, 1819. – 326 с.

9. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Прексина Виталия Михайловича на нарушение его конституционных прав Законом города Москвы «О налоге на имущество физических лиц» во взаимосвязи с подпунктом 3 пункта 2 статьи 406 Налогового кодекса Российской Федерации и частью 2.3 статьи 4.1 Закона города Москвы «О налоге на имущество организаций» [Электронный ресурс] : Определение Конституц. Суда Рос. Федерации, 12 нояб. 2020 г., № 2596-О // *КонсультантПлюс: Версия Проф. Технология 3000 / ЗАО «КонсультантПлюс»*. – М., 2023.

10. Журавлева, О.О. Принцип умеренности налогового бремени: дебют в актах Конституционного Суда РФ / О.О. Журавлева // *Налоговед.* – 2021. – № 9. – С. 25–30.

11. Середа, Г.Б. Экономические принципы налогообложения / Г.Б. Середа // *Налоги и налогообложение*. – 2012. – № 7. – С. 70–75.

12. Крохина, Ю.А. Принцип экономической обоснованности налога в правовых позициях КС РФ / Ю.А. Крохина // *Налоговед.* – 2004. – № 7. – С. 1–7.

ХОЗЯЙСТВЕННАЯ КОНЦЕПЦИЯ ФИНАНСОВ

С.П. Протасовицкий

*Белорусский государственный университет,
ул. Ленинградская 8, 220030, г. Минск, Беларусь, pratasavitski@bsu.by*

В настоящей статье автор предлагает хозяйственную концепцию финансов, разработанную с применением диалектического метода. Автор аргументирует, что в основе познания финансов лежат три базовых понятия – хозяйство, деньги, процесс. Их последовательный анализ приводит к ключевому понятию – монетарному состоянию экономического субъекта и открывает сущность финансов.

Ключевые слова: финансы; хозяйство; деньги; процесс; монетарное состояние; экономические потоки.

ECONOMIC CONCEPT OF FINANCE

S.P. Pratasavitski

*Belarusian State University, Leningradskaya St. 8, 220030
Minsk, Belarus, pratasavitski@bsu.by*

In this study, the author proposes an economic concept of finance developed using the dialectical method. The author argues that knowledge of finance is based on three basic notions: economy, money, and process. Their consistent analysis leads to a key concept – the monetary condition of an economic subject, and reveals the essence of finance.

История учения о финансах насчитывает не одно столетие. По наблюдению С. В. Запольского, «им посвящены тысячи исследований ученых всего мира, всех школ, направлений и отраслей науки. И вместе с тем, существо финансов... остается неразгаданный тайной...» [1, с. 52-53].

До начала 50-х гг. XX в. финансово-правовая наука развивалась на основе теории государственного хозяйства с материальным акцентом в понимании финансов. Согласно И. Т. Тарасову, «особые свойства государственного хозяйства послужили основанием тому, что хозяйство это, обособившись, получило техническое название финансов» [2, с. 3]. Подобную позицию занимали И. И. Патлаевский [3, с. 2], Д. М. Львов [4, с. 2], С. И. Иловайский [5, с. 4]. С точки зрения В. А. Лебедева, под финансами необходимо понимать «все вообще средства, которые государство может

иметь для выполнения своих целей, – будут ли эти средства заключаться в личных услугах граждан, или в разных вещественных материалах, капиталах, денежных сборах и пр. ...» [6, с. 36].

С середины XX в. и по настоящее время в основе понятия финансов лежит теория экономических (денежных) отношений с постепенным выделением материального содержания исследуемого феномена. На взгляд Е. А. Ровинского, финансы выражают «систему экономических отношений, посредством которых планомерно образуются и используются фонды денежных средств для нужд расширенного воспроизводства и удовлетворения других общественных потребностей» [7, с. 4]. «Как экономическая категория, – полагает О. Н. Горбунова, – финансы представляют собой совокупность экономических отношений, образующихся в процессе формирования, распределения и использования денежных фондов. По своему материальному содержанию финансы государства и органов местного самоуправления представляют собой фонды денежных средств» [8, с. 6]. А. А. Пилипенко видит в финансах «совокупность денежных отношений, возникающих в процессе формирования, распределения и использования централизованных и децентрализованных фондов денежных средств в целях выполнения функций и задач государства и обеспечения условий расширенного воспроизводства» [9, с. 14].

В одной из работ мы привели доводы и отметили, что «научно-исследовательская программа отечественной финансовой науки с ее „жестким ядром“, или парадигмой, не в состоянии убедительно объяснить феномены, порождаемые социально-экономическими изменениями постсоветского периода» [10, с. 16]. Ученые экономисты и финансовые правоведы продолжают поиск сущности исследуемой категории, пытаясь адекватно отразить реальность.

Финансы как объективное явление и понятие находятся в диалектическом развитии, потому для формирования современной концепции финансов находим возможным прибегнуть к диалектическому методу, в частности закону двойного отрицания. Теория экономических (денежных) отношений отрицает теорию государственного хозяйства. Значит, мы предполагаем концепцию, отрицающую экономические (денежные) отношения и возвращающую нас к государственному хозяйству, но в новом качестве. Учитывая признание не только государственного (публичного), но и частного характера финансов, новое качество хозяйства возникает вследствие отсечения признака государственности и фиксации хозяйства в более широком смысле, не сводимом к государственному. Отсюда первый тезис на пути познания финансов – их сущность кроется в хозяйстве. К нему мы добавляем тезис, не вызывающий сомнений в литературе, – необходимым условием существования финансов выступают деньги.

Финансы не обладают пространственной мерностью, потому существуют исключительно во времени и являются собой процесс. Заметим, еще Э. Н. Берендтс (1914 г.) предмет финансовой науки определял через экономический процесс [11, с. 9]. В теории государственного хозяйства этот процесс принимает форму поступления доходов в казну и ее расходования, а в традиционном учении он выражается в формировании (распределении) и использовании денежных фондов. Таким образом, мы имеем три понятия, лежащие в основе познания финансов – хозяйство, деньги, процесс.

Исследуя хозяйство, мы усматриваем в его понятии четыре элемента – имущество, экономический субъект, экономическая деятельность, экономические потоки. Будучи в единстве, названные элементы образуют систему. Основным в организации системы хозяйства выступает отношение «имущество – экономический субъект». Оно характеризует состояние системы – имущественное состояние субъекта, которое выражается в параметрах хозяйственного имущества в определенный момент времени. В процессе экономической деятельности возникают экономические потоки, и с каждым потоком система переходит в иное состояние.

Достижение желаемого состояния подразумевает совершение субъектом одного, нескольких или множества актов экономической деятельности. «В генерическом [родовом] понятии хозяйства... – пишет С. Н. Булгаков, – мы безусловно поднимаемся над этими частными раздробленными актами и рассматриваем их как проявления некоторой *единой функции*, обладающие известной связностью, единством иного рода, чем только их алгебраическая сумма» [12, с. 146]. В итоге мы приходим к убеждению, что системная функция хозяйства состоит в управлении имущественным состоянием экономического субъекта. Названная функция воплощает единство элементов понятия хозяйства, потому она есть сущность данного феномена.

Хозяйство – это система (организованная целостность элементов: экономического субъекта, его имущества, экономической деятельности, экономических потоков), предназначенная для управления имущественным состоянием экономического субъекта и достижения желаемых значений параметров состояния.

Под деньгами мы понимаем основанную на социальном порядке (правопорядке) всеобщую меновую ценность в форме валюты [10, с. 56]. Они относятся к хозяйственному имуществу. Следуя тезисам о существовании финансов в пределах хозяйства и необходимости денег для такого существования, мы абстрагируемся от неденежных свойств системной функции хозяйства, в результате чего она преобразуется в управление монетарным состоянием экономического субъекта. Слово «монетарный» (от фр. *monétaire*) означает прилагательное «денежный, финансовый»

[13, с. 500]. Мы используем его, чтобы подчеркнуть, что имеем дело не только с деньгами, но и с объектами денежной природы (денежные долги и требования, денежные ценные бумаги). Их целесообразно рассматривать вместе с деньгами, а не в составе неденежной части хозяйственного имущества. Деньги и объекты денежной природы мы объединяем понятием «монетарное имущество».

Движение мысли привело нас к понятию монетарного состояния экономического субъекта. Оно производно от имущественного состояния, представляющего собой совокупность параметров хозяйственного имущества в определенный момент времени. Мы усматриваем два смысла монетарного состояния:

- 1) узкий, сводимый к параметрам монетарного имущества;
- 2) широкий, включающий монетарные параметры имущества.

Параметр имущества – эта количественная характеристика имущественного объекта. Монетарный параметр имеет денежное выражение либо является отношением между денежными величинами. Так, комплексная оценка финансового состояния нефинансовых организаций осуществляется по параметрам (показателям) трех категорий: ликвидности, финансовой устойчивости и прибыльности (п. 2 Методических рекомендаций по проведению комплексной системной оценки финансового состояния организаций, утвержденных приказом Министерства финансов Республики Беларусь от 14 октября 2021 г. № 351). К примеру, финансовый левередж (параметр из категории финансовой устойчивости) – это частное от деления стоимости обязательств на сумму собственного капитала (п. 15 тех же рекомендаций).

Монетарное состояние, которое в законодательстве и литературе именуется финансовым, мы понимаем в широком смысле – это стоимость и (или) производные от нее параметры имущества экономического субъекта в определенный момент времени. Конкретные параметры монетарного состояния зависят от вида хозяйства и структуры его имущества.

Когда качество монетарного состояния вызывает правовой эффект, оно рассматривается как юридически значимое. Неудовлетворительное монетарное состояние создает угрозу как самому субъекту, так и его контрагентам, потому государство не может его игнорировать. Так, коммерческие организации обязаны поддерживать стоимость чистых активов не менее их уставного фонда. Если по окончании второго и каждого последующего финансового года она примет меньшее значение, коммерческая организация должна уменьшить уставный фонд до размера, не превышающего стоимости ее чистых активов. В случае падения их стоимости ниже минимального размера уставного фонда, такая организация подлежит ликвидации (п. 3 ст. 47-1 Гражданского кодекса Республики Беларусь).

Для определения искомого понятия остается применить третий тезис: финансы существуют исключительно во времени и являют собой процесс. Любой процесс есть последовательность состояний. Как пишет П. А. Флоренский, «мы не можем мыслить *процесса*, не разлагая его на последовательность стационарных состояний, – на последовательность моментов неизменности» [14, с. 31]. Значит, финансы предстают в виде последовательности монетарных состояний, что обнаруживает их сущность – изменение монетарного состояния экономического субъекта.

Каждое изменение в имущественном состоянии, в том числе монетарном, выражается в экономическом потоке. Согласно п. 3.6 международного статистического стандарта «Система национальных счетов 2008 года» [15] экономические потоки отражают создание, трансформацию, обмен, трансферт или исчезновение экономической стоимости. Они предполагают изменения в объеме, структуре или стоимости активов и обязательств экономического субъекта.

Таким образом, *финансы* – это экономические потоки, отражающие изменение монетарного состояния экономического субъекта. Финансы – атрибут любого современного хозяйства. В зависимости от последнего мы разделяем их на финансы домашних хозяйств, корпоративные финансы и публичные (государственные) финансы.

Предложенную концепцию финансов можно верифицировать, используя методологический принцип соответствия, утверждающий связь научных теорий в их историческом развитии. Сущность этой связи, поясняет А. Л. Куиш, «заключается в том, что, хотя новое знание и обладает отличительными чертами, самостоятельностью, автономностью, „прорастает“ своими корнями в знание предшествующее, неразрывно с ним связано. Сам же принцип соответствия, выступает в качестве регулятора процесса развития научного знания, которое в данном случае имеет развивающийся характер и обладает свойством преемственности» [16, с. 23]. Доходы и расходы казны в теории государственного хозяйства, а также формирование (распределение) и использование денежных фондов в теории экономических (денежных) отношений суть экономические потоки, отражающие изменение монетарного состояния экономического субъекта (государства). Поэтому представленная концепция отвечает принципу соответствия и может быть принята.

Библиографические ссылки

- апольский, С. В. Теория финансового права : научные очерки / С. В. Запольский. – М. : РАП, 2010. – 371 с.
- арасов, И. Т. Очерк науки финансового права / И. Т. Тарасов. – Ярославль : Тип. Губерн. правл., 1883. – 710 с.

- атлаевский, И. Курс финансового права / И. Патлаевский. – Одесса : Тип. Одесского вестника, 1885. – 395 с.
- львов, Д. Курс финансового права / Д. Львов. – Казань : Тип. Императ. ун-та, 1887. – 521 с.
- ловайский, С. И. Учебник финансового права / С. И. Иловайский, Г. И. Тиктин; под ред. Н. П. Яснопольского. – 5-е изд., перераб. и доп. – Одесса : Тип. Л. С. Шутака, 1912. – с.
- ебедев, В. А. Финансовое право / В. А. Лебедев // Золотые страницы финансового права России. – М. : Статут, 2000. – Т. 2 – С. 33–406.
- овинский, Е. А. Финансовое право / Е. А. Ровинский. – М. : Юрид. лит., 1971. – 392 с.
- инансовое право / О. Н. Горбунова [и др.]. – М. : Проспект, 2003. – 532 с.
- илипенко, А. А. Курс финансового права / А. А. Пилипенко. – Минск : Книжный Дом, 2010. – 766 с.
- ротасовицкий, С. П. Теория частноправового регулирования финансов / С. П. Протасовицкий. – Минск : БГУ, 2020. – 315 с.
- ерендтс, Э. Н. Русское финансовое право. Лекции, прочитанные в Императорском Училище Правоведения / Э. Н. Берендтс. – СПб. : Типо-Литография С.-Петербургской Оди-ночной Тюрьмы, 1914. – 455 с.
- улгаков, С. Н. Философия хозяйства / С. Н. Булгаков. – М. : Институт русской цивили-зации, 2009. – 464 с.
- рысин, Л. П. Толковый словарь иноязычных слов / Л. П. Крысин. – М. : Эксмо, 2006. – 944 с.
- лоренский, П. А. Космологические антиномии Иммануила Канта / П. А. Флоренский // Священник Павел Флоренский. Сочинения: в 4 т. / сост. и общ. ред. игумена Андроника (А. С. Трубачева), П. В. Флоренского, М. С. Трубачева. – М. : Мысль, 1996. – Т. 2. – С. 3–33.
- истема национальных счетов 2008 года [Электронный ресурс] / Статистическая комис-сия ООН. – 2012. – Режим доступа: <https://unstats.un.org/unsd/nationalaccount/docs/sna2008russianwc.pdf>. – Дата доступа: 18.03.2023.
- уиш, А. Л. Принцип соответствия: онтологический и методологический аспекты иссле-дований / А. Л. Куиш // Веснік Брэсцкага ўніверсітэта. Серыя 1. Філасофія. Паліталогія. Сацыялогія. – 2011. – № 2. – С. 15–24.

НОВАЯ КОНСТИТУЦИЯ: ВОПРОСЫ РАЗВИТИЯ МЕЖГОСУДАРСТВЕННОГО СОТРУДНИЧЕСТВА

М.А. Рахимова

*Университет мировой экономики и дипломатии,
пр-т. Мустакиллик 54,100 007, г.Ташкент, Республика Узбекистан,
muattara161@mail.ru*

Конституционная реформа Республики Узбекистан направлена на реализацию приоритетного принципа «Во имя чести и достоинства человека». При этом достоинство человека – это обеспечение мирной и безопасной жизни, фундаментальных прав и свобод граждан, поэтапное создание достойных условий жизни и современной инфраструктуры, квалифицированное медицинское обслуживание, качественное образование, социальная защита и здоровая экологическая среда для каждого жителя страны. Исходя из этого постулата, Узбекистан стремится к развитию международного сотрудничества в регионе, посредством которого решаются актуальные вышеперечисленные задачи.

Ключевые слова: инициативы Республики Узбекистан по региональному сотрудничеству, новая Конституция, развитие межгосударственного сотрудничества

NEW CONSTITUTION: ISSUES OF DEVELOPING INTERSTATE COOPERATION

M.A. Rakhimova

*University of World Economy and Diplomacy,
Ave. Mustakillik 54,100 007, Tashkent, Republic of Uzbekistan
muattara161@mail.ru*

The constitutional reform of the Republic of Uzbekistan is aimed at implementing the priority principle "In the name of the honor and dignity of a person." At the same time, human dignity is the provision of a peaceful and safe life, fundamental rights and freedoms of citizens, the gradual creation of decent living conditions and modern infrastructure, qualified medical care, quality education, social protection and a healthy ecological environment for every inhabitant of the country. Proceeding from this postulate, Uzbekistan seeks to develop international cooperation in the region, through which the actual above problems are solved.

Keywords: initiatives of the Republic of Uzbekistan on regional cooperation, new Constitution, development of interstate cooperation

Республика Узбекистан сейчас находится на новом этапе своего развития, который характеризуется стремительным проведением масштабных и прогрессивных реформ, призванных повысить качество жизни народа,

укрепить инновационный экономический рост и безопасность страны, и, естественно, требование времени – это конституционные реформы. Обновленная Конституция должна создать прочную правовую основу, гарантию долгосрочной стратегии развития Узбекистана.

14 марта 2023 года было подписано Постановление Сената Олий Мажлиса Республики Узбекистан № ПС-702–IV «О референдуме Республики Узбекистан» согласно которому представлен проект Конституционного Закона Республики Узбекистан «О Конституции Республики Узбекистан» [4.].

В рамках представленного проекта была обновлена статья 17 Главы IV «Внешняя политика», а также глава была дополнена статьей 18, где отмечено, что «Республика Узбекистан осуществляет миролюбивую внешнюю политику, направленную на всемерное развитие двусторонних и многосторонних отношений с государствами и международными организациями. Республика Узбекистан может заключать союзы, входить в содружества и другие межгосударственные образования, а также выходить из них исходя из высших интересов государства, народа, его благосостояния и безопасности» [4.].

Современные интеграционные процессы в условиях глобализации обозначили необходимость Узбекистану определить приоритетные цели для реализации внешнеполитической деятельности. Нужно отметить, что с обретением независимости внешняя политика страны сформировалась на принципах мира, сотрудничества и взаимного уважения [12.].

В Центральной Азии имеются все необходимые условия для поступательного, устойчивого развития двусторонних и многосторонних отношений, что подтверждается стремительными преобразованиями в региональном сотрудничестве, установлениями добрососедских отношений стратегического партнерства в различных сферах: политике, экономике, культурно-гуманитарной сфере.

Президент Республики Узбекистан Ш.М.Мирзиёев в своем выступлении на торжественном собрании, посвященном 24-й годовщине принятия Конституции Республики Узбекистан, подчеркнул: «Внешнеполитическая деятельность государства, прежде всего, основывается на всесторонних интересах народа и страны... Узбекистан продолжит эффективное сотрудничество со всеми странами как ближнего, так и дальнего зарубежья, всем мировым сообществом и останется приверженным проведению миролюбивой, открытой и прагматичной политики»[8.].

В рамках международного сотрудничества в Республике Узбекистан разрабатываются и реализуются стратегии, концепции и нормативно-правовые акты. Одним из примеров может служить разработка и принятие Стратегии действий по пяти приоритетным направлениям развития Рес-

публики Узбекистан в 2017–2021 годах» [2.]. Стратегия действий явилась основополагающим программным документом, определяющим совершенно новую веху в развитии современного Узбекистана. Продуманная стратегия укрепления дружественных связей выразилась в конкретных исторических шагах: разрешены такие актуальные проблемы, как пересечение границ, водопользование, участились государственные визиты глав государств региона и стали практическим подтверждением особого внимания, уделяемого во внешней политике нашей страны добрососедским отношениям [16.].

Исходя из идеи, выдвинутой в качестве главной в новой Стратегии развития Нового Узбекистана «От Стратегии действий – к Стратегии развития», «...в Стратегии развития Нового Узбекистана мы поставили перед собой еще более серьезные задачи по каждой сфере и отрасли...» [6.]. В частности, «наполнить отношения с Организацией Объединенных Наций и ее специализированными структурами, Межпарламентским союзом, международными финансовыми институтами и региональными организациями...» [6.].

Выступая в сентябре 2017 г. на 72-й сессии ГА ООН, Президент Республики Узбекистан отметил: «Находясь в самом сердце Центральной Азии, Узбекистан непосредственно заинтересован в том, чтобы регион стал зоной стабильности, устойчивого развития и добрососедства. Мирная, экономически процветающая Центральная Азия – наша важнейшая цель и ключевая задача. Узбекистан решительно настроен на диалог, конструктивное взаимодействие и укрепление добрососедства» [7.]. В знак поддержки предложения главы государства 22 июня 2018 г. была принята специальная Резолюция ГА ООН по Центральной Азии, что стало еще одним историческим событием, заложившим прочную основу для развития регионального сотрудничества [16.].

По инициативе Президента Республики Узбекистан Ш.М.Мирзиёева во внешней политике Узбекистана начал претворяться в жизнь принцип: «Мирная и процветающая Центральная Азия – ключевая задача». Дальнейшее укрепление дружественных и доверительных отношений со всеми соседями по региону превратилось в одну из приоритетных задач внешнеполитической деятельности Узбекистана...» [10.]. Данный принцип получил свою дальнейшую практическую реализацию, а на перспективу – «нашей основной задачей остается дальнейшее укрепление отношений добрососедства и стратегического партнерства, прежде всего, со странами Центральной Азии.» [6.].

На постсоветском пространстве взаимодействует целый ряд межгосударственных объединений и организаций, различных по составу участников и степени их сближения. Одним из таких примеров может служить

Консультативная встреча глав государств Центральной Азии в Ташкенте [10.]. Она заложила основу и наметила перспективные направления дальнейшего развития торгово-экономических, инвестиционных, транспортно-коммуникационных, сельскохозяйственных связей, промышленной кооперации, мер по охране окружающей среды, в сфере туризма, науки, культуры, спорта, энергетики.

Необходимо отметить важность инициатив, выдвинутых Президентом Республики Узбекистан Ш.М.Мирзиёевым в ходе данной Консультативной встречи глав государств Центральной Азии [13.]. Они, во-первых, носят программный и всеобъемлющий характер; во-вторых, направлены на решение конкретных вопросов регионального сотрудничества; в-третьих, их реализация будет способствовать ускорению развития региона. Данные предложения придадут мощный импульс дальнейшему развитию торгово-экономических связей между государствами Центральной Азии. Еще одним важным достижением Консультативной встречи в ноябре 2019 г. стало принятие Совместного заявления лидеров Центрально-азиатских государств – своего рода программа по развитию региона. В ней представлены консолидированные подходы и общее видение глав государств в отношении перспектив укрепления регионального сотрудничества.

Разработанная по инициативе Узбекистана совместно со странами региона специальная Резолюция ООН «Укрепление регионального и международного сотрудничества по обеспечению мира, стабильности и устойчивого развития в Центральноазиатском регионе» [1.] говорит о достигнутом высоком уровне консолидации региона и готовности Центрально-азиатских стран взять на себя ответственность за решение общерегиональных проблем.

Президентом Узбекистана Ш. Мирзиёевым 15–16 июля 2021 г. на состоявшейся в г. Ташкенте международной конференции «Центральная и Южная Азия: региональная взаимосвязанность. Вызовы и возможности» были выдвинуты новые инициативы, нашедшие отклик не только в государствах двух регионов, но и в мировом сообществе – это создание транспортных коридоров, связывающих Центральную Азию с Индийским океаном. Таким образом, данная конференция еще раз продемонстрировала «Ташкентский дух» сотрудничества [5, с.157.].

Благодаря всем этим позитивным тенденциям, сегодня на основе принципов поиска разумных компромиссов и взаимного учета интересов находит свое долгосрочное решение целый ряд системных проблем, ранее препятствовавших реализации в полной мере огромного потенциала регионального сотрудничества. Самое главное – государства Центральной Азии начали играть ключевую роль в принятии решений по наиболее актуальным и насущным вопросам развития всего региона.

Как отмечают эксперты, ссылаясь на прогнозы ООН, взаимовыгодное сотрудничество в рамках региона позволит увеличить региональный ВВП в следующие десять лет в два раза [11.], а, кроме того, геостратегическое расположение на «стыке» Европы и Азии, человеческий и ресурсный потенциал Центральной Азии делает регион привлекательным в качестве ключевого звена глобальных цепочек производства и поставок конкурентоспособных товаров на рынки ЕС.

В этой связи необходимо отметить своевременность и востребованность инициативы Президента Республики Узбекистан Ш.Мирзиёева о создании Регионального центра по развитию транспортно-коммуникационной взаимосвязанности под эгидой ООН. Это позволит создать общую платформу для формирования единого, разветвлённого и внешне интегрированного транспортного пространства в Центральной Азии, его соединения с трансъевропейской транспортной сетью, что значительно укрепит взаимосвязь между Азией и Европой.

Укрепление экономического сотрудничества на региональном уровне обеспечивает предсказуемость развития Центральной Азии как стабильного и устойчивого региона, что будет способствовать привлечению иностранных инвестиций.

Согласно части второй статьи 18 проекта новой Конституции Республики Узбекистан, «Республика Узбекистан может заключать союзы, входить в содружества и другие межгосударственные образования,... исходя из высших интересов государства, народа...» [4.]. Сотрудничество Узбекистана с международными организациями не самоцель, а стремление к экономическому росту, повышению конкурентоспособности товаров и услуг и оздоровлению экономики. На основе изучения зарубежного опыта необходимо выработать четкую стратегию по вступлению Узбекистана в международную организацию. Необходимо защитить наиболее уязвимые секторы экономики, например, сельское хозяйство. Данный сектор играет важную роль в развитии Узбекистана. Доля сельского хозяйства в национальном ВВП находится на уровне более 17,5% [17.], при этом нужно учитывать, что примерно 49,7% населения Узбекистана [17.] живет в сельской местности и занимается сельскохозяйственным производством для обеспечения средств существования.

Географически наш регион находится глубоко внутри материка, вдали от морских путей и центров мировой торговли, хотя обладает богатыми природными ресурсами. Казахстан, Таджикистан, Кыргызстан и Туркменистан непосредственно граничат с государствами, имеющими прямой выход к морю, а Узбекистан как внутриконтинентальное государство окружен соседями, которые тоже не имеют прямого выхода к морю. Одним из преимуществ высокоразвитых стран мира является их географическое рас-

положение – они имеют прямой выход к морю и доступ к международным торговым маршрутам, по которым могут экспортировать свои товары. И это еще одна из важных проблем – Узбекистан, как и Лихтенштейн, относится к группе «double lock» страны. Этим странам для выхода к мировому океану приходится пересекать территорию двух государств, при этом затраты при импорте составляли свыше 6 тыс. долл. США, а при экспорте доставки грузов до ближайшего порта – более 5 тыс. долл. США. Одной из актуальных проблем остается поиск новых транспортных коридоров к мировому океану, необходимых для снижения времени и стоимости передвижения товаров. Не случайно Президент Республики Узбекистан, касаясь вопроса устойчивого экономического развития, акцентирует внимание на необходимости открытия новых торговых маршрутов, создания транспортной логистики и обеспечения доступа отечественной продукции на крупные рынки [15.].

В июне 2019 г. на 20-м пленарном заседании Сената Президент Республики Узбекистан Ш.М.Мирзиёев указал, что Узбекистану необходимы новые рынки сбыта, отметив преимущество соседних с ним стран по географическому положению: «Мы далеки от дорог. У наших соседей есть выход к морю. Мы сейчас много импортируем, но каждый доллар – это наше богатство, потому что мы платим валюту. В Россию мы выходим через Казахстан, у которого свои интересы. Никто не собирается облегчать нам путь.» [9, с. 35]

Мировое сообщество традиционно уделяет серьезное внимание в связи с нерешенными проблемами, препятствующими полноценному сотрудничеству между странами региона, вопросам межгосударственного экономического сотрудничества, совершенствуя международно-правовые и институциональные механизмы экономического сотрудничества между государствами. Такое межгосударственное сотрудничество способствует решению вопросов социально-экономического развития Узбекистана через налаживание связей с зарубежными странами, формирование благоприятного инвестиционного климата в стране.

Библиографические ссылки

1. Резолюция ГА ООН от 18 июня 2018г. «Укрепление регионального и международного сотрудничества по обеспечению мира, стабильности и устойчивого развития в Центральноазиатском регионе». – www.uza.uz.

2. Указ Президента Республики Узбекистан № УП–5635 от 17 января 2017 года «О государственной программе по реализации Стратегии действий по пяти приоритетным направлениям развития Республики Узбекистан в 2017 — 2021 годах в «Год активных инвестиций и социального развития». – www.president.uz

3. Указ Президента Республики Узбекистан № УП–60 от 28 января 2022 года «О Стратегии развития Нового Узбекистана на 2022–2026 годы.»–www.president.uz
4. Постановление Сената Олий Мажлиса Республики Узбекистан № ПС-702–IV от 14 марта 2023г. «О референдуме Республики Узбекистан» согласно которому представлен проект Конституционного Закона Республики Узбекистан «О Конституции Республики Узбекистан»
5. Мирзиёев Ш.М. Новый Узбекистан – страна демократических преобразований, больших возможностей и практических дел.– Ташкент: «O'qituvchi» МЧЖ, 2021.
6. Мирзиёев Ш.М. Мы решительно продолжим курс демократических реформ на основе стратегии развития Нового Узбекистана. 6 ноября 2021г.– www.president.uz.
7. Речь Президента Республики Узбекистан Ш.М.Мирзиёева на 72-й сессии ГА ООН –www.president.uz; <https://e-cis.info/page/>.
8. Речь Президента Республики Узбекистан Ш.М.Мирзиёева на торжественном собрании, посвященном 24-й годовщине принятия Конституции Республики Узбекистан.–www.president.uz
9. Речь Президента Республики Узбекистан Ш.М.Мирзиёева на 20-м пленарном заседании Сената Олий Мажлиса 21 июня 2019г.–<https://www.gazeta.uz/ru/2019/06/23/import/>; <https://old.uza.uz>; <https://www.podrobno.uz/ru/2019/06/23/>.
10. Речь Президента Республики Узбекистан Ш.М.Мирзиёева на Консультативной встрече глав государств Центральной Азии 29 ноября 2019 г. –www.president.uz
11. Центральная Азия и Европейский союз – перспективы сотрудничества. 02.10.2020г. –<https://www.uzdaily.uz/ru/post/60618>.
12. www.akadmvd.uz
13. <https://mfa.uz/ru>
14. <https://senat.uz/ru/decisions/post-546>
15. <https://old.uza.uz>
16. www.uza.uz
17. Stat.uz -Дата обращения 07 сентября 2021 г.

СООТНОШЕНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ КАДРОВОЙ ПОЛИТИКИ И КАДРОВОЙ ПОЛИТИКИ В ОРГАНАХ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

О.З. Рыбаключева

*Белорусский государственный университет
ул. Ленинградская, 8, 220030, г. Минск, Беларусь, O.Malikova@rambler.ru*

В статье представлен анализ теоретических аспектов государственной кадровой политики как научно-теоретического обоснования кадровой доктрины и стратегии данной политики в Республике Беларусь. Проводится анализ понятий «государственная кадровая политика» и «кадровая политика в органах внутренних дел». Определяется их сущность, содержание, уровни применения, а также принципы, функциональное назначение и субъекты управления. Проведенное исследование позволило установить взаимосвязь и взаимозависимость государственной кадровой политики и кадровой политики в органах внутренних дел.

Ключевые слова: государственная кадровая политика; кадровая политика в органах внутренних дел; органы внутренних дел; работа с кадрами в органах внутренних дел; служба в органах внутренних дел

THE RATIO OF PERSONNEL POLICY IN THE INTERNAL AFFAIRS AND STATE PERSONNEL POLICY

O.Z. Rybakliuchava

*Belarusian State University
Leningradskaya st., 8, 220030, Minsk, Belarus, O.Malikova@rambler.ru*

The article presents an analysis of the theoretical aspects of the state personnel policy as a scientific and theoretical substantiation of the personnel doctrine and strategy of this policy in the Republic of Belarus. The analysis of the concepts "state personnel policy" and "personnel policy in the internal affairs bodies" is carried out. Their essence, content, levels of application, as well as principles, functional purpose and subjects of management are determined. The study made it possible to establish the relationship and interdependence of the state personnel policy and personnel policy in the internal affairs bodies.

Keywords: state personnel policy; personnel policy in the internal affairs bodies; internal affairs bodies; work with personnel in the internal affairs bodies; service in the internal affairs bodies

Органы внутренних дел Республики Беларусь (далее – органы внутренних дел) созданы для решения таких сложных задач как защита жизни, здоровья, чести, достоинства, прав, свобод и законных интересов личности, общества и государства от преступных и иных противоправных посягательств; охрана общественного порядка и обеспечение общественной безопасности; профилактика, выявление, пресечение преступлений и административных правонарушений [1]. Несомненно, эффективность выполнения возложенных на органы внутренних дел задач напрямую зависит от кадрового состава органов внутренних дел.

Основной целью кадрового обеспечения органов внутренних дел является формирование высокопрофессионального, стабильного, оптимально сбалансированного кадрового корпуса, наиболее полно отвечающего современным и прогнозируемым социально-политическим, экономическим, криминогенным и другими условиям, способного эффективно решать поставленные перед органами внутренних дел задачи [2]. Реализуя государственную кадровую политику, Министерство внутренних дел Республики Беларусь (далее – Министерство внутренних дел) должно обеспечивать повышение качества кадрового потенциала как одного из важнейших ресурсов интенсификации и повышения эффективности деятельности органов внутренних дел, а также выражать стратегию работы с кадрами в системе органов внутренних дел.

Реализация государственной кадровой политики является одной из функций, а организация работы с кадрами выступает в качестве одной из задач Министерства внутренних дел [3]. Учитывая возложенные на Министерство внутренних дел функции и задачи, а также в рамках реализации Концепции государственной кадровой политики Республики Беларусь (далее – Концепция государственной кадровой политики) Министерством внутренних дел, начиная с 2003 года, разрабатываются и реализовываются программы кадрового обеспечения органов внутренних дел на 2003-2005 гг., 2006-2010 гг., 2011-2015 гг., 2016-2020 гг. и 2021-2025 гг. Данные программы являются отраслевым механизмом реализации государственной кадровой политики в органах внутренних дел и определяют основные цель, задачи и направления деятельности по совершенствованию работы с кадрами в органах внутренних дел. Однако стратегический документ, позволяющий обеспечить системный подход к реализации государственной кадровой политики в органах внутренних дел, в том числе единую, последовательную и комплексную деятельность по формированию, развитию и эффективному использованию кадрового потенциала органов внутренних дел, до настоящего времени не разрабатывался. Кроме того, в целях разработки действенных и эффективных механизмов реализации государственной кадровой политики в органах внутренних дел необходимо обосновать

соотношение государственной и отраслевой кадровой политики, выявить в них общие и отличительные черты, разграничить компетенции и определить предмет совместного ведения.

Вопросы кадровой политики исследуются в различных отраслях науки (философии, социологии, политологии, права, психологии и др.) как зарубежными, так и белорусскими учеными. Исследованию кадровой политики в качестве составляющей государственного управления посвящены работы ряда советских ученых административно-правовой науки, таких как Б. М. Лазарев, Б. Д. Лебин, М. Н. Перфильев, М. И. Пискотин, В. И. Ремнев, Л. А. Сергиенко, В. А. Яцков и др., в результате чего разработаны положения, относящиеся к кадрам органов государственной власти, требования, предъявляемые к государственным служащим, исследованы вопросы административно-правового регулирования работы с кадрами, в большей степени – управленческими. В свою очередь реализации государственной кадровой политики на отраслевом уровне посвящены лишь отдельные работы, а организация работы с кадрами в органах внутренних дел исследовалась, как правило, в учреждениях образования и научных учреждениях системы Министерства внутренних дел СССР (В. А. Ананич, В. Я. Кикоть, Л. М. Колодкин, С. М. Крылов, В. Г. Кутушев, Г. А. Туманов и др.).

Современный период развития административной науки обозначился научными трудами, посвященными проблемам разработки и правовой регламентации организации работы с кадрами в государстве и различных сферах деятельности общества. Указанные вопросы затрагивались в работах В. А. Анисимова, И. Н. Барциц, А. А. Гришковца, В. В. Лобанова, Г. П. Лозавицкой, А. В. Нефедьева, А. Ф. Ноздрачева, А. В. Оболонского, Ю. В. Ростовцева, В. А. Сулеманова, В. В. Черепанова, Т. В. Щукиной и др.

Отличительная особенность белорусской правовой школы в области кадровой политики заключается в том, что основные исследования посвящены теоретическим подходам к развитию и реализации государственной кадровой политики, государственной службе, формированию управленческих кадров, системы работы с ними, правовой регламентации управленческого труда (Л. В. Вечер, С. Г. Дырда, К. И. Кеник, А. П. Леонов, Л. М. Рябцев, А. Г. Тиковенко, О. И. Чуприс, А. Г. Шрубенко, В. И. Яковчук и др.). В последние годы отдельным вопросам реализации государственной кадровой политики на отраслевом уровне посвящены исследования С. Ю. Дегонского, Е. Н. Мазаник, И. Д. Носкевича, А. И. Шведа. Однако комплексный системный анализ особенностей реализации государственной кадровой политики на отраслевом уровне, в том числе административно-правового обеспечения реализации государственной кадровой политики в органах внутренних дел, не осуществлялся.

В данной статье будут рассмотрены вопросы соотношения государственной кадровой политики и кадровой политики в органах внутренних дел, поскольку именно соотношение государственной и отраслевой кадровой политики, выявление в них общих и отличительных черт позволяет разграничить компетенции и определить предмет совместного ведения, что в дальнейшем будет способствовать разработке действенных и эффективных механизмов реализации государственной кадровой политики в органах внутренних дел и, как следствие, позволит эффективно, рационально и результативно совершенствовать систему управления органами внутренних дел.

Термины «кадровая политика» и «государственная кадровая политика» достаточно многозначны и их определение зависит от отрасли науки, в которой они используются. Анализ понятия «государственная кадровая политика», выработанных учеными-юристами и практиками кадровой деятельности, позволяет выделить преобладающий системный подход к определению государственной кадровой политики: и как системы официально признанных целей, задач, приоритетов и принципов деятельности государства по регулированию всех кадровых процессов и отношений в стране, и как выражение стратегии государства по формированию, профессиональному развитию и востребованию трудовых ресурсов (кадрового потенциала) страны [4, с. 6; 5, с. 3-4; 6, с. 92-93; 7, с. 349-350; 8, с. 6; 9, с. 10 и др.].

Заслуживает внимания наиболее полное определение государственной кадровой политикой В.М. Анисимова, который под ней понимает «интегрированную функционально организованную систему научных знаний, идей, взглядов, принципов, приоритетов, установок, государственно-служебных отношений, направленных на установление целей, задач, характера этой политики (теоретико-методологический компонент), комплекс государственно-правовых и организационно-практических мероприятий, регулирующих разработку и применение механизмов, форм, методов, функций, технологий кадровой деятельности (подбор, распределение, обеспечение должностного роста, ротация, обучение, формирование и профессиональное использование кадрового резерва, мотивация, оценка, социально-правовая защита персонала и т.д.), установление профессиональных критериев, стандартов и квалификационных требований к кадрам, обеспечивающих их эффективную профессиональную реализацию в конкретно-исторических условиях развития страны» [10, с.50].

Вместе с тем понятие государственной кадровой политики в Республике Беларусь закреплено на законодательном уровне. Так, согласно Концепции государственной кадровой политики, под государственной кадровой политикой понимается деятельность республиканских и местных органов управления по созданию целостной системы формирования и

эффективного использования трудовых ресурсов, развития кадрового потенциала органов государственного управления и самоуправления, различных отраслей экономики и сфер деятельности, ориентированного на эффективное решение актуальных экономических, социальных и политических задач [11].

Формирование государственной кадровой политики осуществляется в рамках Конституции Республики Беларусь, поскольку именно в ней в значительной мере регулируются наиболее важные, стратегические вопросы государственной кадровой политики и отражаются полномочия субъектов, определяющих государственную кадровую политику: Президента Республики Беларусь, Национального собрания Республики Беларусь, Правительства Республики Беларусь. Именно в соответствии с Конституцией Республики Беларусь определяются основные направления внутренней и внешней политики государства, следовательно, и государственной кадровой политики.

Принятая в 2001 году Концепция государственной кадровой политики явилась научно-теоретическим обоснованием, фундаментом, определением кадровой доктрины и стратегии данной политики в Республике Беларусь, а также носителем общегосударственных начал в регулировании кадровых отношений на всех уровнях государственной власти, включая региональную кадровую политику и кадровую политику в соответствующих отраслях экономики и социальной сферы.

В свою очередь, являясь видом кадровой отраслевой политики, кадровая политика в органах внутренних дел должна быть направлена на обеспечение развития и наиболее эффективное использование профессиональных, деловых и личностных способностей сотрудников с учетом задач, возложенных на органы внутренних дел, особенностей прохождения службы в органах внутренних дел. На сегодняшний день в органах внутренних дел существует и в определенной степени действует кадровая политика, но, на наш взгляд, она требует дальнейшего развития и совершенствования.

Служба в органах внутренних дел представляет собой самостоятельный социально-правовой институт – совокупность правовых норм, предписаний, затрагивающих права и обязанности сотрудников органов внутренних дел, особенности прохождения службы в органах внутренних дел. Необходимо отметить, что термин «государственная служба в органах внутренних дел» используется крайне редко, хотя пункт 2 Положения о прохождении службы в органах внутренних дел Республики Беларусь (далее – Положение о прохождении службы в органах внутренних дел), определяет службу в органах внутренних дел видом государственной службы в

Республике Беларусь [12]. Все указанное свидетельствует об институциональном характере службы в органах внутренних дел.

При реализации сотрудниками органов внутренних дел задач, возложенных на органы внутренних дел, немаловажное значение принадлежит принципам службы в органах внутренних дел. Учитывая, что в настоящее время в Законе Республики Беларусь «Об органах внутренних дел Республики Беларусь» (далее – Закон об органах внутренних дел) [2] и Положении о прохождении службы в органах внутренних дел не сформулированы ни принципы кадровой политики в органах внутренних дел, ни принципы службы в органах внутренних дел [12], можно предположить, что служба в органах внутренних дел осуществляется в соответствии с основными принципами построения и функционирования системы государственной службы в Республике Беларусь.

Вместе с тем, принципы государственной службы не в полной мере отражают особенности прохождения службы в органах внутренних дел, а закрепленные в статье 4 Закона об органах внутренних дел принципы деятельности органов внутренних дел (законности; уважения и соблюдения прав, свобод и законных интересов граждан; гуманизма; единства системы органов внутренних дел и централизации управления ими; сочетания гласных и негласных методов и средств деятельности; независимости от деятельности политических партий и других общественных объединений) не отражают всех принципов кадровой политики в органах внутренних дел, а также особенностей службы в органах внутренних дел. Все это предопределяет необходимость разработки и законодательного закрепления единых правовых, организационных и функциональных принципов кадровой политики в органах внутренних дел и принципов службы в органах внутренних дел.

Соотношение государственной кадровой политики и кадровой политики в органах внутренних дел проводится по следующим позициям:

1) по сущности

одной из сущностных черт государственной кадровой политики является ее единое содержание (стратегические цели, предмет, задачи, принципы и др.) и многоуровневый характер реализации. Государственная кадровая политика закладывает основы для разработки и реализации региональной кадровой политики и кадровой политики в соответствующих отраслях экономики и социальной сферы;

кадровая политика в органах внутренних дел выступает кадровой стратегией в органах внутренних дел, но при этом должна выражать и обеспечивать реализацию общегосударственных интересов с учетом условий и возможностей органов внутренних дел, способствовать сохранению и наиболее рациональному использованию имеющихся кадровых ресурсов;

2) по содержанию

государственная кадровая политика является комплексным и стратегическим подходом к кадровому обеспечению, к развитию кадрового потенциала государства в целом;

кадровая политика в органах внутренних дел носит конкретизирующий характер – это управление формированием, развитием и использованием профессионально-личностных способностей сотрудников с учетом задач, возложенных на органы внутренних дел.

По нашему мнению, важно четко определить именно содержательную часть кадровой политики государства всех уровней (общегосударственной, региональной, отраслевой, в конкретных организациях), разграничив их между собой. При этом региональные и отраслевые кадровые политики, в том числе и кадровая политика в органах внутренних дел, должны выражать в равной мере и общегосударственные, и региональные (отраслевые) интересы, обеспечивать их баланс на основе стратегии общегосударственного развития;

3) по уровню

государственная кадровая политика является стратегией формирования, развития и востребованности потенциала государственного управления на общегосударственном уровне;

кадровая политика в органах внутренних дел – это механизм реализации государственной кадровой политики в рамках отдельной отрасли экономики и (или) социальной сферы – органов внутренних дел, как составной части системы обеспечения национальной безопасности Республики Беларусь;

4) по принципам

главным принципом государственной кадровой политики является выражение государственного интереса, обеспечение и защита конституционных прав и свобод гражданина в сфере труда;

кадровая политика в органах внутренних дел должна обеспечить реализацию в органах внутренних дел конституционных прав и свобод гражданина в сфере труда с учетом требований, предъявляемых к службе в органах внутренних дел. Кроме того, необходимо выработать частные принципы кадровой политики в органах внутренних дел, которые будут регулировать функционирование отдельных элементов кадровой работы в органах внутренних дел (принципы профессионального отбора, принципы прохождения службы, принципы продвижения по службе, принцип ротации и др.);

5) по функциональному назначению и субъектам управления

государственная кадровая политика – это результат управленческой и правотворческой деятельности государства как главного субъекта управления;

кадровая политика в органах внутренних дел – это компонент и механизм реализации государственной кадровой политики, составная часть управления.

Государственная кадровая политика и работа с кадрами в органах внутренних дел регулируются посредством нормативных правовых актов – официальных документов установленной формы, принятых (изданных) нормотворческим органом (должностным лицом) в пределах его компетенции, который направлен на установление, изменение, официальное толкование, приостановление, возобновление, продление и прекращение действия норм права как общеобязательных правил поведения постоянного или временного характера, рассчитанных на индивидуально не определенный круг лиц и неоднократное применение [13]. Следует отметить, что с момента утверждения в 2001 году Концепции государственной кадровой политики в области нормативного правового обеспечения работы с кадрами в органах внутренних дел сделано немало [14, с.13], однако до настоящего времени в Министерстве внутренних дел отсутствует концепция кадровой политики в органах внутренних дел в качестве программного документа.

Государственная кадровая политика и кадровая политика в органах внутренних дел тесно взаимосвязаны и взаимозависимы. При этом кадровая политика в органах внутренних дел опирается на стратегические ориентиры, заложенные в государственной кадровой политике, и выступает в качестве отраслевой составляющей государственной кадровой политики в Республике Беларусь. Выявленные общие и отличительные черты государственной кадровой политики и кадровой политики в органах внутренних дел позволят разграничить компетенции и определить предмет совместного ведения указанных социально-правовых институтов, обеспечить разработку действенных и эффективных механизмов реализации государственной кадровой политики в органах внутренних дел. Учитывать эти черты принципиально важно для формирования, корректировки, а главное – для реализации кадровой политики в органах внутренних дел. Правовое оформление постулатов кадровой политики в органах внутренних дел в единый стратегический документ позволит эффективно, рационально и результативно совершенствовать систему управления в органах внутренних дел.

Библиографические ссылки

1. Об органах внутренних дел Республики Беларусь [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 17 июля 2007 г., № 263-З // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2023.

2. Программа кадрового обеспечения органов внутренних дел Республики Беларусь на 2016-2020 гг. : утв. Министром внутр. дел Респ. Беларусь 2 февраля 2016 г. – Мн. – 18 с.
3. Положение о Министерстве внутренних дел Республики Беларусь [Электронный ресурс] : Указ Президента Респ. Беларусь, 4 декабря 2007 г., № 611 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2023.
4. Вечер, Л. В. Государственная кадровая политика и государственная служба : учебник / Л. В. Вечер – Минск : Вышэйшая школа, 2020. – 383 с.
5. Носкевич, И.Д. Следственный комитет Республики Беларусь как субъект реализации государственной кадровой политики в системе органов предварительного следствия: административно-правовые аспекты : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.14 / И. Д. Носкевич ; БГУ. – Минск, 2021. – 30 с.
6. Сулемов, В.А. Государственная кадровая политика в современной России: теория, история, новые реалии / В. А. Сулемов ; Рос. акад. гос. службы при Президенте Рос. Федерации. – М. : Изд-во РАГС, 2005 (ОП ИЦ РАГС). – 388, [1] с.
7. Черепанов, В.В. Основы государственной службы и кадровой политики : учеб. пособие для студентов вузов / В.В. Черепанов – М. : ЮНИТИ–ДАНА, Закон и право, 2008. – 575 с.
8. Формирование кадровой политики и управление персоналом государственной службы : учебное пособие / [Сердюк Н. В. и др. ; под общей ред. Г. П. Лозовицкой]. – М. : Академия управления МВД России, 2019. – 76 с.
9. Анисимов, В.М. Кадровая политика России : философская и функциональная основы / В.М. Анисимов // Вопросы философии. – 2010. – № 4. – С. 48-60.
10. Щукина, Т.В. Кадровая политика в системе государственной гражданской службы субъектов Российской Федерации: концептуальные подходы и административно-правовое регулирование : монография / Т.В. Щукина – Воронеж : ИПЦ «Научная книга», 2011. – 650 с.
11. Об утверждении Концепции государственной кадровой политики Республики Беларусь [Электронный ресурс]: Указ Президента Республики Беларусь от 18 июля 2001 г. № // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2021.
12. О вопросах прохождения службы в органах внутренних дел Республики Беларусь [Электронный ресурс] : Указ Президента Респ. Беларусь, 15 марта 2012 г., № 133 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2023.
13. О нормативных правовых актах : Закон Республики Беларусь от 17 июля 2018 г. № 130–З [Электронный ресурс] // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2023.
14. Рыбаключева, О. З. О механизмах реализации государственной кадровой политики в органах внутренних дел Республики Беларусь / О. З. Рыбаключева // APRIORI. Сер.: Гуманитар. науки. – 2015. – № 6. – С. 12–15.

ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ БОРЬБЫ С АДМИНИСТРАТИВНЫМИ ПРАВОНАРУШЕНИЯМИ: СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ

Т.В. Телятицкая

*Белорусский государственный экономический университет,
пр. Партизанский, 26, 220070, г. Минск, Беларусь, tvt@bseu.by*

В статье рассматриваются механизмы и инструменты, используемые в различных странах для предотвращения и борьбы с правонарушениями, а также их эффективность. Обращается внимание на различие в подходах к борьбе с правонарушениями в отдельных зарубежных странах, обозначаются возможные направления развития отечественного законодательства и правоприменительной практики в данной сфере с учетом зарубежного опыта.

Ключевые слова: административные взыскания; наказания; санкции; штраф; правонарушения; юридические лица; ответственность

FOREIGN EXPERIENCE OF FIGHTING ADMINISTRATIVE OFFENSES: A COMPARATIVE LEGAL ANALYSIS

T.V. Telyatitskaya

*Belarusian State Economic University,
Partizansky Ave., 26, 220070, Minsk, Belarus, tvt@bseu.by*

The article discusses the mechanisms and tools used in various countries to prevent and combat legal violations, as well as their effectiveness. Attention is drawn to the differences in approaches to combating legal violations in individual foreign countries, and possible directions for the development of domestic legislation and law enforcement practices in this area are outlined with consideration of foreign experience

Keywords: administrative penalties; punishments; sanctions; fines; legal violations; legal entities; responsibility

Высокий уровень административных правонарушений и тенденция к их росту свидетельствуют о том, что существующая система административного воздействия не всегда эффективна в предотвращении правонарушений. Необходим поиск более эффективных мер административной ответственности, в том числе оптимизация системы и пределов административных взысканий.

В этой связи представляет интерес зарубежный опыт борьбы с административными правонарушениями, который имеет ряд преимуществ и может быть полезен для отечественной правовой системы в процессе поиска оптимальных средств и методов борьбы с правонарушениями.

Следует отметить, что в законодательстве об административных правонарушениях большинства зарубежных стран наблюдается более карательный уклон по сравнению с аналогичным законодательством Республики Беларусь. Например, в некоторых странах административные правонарушения рассматриваются как тяжкие преступления и наказываются соответственно высокими штрафами, лишением свободы и другими санкциями. Так, в Японии административные правонарушения могут быть наказаны штрафами до 1 миллиона иен (около 7 590 долларов США) и лишением свободы до 3 лет. В Германии административные правонарушения также могут быть наказаны штрафами в размере до 50 000 евро и лишением свободы до 5 лет.

Даже в КоАП РФ употребляется термин «наказание» вместо ранее существовавшего (и сохранившегося в законодательстве Республики Беларусь) термина «взыскание». Российские ученые подчеркивают, что такое название мер административной ответственности «удачно раскрывает их карательное содержание и предназначение, а также близость к мерам уголовной ответственности» [1, с. 175]. Тем самым акцентируется внимание на более опасном характере административной противоправности, устанавливается определенная дистанция между мерами административной и дисциплинарной ответственности. Однако, как представляется, в таком случае сужается дистанция между административными и уголовными наказаниями, что нельзя признать оправданным. Все-таки административная ответственность по своей тяжести ближе к дисциплинарной, чем к уголовной. Поэтому подход белорусского законодателя вполне оправдан. Что же касается большинства зарубежных стран, то они используют универсальный термин – санкции. В любом случае бесспорным является то, что «именно в административных наказаниях заключен основной принудительный потенциал, выражающийся в личных имущественных, а также организационных отношениях» [2, с. 33].

Следует отметить, что такой подход может привести к излишней жестокости в отношении мелких правонарушений. Поэтому, несмотря на различия в подходах, изучение зарубежного опыта в области административной ответственности может помочь определить наиболее эффективные меры борьбы с правонарушениями, которые будут соответствовать конкретным условиям и потребностям страны.

КоАП Республики Беларусь предусматривает следующие виды административных взысканий: штраф, общественные работы, администра-

тивный арест, лишение права заниматься определенной деятельностью, депортация, конфискация, взыскание стоимости, запрет на посещение физкультурно-спортивных сооружений.

Законодательство же зарубежных стран в этом плане несколько разнообразнее, хотя штраф предусмотрен везде и практически за все виды административных правонарушений. Другое дело – что есть достаточно интересные подходы в вопросах определения суммы штрафа, а также и выбора альтернативных санкций.

Можно выделить пять основных подходов к наложению штрафов в законодательстве зарубежных стран:

1. *Пропорциональный подход*: штрафы за административные правонарушения могут быть наложены с учетом уровня дохода виновного лица. Таким образом, они могут быть более высокими для лиц с высоким доходом и меньшими для лиц с низким доходом. Этот подход позволяет более справедливо учитывать финансовые возможности нарушителя и гарантировать, что размер штрафа будет ощутимым и пропорциональным его доходам, однако может потребовать дополнительных усилий и времени для определения доходов виновного лица и их учета при определении размера штрафа.

Так, в США на федеральном уровне принята система «Federal Poverty Guidelines» для определения минимального уровня дохода, который должен сохраняться у лица после уплаты штрафа за нарушение [3].

В Канаде размеры штрафов могут также зависеть от доходов виновного лица. Например, в провинции Онтарио в 2021 году введены изменения в законодательство, которые позволяют судьям учитывать доходы и финансовое положение лица при определении размера штрафа [4].

2. *Абсолютный подход*: штрафы за административные правонарушения устанавливаются на основе фиксированной суммы, которая не зависит от дохода виновного лица.

Например, в Великобритании штрафы за нарушения в области безопасности дорожного движения устанавливаются на основе таблицы, которая определяет размер штрафа в зависимости от типа нарушения [5]. В Германии размеры штрафов за административные правонарушения также устанавливаются на основе фиксированной суммы, которая зависит от тяжести нарушения [6].

Абсолютный подход к наложению штрафов может иметь свои преимущества, например, он может обеспечивать большую прозрачность и предсказуемость размеров штрафов. Однако, он не всегда справедливо учитывает финансовые возможности виновного лица, и в некоторых случаях может создавать дополнительные финансовые трудности.

3. Система «очков»: каждое административное правонарушение оценивается определенным количеством очков, и сумма штрафа определяется на основе количества набранных очков.

В частности, в США система «очков» используется для наложения штрафов за нарушения правил дорожного движения и определяется штатами самостоятельно. Каждое нарушение оценивается определенным количеством очков, и сумма штрафа зависит от количества набранных очков. Например, в Калифорнии за превышение скорости на 1-15 миль в час водитель может получить 1 очко, на 16-25 – 2 очка, на 26 и более – 3 очка, за проезд на красный свет – 1 очко. Если водитель набирает 4 очка или больше за нарушения правил дорожного движения в течение 12 месяцев, ему будет выслано письмо с предупреждением (Warning Letter) от California Department of Motor Vehicles (DMV). Это предупреждение содержит информацию о количестве очков, которые были начислены за последние 12 месяцев, и напоминает водителю об ответственности за безопасное вождение. При наборе 6 очков в течение 12 месяцев, DMV может потребовать от водителя прохождения курса обучения безопасному вождению (Traffic Violator School) в качестве условия для сохранения водительского удостоверения. Водитель также должен заплатить плату за участие в курсе. Если водитель набирает 8 очков или больше в течение 12 месяцев, DMV может временно отозвать водительское удостоверение на период от 6 до 12 месяцев [7].

Система «очков» позволяет более точно учитывать тяжесть каждого нарушения и оценивать его в соответствии с принятой шкалой. Однако, она может вызывать споры и неодобрение со стороны нарушителей, которые могут считать, что система не учитывает их индивидуальные обстоятельства.

4. *Индивидуальный подход*: основан на оценке степени вины виновного лица и учете его индивидуальных обстоятельств, таких как доход, семейное положение, здоровье и т.д.

Например, в Финляндии размер штрафа за превышение скорости зависит от нескольких факторов, включая скорость превышения, наличие других нарушений, индивидуальные обстоятельства нарушителя и т.д. Также, в Финляндии размер штрафа может быть уменьшен или отменен, если нарушитель признает свою вину и выполняет дополнительные требования, такие как прохождение курсов по безопасности дорожного движения [8].

Индивидуальный подход может быть полезен для обеспечения более справедливого и пропорционального наложения штрафов за административные правонарушения, так как он позволяет учитывать индивидуальные обстоятельства каждого нарушителя. Однако, он также может вызывать

споры и неодобрение со стороны общественности, которая может считать, что некоторые нарушители получают слишком мягкие наказания, основанные на своем социальном и экономическом статусе.

5. *Альтернативные санкции:* могут быть применены вместо штрафа и направлены на исправление поведения нарушителя и могут быть более эффективны в предотвращении дальнейших нарушений.

Так, в Германии нарушители ПДД могут быть отправлены на курсы по безопасности дорожного движения, а также выполнять общественно-полезные работы. В Нидерландах нарушители могут быть отправлены на «курсы правильного поведения на дороге». В Японии нарушители ПДД направляются на курсы по обучению правилам дорожного движения, а также выполняют общественно-полезные работы. В Канаде нарушители могут быть отправлены на курсы по управлению гневом или тренинги по управлению финансами, если их нарушения связаны с агрессивным поведением на дороге или нарушением законов о финансовых операциях.

Кроме вышеперечисленных, в зарубежных странах встречаются такие санкции, как: направление на предупредительную программу, предупреждающую о последствиях правонарушения и направленную на изменение поведения; отработка ущерба (нарушитель может выполнять определенную работу для компенсации ущерба, который был нанесен жертве правонарушения); ответственность за поведение (нарушитель может быть приговорен к наблюдению со стороны психолога или специалиста по социальной работе, чтобы помочь ему изменить свое поведение).

Можно встретить и экзотические, в нашем понимании, санкции. Например, в Японии при нарушении правил дорожного движения на велосипеде налагается штраф в размере 50 000 иен (около 380 долларов США) или нарушитель отправляется на специальный курс по безопасности на дорогах.

В Тайланде нарушителей правил поведения в общественном транспорте могут отправить на обязательное обучение этикету в общественном транспорте. Кроме того, в некоторых случаях нарушители могут быть вынуждены сесть на колени в общественном месте в течение нескольких минут.

В некоторых городах Индии, таких как Мумбаи и Бангалор, нарушители правил дорожного движения могут быть отправлены на обязательные курсы йоги, чтобы научиться контролировать свой гнев и стресс.

Некоторые суды в Новой Зеландии могут назначать альтернативную санкцию, называемую «перерывом для думающих», где нарушители должны провести несколько часов одни и задуматься над своим поведением.

В некоторых городах Германии нарушители могут быть отправлены на «курсы счастья», где они будут учиться справляться со стрессом и находить баланс в своей жизни.

В Италии нарушители правил парковки могут быть наказаны так называемой «бесплатной парковкой», которая заключается в том, что нарушитель должен провести определенное время убирая улицы от мусора.

В некоторых провинциях Канады нарушители правил дорожного движения могут быть отправлены на обязательные курсы безопасности на дорогах, которые проводятся в течение нескольких месяцев.

Во Франции нарушители правил дорожного движения могут быть отправлены на обязательные курсы по вождению, которые включают теоретические занятия и практические уроки на автомобиле.

В Южной Корее нарушители правил дорожного движения могут быть наказаны отправкой на специальные курсы, где они учатся управлять электросамокатами, что позволяет им лучше понимать особенности движения на дорогах и снижает риск повторения нарушений [9].

Это лишь некоторые примеры необычных санкций, применяемых в различных странах. Несмотря на то, что они могут показаться экзотическими, такие санкции могут быть очень эффективными в предотвращении повторения правонарушений.

Каждый подход к наложению санкций за правонарушения имеет свои преимущества и недостатки, и выбор определенного подхода зависит от многих факторов, включая конкретную ситуацию и особенности правовой системы в каждой стране.

Таким образом, при изучении зарубежного опыта борьбы с административными правонарушениями можно выделить определенные положительные моменты, которые можно применить в Республике Беларусь, такие как более широкое использование альтернативных санкций, учет уровня дохода виновного лица при наложении штрафов и более дифференцированный подход к определению размера санкций в зависимости от степени вины.

Библиографические ссылки

1. Серков, П.П. Административная ответственность: проблемы и пути совершенствования: дис. ... д.ю.н.: 12.00.14 / П.П. Серков. – М., 2010. – 351 с.
2. Административное принуждение в финансово-экономической сфере: состояние и тенденции развития: моногр. / кол. авторов; под ред. А.В. Куракина, Г.Ф. Ручкиной. – М.: РУСАЙНС, 2021. – 210 с.
3. Federal Poverty Guidelines [Электр. ресурс]. – Режим доступа: <https://www.healthcare.gov/glossary/federal-poverty-level-fpl/>. – Дата доступа: 28.03.2023.

4. Provincial Offences Act and the Fine Option Program, 1990. [Электр. ресурс]. – Режим доступа: <https://www.ontario.ca/laws/statute/90p33>. – Дата доступа: 30.03.2023.
5. Road Traffic Offenders Act, 1988. [Электр. ресурс]. – Режим доступа: <https://www.legislation.gov.uk/ukpga/1988/53/contents>. – Дата доступа: 30.03.2023.
6. Ordnungswidrigkeitengesetz, OWiG, 1968. [Электр. ресурс]. – Режим доступа: <https://www.gesetze-im-internet.de/owig/>. – Дата доступа: 29.03.2023.
7. Negligent Operator Treatment System (NOTS), 1959. [Электр. ресурс]. – Режим доступа: <https://www.ticketcrusherslaw.com/traffic-ticket/negligent-operator-hearings/#:~:text=The%20Negligent%20Operator%20Treatment%20System,identify%20negligent%20or%20careless%20drivers>. – Дата доступа: 23.03.2023.
8. Закон о дорожном движении Финляндии (Liikennelaki), 1981. [Электр. ресурс]. – Режим доступа: <https://www.finlex.fi/fi/laki/ajantasa/1981/19811269>. – Дата доступа: 30.03.2023.
9. Alternatives to Fines for Low-Level Offenders: An International Review [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.aic.gov.au/publications/tandi/tandi463>. – Дата доступа: 30.03.2023.

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ПРАВА ЕАЭС В ОБЛАСТИ ВНЕШНЕЙ ТОРГОВЛИ

О. Н. Толочко

*Белорусский государственный университет, кафедра государственного управления, г.
Минск, ул. Ленинградская, 8, 220030, o.tolochko@mail.ru*

В статье анализируются актуальные проблемы правового регулирования взаимной и внешней торговли в Евразийском экономическом союзе. Автор делает вывод о необходимости его совершенствования, однако важной предпосылкой является модернизация национального экономического законодательства государств-участников, а также их законов о государственном регулировании внешней торговли.

Ключевые слова: ЕАЭС; правовое регулирование; внешняя торговля; взаимная торговля; экономическое законодательство; унификация права

IMPROVING THE LAW OF THE EAEU IN THE FIELD OF FOREIGN TRADE

O. N. Tolochko

*Belarusian State University, Leningradskaya st. 8, 220030
Minsk, Belarus, o.tolochko@mail.ru*

The article analyzes the actual problems of legal regulation of mutual and foreign trade in the Eurasian Economic Union. The author concludes that it needs to be improved, but an important prerequisite is the modernization of the national economic legislation of the participating states, as well as their laws on state regulation of foreign trade.

Keywords: EAEU; legal regulation; international trade; mutual trade; economic legislation; unification of law

Инклюзивное развитие экономики, обеспечивающее благосостояние всех групп населения, немислимо без внешней торговли. Как любое государство, Беларусь интегрирована в мировые экономические процессы и зависит от международной конъюнктуры. Развитие мировой экономики, определяемое цифровой трансформацией и связанным с ней сокращением цепочек производства, обуславливает регионализацию как активизацию экономического сотрудничества отдельных групп государств в определённых сферах деятельности. Для Беларуси одним из важных факторов развития внешней торговли является участие в Евразийском экономическом союзе (ЕАЭС).

Наиболее успешной является интеграция государств, достаточно близких по уровню экономического развития. Основными предпосылками интеграционного процесса являются:

- достаточная близость текущего уровня экономического развития государств-участников;
- наличие общих границ, а также исторически сложившихся экономических связей;
- схожесть экономических проблем и вызовов, которые стоят перед участниками интеграционного объединения [1].

В настоящее время ЕАЭС соответствует приведенным критериям не в полной мере. Уровень экономического развития государств-участников разный, как и масштабы их экономик. Явным лидером является Российская Федерация, а экономики таких государств как Армения или Кыргызстан дают менее 1% совокупного ВВП Союза. Различны также структура экономик (развитие промышленности, энергетического комплекса, сферы услуг и др.); степень инклюзивности (включённости регионов и социальных групп) и уровень благосостояния населения; правовые системы; модели государственного управления. У одного из государств – членов Союза (Армении) нет общих границ с другими государствами-членами.

В мировой практике расширение и углубление интеграционных процессов, как правило, базируется на развитии рыночных отношений, которое осуществляется за счет следующих факторов:

- переход к свободной торговле между странами интеграционного объединения;
- унификация системы импорта из третьих стран на территорию союза и защиты внутренних производств от такого импорта (на начальном этапе формирования союза);
- единая экономическая политика (на начальном этапе формирования союза);
- валютный союз или введение единой валюты (на заключительном этапе формирования союза) [1].

Анализ экономической статистики, а также законодательной базы ЕАЭС и государств-участников показывает, что на текущем этапе сформировались лишь некоторые из указанных выше предпосылок. Режим свободной торговли, декларированный еще на этапах СНГ и ЕврАзЭС, в полной мере так и не сложился. Единая экономическая политика находится в стадии становления; в последние годы этот процесс замедлился, а по некоторым позициям обратился вспять. Вопрос валютного союза периодически поднимается на политическом уровне, однако экономических предпосылок к его формированию пока нет. На январь 2022 г. доля взаимной торговли в общем объеме внешней торговли составила 11,4% (в январе 2021 г. эта до-

ля составляла 14,9%) [2]. Более поздних данных пока нет.

Фактические данные свидетельствуют о наличии в Союзе определённых проблем. В условиях, когда взаимная торговля составляет лишь малую часть внешнеторгового оборота Союза, его участники слабо заинтересованы в согласовании интересов и унификации законодательства. Вместе с тем, ЕАЭС интересен каждому из государств-участников. Мотивация в большинстве случаев различна, экономические противоречия остаются, однако логика современных экономических процессов ведёт к тому, что развитие Союза при условии проведения определённых реформ оправдано и целесообразно.

Как и другие государства-участники, Беларусь заинтересована в доступе к российским ресурсам и рынкам. В условиях регионализации и сокращения цепочек производства страны мира всё чаще замыкаются на экономические союзы, такие как ЕС, USMCA (Соглашение о свободной торговле между США, Канадой и Мексикой), АСЕАН и др. Ни одно государство не способно сегодня развиваться без внешней торговли, иностранных инвестиций, международного транспорта, общих с соседями рынков технологий, труда и т. д. Для Беларуси максимально удобными являются рынки соседних государств, а согласование экономических интересов в целом более эффективно в условиях институционального интеграционного объединения, нежели в двусторонних форматах. Поэтому совершенствование права ЕАЭС представляет собой актуальную задачу как для Союза, так и для каждого из государств-членов.

Анализ показателей развития экономик государств – членов ЕАЭС и их взаимной и внешней торговли даёт основания к следующим выводам:

- ЕАЭС ценен и полезен с точки зрения географического соседства, исторической близости государств-участников, а также объективных процессов регионализации внешней торговли в мировой экономике;
- на данный момент ЕАЭС не является эффективным интеграционным образованием, поскольку на него приходится лишь малая часть внешней торговли государств-участников;
- повышение эффективности ЕАЭС вряд ли достижимо без совершенствования его правовой базы;
- реформированию права ЕАЭС должно предшествовать совершенствование внутреннего права стран-участниц, стимулирующее экономический рост и развитие внешней торговли в каждой из них;
- доминирующая роль российской экономики в ЕАЭС объективно обуславливает её лидерство в формировании права ЕАЭС, однако преимущества экономического законодательства Российской Федерации сегодня неочевидны;
- расширение компетенции регуляторных органов, таких как, в част-

ности, Евразийская экономическая комиссия (ЕЭК) и ее структуры, на данном этапе вряд ли оправдано.

Углубление интеграции в форме расширения компетенции органов ЕАЭС давно продвигается в литературе. Так, в докладе «Евразийская экономическая интеграция: перспективы развития и стратегические задачи для России», подготовленном в 2019 г. специалистами Высшей школы экономики, предлагается учредить и наделить специальными полномочиями целый ряд «наднациональных» структур: позиции специальных представителей государств-членов с постоянным штатом и полномочиями оперативного реагирования на инициативы ЕЭК; постоянно действующий институт Евразийского экономического совета со своим секретариатом; постоянно действующий орган наднационального взаимодействия для обеспечения контроля и регулирования экономической политики стран-членов и др. Авторы доклада также полагают, что «нельзя допускать ослабления или упразднения механизмов контроля и принуждения государств-членов к выполнению взятых на себя обязательств» [3].

С.Ю. Глазьев, Член Коллегии (Министр) по интеграции и макроэкономике ЕЭК, также предлагает значительное расширение штата и полномочий органов ЕАЭС. По его мнению, необходимо наделить Евразийскую экономическую комиссию (ЕЭК) полномочиями по корректировке импортного тарифа и введению защитных мер. ЕЭК также должна принимать решения об изменении ставок Единого таможенного тарифа. Автор предлагает исключить возможность применения права вето по ряду вопросов; наделить ЕЭК полномочиями по ведению статистической базы Союза, по унификации норм регулирования экспорта продовольствия и сельскохозяйственных товаров и др.; сформировать Фонд развития ЕАЭС, разработать и внедрить механизм стабилизации валютных курсов, подготовить предложения по введению наднациональной расчетной единицы и др. Предлагается также наделить ЕЭК полномочиями по расследованию манипуляций финансовым рынком и, в конечном счете, «представляется совершенно необходимым провести гармонизацию норм уголовной и административной ответственности за нарушение союзного законодательства» [4]. При этом в структуре ЕЭК в настоящее время функционируют Совет, Коллегия, 25 департаментов, научно-технический совет, Консультативный совет по взаимодействию ЕЭК и Делового совета ЕАЭС и 23 консультативных комитета, в каждом из которых до 10 подкомитетов и рабочих групп. Общая численность персонала ЕЭК еще до создания ЕАЭС, на январь 2013 г., составляла более 1000 человек. С расширением Союза до 5 членов она ещё увеличилась.

В Стратегических направлениях развития Евразийской экономической интеграции до 2025 года приведенные выше предложения отражения

не нашли, что свидетельствует о неготовности государств-членов кардинально расширять полномочия органов Союза, передавая соответствующие функции на его уровень.

Основными проблемами развития интеграционных процессов в ЕАЭС специалисты называют необходимость наращивания товарооборота между странами и увеличение доли таких участников, как Армения и Кыргызстан; различия в подходах к таможенно-тарифному и нетарифному регулированию; неравный уровень развития таможенного администрирования стран-участниц на национальном уровне, что усложняет процедуру перемещения товаров по таможенной территории и требует от участников внешнеэкономической деятельности подготовки дополнительных документов на перемещаемые товары [1]. Исходя из этого, – полагают Н.Ф. Огнева и И.В. Броян, – главная задача для всех участников ЕАЭС заключается в укреплении экономических связей между странами, гармонизации таможенного законодательства на национальном уровне с учетом соблюдения суверенитета государств и их интересов, что является одним из самых сложных вопросов [1, с. 46–48].

Нам представляется, что на данном этапе для стимулирования внешней торговли и, в конечном счёте, роста потенциала инклюзивной экономики, необходимо сместить акценты в пользу совершенствования национального законодательства о внешней торговле.

Представляется целесообразным при выработке государственной позиции по вопросам евразийской интеграции исходить из того, что существующие институциональные структуры и полномочия исполнительных органов достаточны, а по некоторым позициям даже, возможно, избыточны (численность персонала, количество департаментов, консультативных органов и др.).

Унификация законодательства в рамках Союза должна происходить постепенно, по инициативе государств-участников и базироваться на передовом опыте наиболее успешных, а не крупных, государств-участников, а также на опыте стран за пределами Союза, если они демонстрируют хорошую динамику и устойчивый инклюзивный рост.

Необходимо принять законодательные, финансовые и организационные меры по стимулированию внешней торговли и укреплению позиций отечественных субъектов хозяйствования на внешних рынках. Улучшение экономического положения предприятий, усиление конкурентоспособности товаров и услуг, включение во внешнюю торговлю малых и средних предприятий и, в итоге, инклюзивный рост внешнеторгового оборота будет способствовать, в том числе, развитию интеграционных процессов.

Действующий Закон Республики Беларусь «О государственном регулировании внешнеторговой деятельности» 2004 г. с момента принятия ни

разу не изменялся, что, возможно, свидетельствует не столько о его высоком качестве, сколько об отсутствии интереса со стороны законодателя к предмету регулирования – внешнеторговой деятельности предприятий. Для сравнения, российский Закон «Об основах государственного регулирования внешнеторговой деятельности» 2003 г. [5] изменялся уже 16 раз.

Действующий Закон предусматривает 4 метода государственного регулирования внешнеторговой деятельности: таможенно-тарифное регулирование; нетарифное регулирование; запреты и ограничения внешней торговли услугами и объектами интеллектуальной собственности; меры экономического и административного характера, содействующие развитию внешнеторговой деятельности. Из этих четырёх три в настоящее время переданы на уровень ЕАЭС. Однако, во-первых, это не означает, что национальный законодатель должен отказаться от собственной роли в регулировании указанных процессов. Во-вторых, потенциал четвертого из названных методов, – «мер экономического и административного характера, содействующих развитию внешнеторговой деятельности», – задействован далеко не в полной мере. Так, например, предусмотренные ст. 36 Закона программы развития внешнеторговой деятельности не разрабатывались и не принимались, а большинство мероприятий по стимулированию внешней торговли были направлены на развитие отдельных субъектов хозяйствования.

Как представляется, пришло время для разработки инклюзивной программы развития внешней торговли, содержащей стимулирующие меры для предприятий всех форм собственности, ведущих внешнеторговую деятельность, особенно малых и средних предприятий.

Поддержка внешнеторговой деятельности, как представляется, может иметь следующие формы:

- увеличение количества предприятий, участвующих во внешнеторговой деятельности, в том числе за счет частного сектора;
- стимулирование малых и средних предприятий к экспорту товаров и услуг за счет льготного кредитования и организационной поддержки;
- организация диалога между государственными органами и бизнесом для совместного выявления и решения проблем;
- аккумуляция и публикация актуальной аналитической информации о зарубежных рынках и условиях торговли на них и др.

Таким образом, важным фактором развития внешней торговли Беларуси является участие в ЕАЭС. Однако в условиях, когда взаимная торговля составляет лишь малую часть внешнеторгового оборота ЕАЭС, его участники слабо заинтересованы в согласовании мер экономической политики и, соответственно, унификации законодательства. Реформированию права ЕАЭС должно предшествовать совершенствование внутреннего пра-

ва стран-участниц, стимулирующее инклюзивный экономический рост и развитие внешней торговли в каждой из них. Расширение компетенции регуляторных органов, таких как, в частности, ЕЭК и ее структуры, на данном этапе вряд ли оправданно. Для стимулирования внешней торговли и роста экономики целесообразно сместить акценты в пользу совершенствования национального законодательства о внешней торговле.

Библиографические ссылки

1. Огнева, Н. Ф. Развитие интеграционных процессов стран-членов Евразийского экономического союза / Н. Ф. Огнева, И. В. Броян // Вестник евразийской науки. – 2022. – Т. 14. – № 3. – С. 37–49.

2. Об итогах внешней и взаимной торговли товарами государств – членов Евразийского экономического союза. Январь 2022 года // Евразийская экономическая комиссия [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://eec.eaeunion.org/upload/iblock/e6f/January2022.pdf>. – Дата доступа: 22.03.2023.

3. Евразийская экономическая интеграция: перспективы развития и стратегические задачи для России. Доклад НИУ ВШЭ. При участии Всемирного банка. – Москва: Высшая школа экономики, 2019. – 123 с. // Высшая школа экономики [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.hse.ru/data/2019/04/12/1178006152/11%20%D0%95%D0%B2%D1%80%D0%B0%D0%B7%D0%B8%D0%B9%D1%81%D0%BA%D0%B0%D1%8F_%D0%B8%D0%BD%D1%82%D0%B5%D0%B3%D1%80%D0%B0%D1%86%D0%B8%D1%8F.pdf. – Дата доступа: 22.03.2023.

4. Глазьев, С. Ю. О стратегических направлениях развития ЕАЭС / С.Ю. Глазьев // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. – 2020. – № 1. – С. 11–30.

5. Об основах государственного регулирования внешнеторговой деятельности: Федеральный Закон от 08 декабря 2003 г. № 164-ФЗ // Консультант Плюс [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_45397/. – Дата доступа: 22.03.2023.

ВВЕДЕНИЕ В ТРАНСФЕРТНОЕ ЦЕНООБРАЗОВАНИЕ И ПРОБЛЕМА ЕГО ОПРЕДЕЛЕНИЯ В НАЛОГОВОМ ПРАВЕ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Н.В. Хашковский

*Белорусский государственный университет,
ул. Ленинградская 8, 220030, г. Минск, Беларусь, khashkovsky.nv@gmail.com*

Статья посвящена трансфертному ценообразованию, неправильное определение которого ведет к необоснованному занижению размера налоговой базы по налогу на прибыль. В статье кратко рассмотрены развитие и понятие института, основополагающий принцип, проблематика определения в налоговом праве.

Ключевые слова: налогообложение, трансфертное ценообразование, трансфертная цена, взаимозависимые лица, принцип «незаинтересованности сторон»

INTRODUCTION TO TRANSFER PRICING AND THE PROBLEM OF ITS DETERMINATION IN THE TAX LAW OF THE REPUBLIC OF BELARUS

N.V. Khashkovsky

*Belarusian State University, Leningradskaya st. 8, 220030
Minsk, Belarus, khashkovsky.nv@gmail.com*

The article is devoted to transfer pricing, the incorrect definition of which leads to an unjustified understatement of the tax base for profits tax. The article briefly discusses the development and concept of the institution, the underlying principle, the problems of its definition in tax law.

Keywords: taxation, transfer pricing, transfer price, interdependent persons, the principle of "disinterest of the parties"

На сегодняшний день наиболее простыми и одними из самых распространенных способов оптимизации налогообложения в компании являются, во-первых, размещение денежных средств в классических оффшорных или иных низконалоговых юрисдикциях, а во-вторых, установление в сделках между взаимозависимыми компаниями цен, которые в значительной степени отличаются от рыночных, что снижает или сводит к нулю налоговую базу по налогу на прибыль.

С одной стороны, такие способы позволяют налогоплательщикам снизить расходы на финансирование одной из основных статей затрат и обеспечить снижение уровня налоговой нагрузки.

С другой стороны, отсутствие регулирования влечет умышленное выведение денежных средств из экономики государства и значительное снижение доходов бюджета от налогообложения.

Поэтому в последнее время проблемам установления нерыночных цен и перевода денежных средств в оффшорные и иные юрисдикции на международном уровне уделяется все больше внимание.

В международной практике цена в сделках между взаимозависимыми субъектами именуется трансфертной [1], а процесс ее установления – трансфертным ценообразованием (ТЦО).

Зарождение ТЦО в мировой практике связано с возникновением в Соединённых Штатах Америки (США) необходимости урегулировать ценообразование при распределении денежных средств в рамках транснациональных корпораций и иных объединений компаний, расположенных в разных юрисдикциях, и устранением возможности вывода денежных средств из американской экономики.

Вслед за национальным регулированием в пределах США постепенно стало развиваться и международное налогообложение в части противодействия размыванию налоговой базы и перемещению прибыли, которое в настоящий момент отражено в ключевых документах, носящих рекомендательный характер, а именно в Типовой конвенции ОЭСР о налогообложении доходов и капитала, Руководстве Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) по ТЦО и в Практическом руководстве Организации Объединенных Наций (ООН) по ТЦО для развивающихся стран. Из документов следует, что ТЦО – это общий термин для обозначения ценообразования трансграничных внутригрупповых сделок с товарами, нематериальными активами или услугами [1], основанный на базисном стандарте (принципе) ТЦО – принципе «незаинтересованности сторон» (принцип «на расстоянии вытянутой руки», the Arm's Length Principle), то есть равноправие и независимость сторон сделки.

В контексте ТЦО принцип признан основополагающим для оценки ценообразования внутри группы компаний и означает применение к заключаемой сделке таких же условий относительно цены, как и к аналогичным сделкам независимо от характера взаимосвязи между сторонами. Иными словами, две зависимые между собой компании обязаны устанавливать цену так, как бы установили, если не были взаимозависимыми. Принцип применяется в настоящее время в международном налоговом праве, национальном законодательстве иностранных государств, а также в

налоговом законодательстве Республики Беларусь, хоть прямо так и не поименован.

В Республике Беларусь становление самостоятельного института ТЦО началось с внесения в 2002 г. в ст. 20 Кодекса Республики Беларусь от 29.12.2009 № 71-З «Налоговый кодекс Республики Беларусь (Общая часть)» (НК) ключевого понятия ТЦО «взаимозависимые лица», которое не было лишено недостатков.

В 2012 г. в НК введена новая ст. 30-1, закрепившая принципы определения цены на товары для целей налогообложения, которые, фактически, и являлись правилами ТЦО.

В 2014 г. сфера применения ст. 30-1 НК расширена с товаров до работ, услуг, имущественных прав, а в 2018 г. качественно новый и полноценный механизм регулирования ТЦО закреплен в самостоятельной главе 11 НК «Принципы определения цены на товары (работы, услуги), имущественные права для целей налогообложения».

Несмотря на длительное существование рассматриваемого института, его функционирование, а также контроль за правильностью установления трансфертных цен начались только в 2019 г. За период с 2014 по 2018 гг. включительно отсутствует судебная практика и практика налоговых органов на тему нарушения ТЦО, также нет открытой информации о применении трансфертных цен организациями [3, с. 210].

По мнению автора, одним из основных недостатков белорусских правил регулирования ТЦО выступает отсутствие как в названии главы 11 НК, так и по ее тексту специальной терминологии «трансфертное ценообразование» или «трансфертная цена», в отличие, например, от законодательства Республики Казахстан, основанного на самостоятельном Законе «О ТЦО», принятом в 2008 г. Хотя фактически правила, предусмотренные главой 11 НК, относятся к применяемому в международной практике механизму ТЦО, имплементация которого произошла в национальное законодательство Республики Беларусь, и, конечно, не без адаптации.

В текущем названии главы 11 НК акцент смещается, во-первых, с «взаимозависимости», то есть с необходимого условия для отнесения сделки к категории контролируемой со стороны налоговых органов, а во-вторых, с ключевого принципа «независимости сторон сделки», и переносится на ценообразование в целом, что является предметом правового регулирования отношений в области классического ценообразования, а не отношений по поводу установления трансфертной цены в сделках между взаимозависимыми компаниями.

Без акцентирования внимание на внутрифирменном характере ценообразования происходит расширение сферы действия главы 11 НК, принцип же «независимости сторон сделки», которому такое ценообразование

должно соответствовать, в названии главы вообще не учитывается, а по тексту к нему дается лишь косвенная отсылка через употребление терминологии «соответствие рыночной цене».

Подход к наименованию, терминологии, построению главы усложняет процесс осознания сущности и применения института ТЦО, позволяет контролирующим органам необоснованно применять несуществующую терминологию в официальных документах и не согласуется с подходом, применяемым в международной практике, а в связи с проводимой в Беларуси адаптацией законодательства в сфере ТЦО под международные рекомендации, необходимо следовать его стандартам, которые не изменят практику применения ТЦО, но приведут национальное регулирование в соответствие международному и будут способствовать формированию единообразного толкования и понимания.

В пользу официального закрепления терминологии свидетельствуют возрастающее значение ТЦО на международном уровне, которому в настоящее время уделяется особое внимание, а также многочисленные случаи использования терминологии внутри Беларуси.

По мнению специалистов Министерства финансов Республики Беларусь, ТЦО – это применение внутрифирменной стоимости (отличной от рыночной) при перераспределении общей прибыли группы лиц в пользу компаний, находящихся в государствах с более низкими налогами, путем реализации товаров или услуг взаимозависимым лицам [4, с. 34-36]. Трансфертные цены, как следует из комментариев Министерства по налогам и сборам Республики Беларусь (МНС), – это цены, отличные от тех, которые имели бы место в сделках, соответствующих рыночным условиям, прибыль от осуществления которых могла бы быть получена лицами, являющимися сторонами сделки, но вследствие указанного отличия не была получена [4].

При этом налоговые органы используют такую терминологию в своих официальных разъяснениях, а в управлении международного налогового сотрудничества (структурное подразделение центрального аппарата МНС) существует «Отдел трансфертного ценообразования» [5].

Таким образом, с точки зрения доктринального подхода, ТЦО можно определить как особый способ установления цены между взаимозависимыми лицами по определенным видам сделок, подлежащим контролю на предмет соответствия их цены рыночной, с использованием предусмотренной в НК методологии и в целях предотвращения занижения размера налоговой базы по налогу на прибыль.

Более того, специальную терминологию можно встретить в официальных документах национального и международного характера.

Приказ МНС от 29.11.2017 № 132 «О реализации Указа Президента Республики Беларусь от 19.09.2017 № 338», изданный в целях регламентации процедур в рамках института налоговых консультантов, определяет ТЦО как синоним принципов определения цены на товары (работы, услуги) для целей налогообложения. Образовательный стандарт переподготовки руководящих работников и специалистов по специальности «1-25 01 87», утвержденный Постановлением Министерства образования Республики Беларусь от 31.05.2019 № 70, причисляет к профессиональным компетенциям специалиста по внешнеторговому сотрудничеству «умение осуществлять ТЦО».

На международном уровне таких актов еще больше. Межпарламентской Ассамблеей Евразийского экономического сообщества 11.04.2013 принято постановление № 15-7 «О типовом проекте законодательного акта «О трансфертном ценообразовании», а в рамках Содружества Независимых Государств Межпарламентской Ассамблеей 19.04.2019 принято постановление № 49-11 «О третьей части «Налоговое администрирование» модельного Налогового кодекса, регламентирующего в том числе вопросы налогового контроля при ТЦО.

В соответствии с международным подходом к ТЦО в рамках региональных интеграционных объединений трансфертная цена является синонимом ТЦО и определяется как цена, которая формируется между взаимосвязанными сторонами и (или) отличается от объективно формирующейся рыночной цены с учетом диапазона цен при совершении сделок между независимыми сторонами, подлежащая контролю в соответствии с законодательством [6]. Такое определение, например, Казахстан полностью продублировал в своем законе.

Таким образом, с точки зрения законодательного подхода в Республике Беларусь, ТЦО можно определить следующим образом: это «установление цены в сделках, подлежащих контролю на предмет соответствия рыночным ценам, между взаимозависимыми и приравненными к ним лицами, а также в сделках с не взаимозависимыми лицами в случаях, установленных законодательными актами».

При закреплении специальной терминологии следует исходить из отождествления понятий «ТЦО» и «трансфертная цена», а ТЦО как налоговый институт определять через совокупность содержащихся только в НК норм, регулирующих отношения по поводу установления соответствующих цен.

Подытоживая изложенное, можно сделать следующие выводы:

1) специальная терминология, определяющая правовую природу налогового института ТЦО, носит доктринальный характер, преимуще-

ственно используется в научной литературе и обиходе практических работников контролирующих органов;

2) с целью устранения искусственного расширения сферы действия наименования главы 11 НК, формирования единообразного применения, толкования ТЦО, правильного понимания его сущности, а также учета международных рекомендаций следует переименовать главу 11 НК в «Трансфертное ценообразование», а в положении, регламентирующем общие подходы к ТЦО, закрепить его определение и акцентировать внимание на принципе «независимости сторон».

Библиографические ссылки

1. Transfer pricing [Electronic resource] // The Organization for Economic Cooperation and Development (OECD). – Mode of access: https://read.oecd-ilibrary.org/taxation/oecd-transfer-pricing-guidelines-for-multinational-enterprises-and-tax-administrations-2022_0e655865-en#page1. – Date of access: 19.03.2023.

2. Налоговый кодекс Республики Беларусь (Общая часть) [Электронный ресурс] : 19 декабря 2002 г., № 166-З : принят Палатой представителей 15 ноября 2002 г. : одобр. Советом Респ. 2 декабря 2002 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 30.12.2022 г. // ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2023.

3. Лычагина, Е. С. Цифровизация трансфертного ценообразования в Республике Беларусь / Е. С. Лычагина // Социально-экономическое развитие организаций и регионов в условиях цифровизации экономики : междунар. науч.-практ. конф., Витебск, 01-31 окт. 2020 г. / Витеб. государ. техн. ун-т ; ред.: А. А. Кузнецов [и др.]. – Витебск, 2020. – С. 209-212.

4. Дашкевич, Е. А. Трансфертное ценообразование: Беларусь и мировая практика / Е. А. Дашкевич // Финансы, Учёт, Аудит. – 2015. – № 7 (258). – С. 34-36.

5. Трансфертное ценообразование [Электронный ресурс] // Министерство по налогам и сборам Респ. Беларусь. – Режим доступа: https://nalog.gov.by/organizations/transfer_pricing/?ysclid=lbsakddxq7589300324. – Дата доступа: 19.03.2023.

6. О типовом проекте законодательного акта «О трансфертном ценообразовании» [Электронный ресурс] : Постановление Межпарламентской Ассамблеи Евразийского экономического сообщества, 11 апреля 2013 г., № 15-7 // ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2023.

**АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ПРАВА
ЕВРАЗИЙСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОЮЗА В КОНТЕКСТЕ
УКРЕПЛЕНИЯ ИНТЕГРАЦИИ И КООРДИНАЦИИ РАЗВИТИЯ
ТРАНСПОРТНОЙ ИНФРАСТРУКТУРЫ**

О.А. Хотько

*Белорусский государственный университет
ул. Ленинградская, 8, 220030, г. Минск, Беларусь, o.a.khatsko@gmail.com*

В статье анализируются новейшие подходы к реализации транспортной политики на евразийском пространстве, до настоящего времени не исследованные в юридической науке, подчеркивается необходимость глубоких разработок, посвященных совершенствованию актов, регулирующих транспортную деятельность в контексте формирования единого транспортного пространства.

Ключевые слова: интеграция; общий рынок транспортных услуг; Евразийский экономический союз; экологизация; цифровизация; гармонизация законодательства.

**ACTUAL ISSUES OF IMPROVING THE RIGHT OF THE EURASIAN
ECONOMIC UNION IN THE CONTEXT OF STRENGTHENING THE
INTEGRATION AND COORDINATION OF THE DEVELOPMENT OF
TRANSPORT INFRASTRUCTURE**

O.A. Khotsko

*Belarusian State University, leningradskaya st. 8 220030 Minsk Belarus,
o.a.khatsko@gmail.com*

The article analyzes the latest approaches to the implementation of transport policy in the Eurasian space, not yet investigated in law science, emphasizes the need for deep developments devoted to the improvement of acts regulating transport activities in the context of the formation of a single transport space.

Key words: integration; general market for transport services; Eurasian Economic Union; environmentalization; digitalization; harmonization of legislation.

Современное развитие внешнеторговых связей на международном и региональном уровнях характеризуется модернизацией отношений и более интенсивным переходом к укреплению интеграционных связей в государствах – членах Евразийского экономического союза (далее – ЕАЭС, Союз) в рамках ряда проводимых политик. Укрепление интеграции на евразийском пространстве усиливается в связи с согласованием взаимодействия в

сфере отношений, касающихся цифровой трансформации экономики и цифровизации транспортной деятельности, решения задачи противостоять глобальным сложным вызовам, а также экологизации в контексте роста перевозок в новых направлениях и реализацией логистических проектов, на что обращается в юридической литературе [1; 2]. Очевидно, что организационно-правовые основы функционирования транспортной системы и формирования единого транспортного пространства в ЕАЭС, способы координации развития транспортной инфраструктуры, а также решение общих в государствах – членах ЕАЭС вопросов безопасности транспортной деятельности ранее не анализировались в достаточном объеме на научном уровне. Не были во внимании научного сообщества вышеуказанные проблемные вопросы в связи с тем, что изучение транспортных правоотношений находится в стадии становления в Республике Беларусь [3], что нельзя сказать о подходах в Российской Федерации, где сложились теоретико-правовые начала в данной области. Российскими исследователями затронут ряд вопросов транспортного права, включая развитие школы [4–6], формирование понятийного аппарата [7], транспортной безопасности и безопасности транспортной инфраструктуры [8; 9], функционирования транспортной системы в условиях сложной эпидемиологической обстановки [10].

Следует отметить, что в ЕАЭС проводится весомая работа по укреплению транспортной интеграции. Тенденция расширения логистических проектов, осознание потребности модернизации транспортной инфраструктуры являются важными составляющими для проведения анализа институциональных подходов в юридической науке и совершенствования актов права ЕАЭС. Целью настоящего исследования является анализ тенденций формирования евразийских транспортных коридоров и развития транзитного потенциала ЕАЭС, повышения качества транспортных услуг и снижения вредного воздействия транспорта на окружающую среду, координации развития транспортной инфраструктуры как приоритеты транспортной политики согласно Договору о Евразийском экономическом союзе (ст. 86 «Скоординированная (согласованная) транспортная политика») и выработка предложений по совершенствованию норм права ЕАЭС, способствующих развитию принципов указанной политики.

Скоординированная (согласованная) транспортная политика государств – членов ЕАЭС закрепляет задачу создания общего рынка транспортных услуг, «определяемого как форма экономических отношений, при которых создаются равные и паритетные условия для оказания транспортных услуг во всем ЕАЭС» [11, с. 140]. Формирование новой транспортно-логистической инфраструктуры определено в качестве приоритета деятельности Евразийского экономического союза. Увеличиваются объемы

товарооборота между ЕАЭС и участниками Азиатско-Тихоокеанского экономического сотрудничества, ведется расширение скоординированной политики по сопряжению евразийской интеграции и китайского проекта «Один пояс, один путь», а также концепции Большого Евразийского партнерства [12, с. 6].

Поясним на примерах. Во-первых, Республика Беларусь является инициатором проекта «Один пояс – один путь» с китайской стороны, включающего создание интегрированной транспортной и логистической структуры, во-вторых, пилотного проекта «Евразийский электробус», осуществление которого ведется в настоящее время в несколько этапов большинством государств – членов ЕАЭС. Кроме того, в ЕАЭС подписаны документы в области экологической безопасности, функционирует Объединенная транспортно-логистическая компания, создана как безразрешительная система двусторонних и транзитных международных перевозок грузов автомобильным транспортом, так и организующая работу железнодорожного транспорта, выстраиваются направления взаимовыгодного сотрудничества с Индией, Китаем и развивающимися государствами Юго-Восточной Азии, переориентации перевозок в свете развития транспортных коридоров в перспективе с Ираном и Объединенными Арабскими Эмиратами.

В рамках Союзного государства успешно осуществляется гармонизация законодательной базы, активно ведется работа по созданию общей транспортной системы и последовательному углублению интеграционных процессов для преодоления современных вызовов и угроз и в целях обеспечения стабильности при создании собственного пути развития. Формирование транспортного коридора «Север-Юг» обусловлено тем, что страны Евразийского континента смогут обеспечить важнейшие торговые пути, рост товарооборота между Российской Федерацией и Республикой Беларусь, открывая новые возможности для транзита при логистических ограничениях, а также между Союзным государством и странами-партнерами. Развитие транспортного сообщения позиционируется стимулом для укрепления интеграционных процессов в рамках ЕАЭС. Соответственно, государства-члены межгосударственных объединений находятся в процессе создания новых международных коридоров и общей инфраструктуры, что связано со смещением центров экономической активности в Китай, страны Юго-Восточной Азии и Персидского залива.

Координация развития транспортной инфраструктуры включает цель формирования транспортного пространства и общего рынка транспортных услуг. Однако обеспечить надлежащее правовое регулирование и сформировать реализацию стартовых механизмов по проработке инициатив в ЕАЭС представляется возможным на основе эффективной реализации ак-

тов права ЕАЭС. К ним относятся Основные направления реализации цифровой повестки Евразийского экономического союза до 2025 г, утвержденные решением Высшего Евразийского экономического совета от 11 октября 2017 г. № 12 и другие.

Вместе с тем правовое регулирование вышеназванных процессов не является системным и гармонизированным, а появление нового интеграционного направления и укрепление механизмов является неизбежностью, что требует развития норм относительно последовательной реализации скоординированной (согласованной) транспортной политики ЕАЭС. При закреплении общих правовых подходов в нормах Договора о ЕАЭС к взаимодействию государств-членов, подписавших его, странам следует осуществлять гармонизацию законодательства, в частности, экологизацию транспортной деятельности на наднациональном уровне. Гармонизация и усиление ее роли, по мнению С.Г. Дробязко, обусловлены «объективными факторами: внутренними и внешними, экономическими, экологическими, социальными, политическими, нравственными, региональными, техническими, культурными, идеологическими, сугубо юридическими и т.д.» [13, с. 645], и, как верно замечает профессор, в современных условиях действие гармонизации особенно проявляется на региональном уровне в экономической и экологической сферах.

Обозначим, что развитие транспортных процессов неизбежно влечет разработку направлений реализации принципов безопасности и экологичности скоординированной (согласованной) транспортной политики в целях исполнения задачи снижения вредного воздействия транспорта на окружающую среду. Требуется выработка подходов для обеспечения экологической безопасности, что поспособствует отражению единых требований экологической безопасности при осуществлении транспортной деятельности, поскольку такая потребность обусловлена внедрением мер «зеленой» экономики в сфере транспорта и инфраструктуры, стимулированием и продвижением их на наднациональном уровне, формированием направлений в области устойчивого развития и сближения позиций государств-членов в части климатической повестки с учетом имеющегося достаточного потенциала для развития принципа экологичности транспортной политики. Можно прийти к выводу о том, что для усиления решения исследуемых в данной работе общих проблем предлагается возложить дополнительные функции относительно снижения вредного воздействия транспорта на окружающую среду на отделы Департамента транспорта и инфраструктуры Евразийской экономической комиссии. Таким образом предлагаемая позиция институционального характера будет охватывать все аспекты реализации принципа экологичности транспортной политики.

Непосредственно комплексный подход на наднациональном уровне позволит обеспечить успешное решение задач гармонизации законодательства в сфере обеспечения экологической безопасности относительно транспортной деятельности. Для этого следует разработать правовые меры по снижению вредного воздействия транспорта на окружающую среду, а также закрепить правовые основы в области экологического образования, установить подходы к юридической ответственности государств за нарушение экологических требований Правовой механизм ответственности в ЕАЭС за причинение вреда окружающей среде послужит залогом решения проблем эколого-правового характера, что определяет и расширение сотрудничества государств. Соответственно, требуется применение мер по восстановлению природных ресурсов, компенсации ущерба окружающей среде, что поспособствует реализации принципа экологичности и безопасности транспортной деятельности.

Полагаем, в качестве основополагающего начала согласованной деятельности на евразийском пространстве целесообразно утвердить на уровне решения Высшего Евразийского экономического Совета Рекомендации по гармонизации законодательства государств – членов ЕАЭС в сфере правового регулирования экологической безопасности транспортной деятельности, включающие единые подходы по вопросам обеспечения экологической безопасности, что послужит согласованию интересов государств с учетом формирования и разработки климатической повестки в ЕАЭС и внедрения принципов «зеленой» экономики [14]. Разработка рекомендаций по гармонизации элементов инфраструктуры углеродного регулирования в государствах-членах, принятие технических регламентов с учетом обеспечения экологической безопасности транспортной деятельности в условиях межгосударственной интеграции позволит ускорить экологическую трансформацию в транспортной сфере и укрепить сотрудничество на евразийском пространстве. Таким образом, предложения по развитию новых путей развития «зеленой» промышленности постоянно являются предметом исследований и выработки мер Евразийской экономической комиссии и их последующей реализации.

Вместе с тем совместные научные исследования в ЕАЭС на основе формирования единого научного ресурсного центра позволят укреплять и модернизировать приоритетные направления транспортной деятельности для евразийского пространства, тем самым наука и образование выступили бы локомотивом и новым вектором развития евразийской интеграции. Системный подход в развитии науки и образования с учетом технологий и инноваций в ЕАЭС доказывается на основе потребности реализации механизмов и осуществления приоритетных интеграционных инфраструктурных проектов [15], что позволит реализовать транспортно-логистический

потенциал государств-членов, включающий сочетание национальных приоритетов и интересов развития всего Союза.

Таким образом, государства-члены ЕАЭС определяют направления для расширения транспортных проектов в рамках осуществления скоординированной (согласованной) транспортной политики, что отвечает принципам безопасности, экологичности, открытости, доступности, надежности, закрепленным в Договоре о Евразийском экономическом союзе, и интересам граждан Союза путем гармонизации правовых норм. При этом требуется усиление координации при развитии транспортной инфраструктуры с учетом формирования единого транспортного пространства государств-членов ЕАЭС в дополнении актов относительно достижения целей климатической повестки и гармонизации правовых норм о безопасности.

Библиографические ссылки

1. Хотько О.А. Цифровизация и экологизация транспортной деятельности на евразийском пространстве: правовые аспекты обеспечения эффективности // Информационная безопасность личности в современном международном праве: материалы кругл. стола, каф. гос. упр. юрид. фак. Белорус. гос. ун-та, Минск, 12 апр. 2022 г. / Белорус. гос. ун-т ; редкол.: В.С. Михайловский (гл. ред.), Е.Ф. Довгань, Н.О. Мороз. – Минск : БГУ, 2022. – С. 294–298.

2. Хотько О.А. Правовые проблемы обеспечения экологической безопасности в условиях цифровой трансформации транспортных процессов // Правовые аспекты цифровизации международного транспорта и логистики: материалы Второго Международного транспортно-правового форума / под ред. А.А. Чеботаревой, В. Е. Чеботарева ; вступ. слово Н.А. Духно. – Москва : Изд-во Юридического института МИИТ, 2020. – С. 86–91.

3. Духно Н.А. Теория транспортного права / Н.А. Духно, В.М. Корякин. – М., Юрлитинформ, 2016.

4. Духно Н.А. Школа транспортного права // Трансп. право и безопасность. – 2019. – № 4. – С. 159–165.

5. Транспортное право. Общая часть : учебник / отв. ред. Н.А. Духно, А.И. Землин. – М. : Юрид. институт МИИТа, 2017. – 259 с.

6. Землин А.И. Актуальные проблемы развития транспортного законодательства и транспортного права России : монография / А.И. Землин, Ю.И. Петров, Ю. А. Харламова. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: РУСАЙНС, 2019.

7. Бажина М.А. Понятийный аппарат транспортного права Российской Федерации: автореферат дисс. ... д-ра юрид. наук: 5.1.3 Частноправовые (цивилистические) науки / Уральск. гос. ун-т им. В.Ф. Яковлева. – Екатеринбург, 2022. – 45 с.

8. Землин А.И. Административно-правовые аспекты обеспечения транспортной безопасности // Нац.безопасность и стратегическое планирование 2019. – № 4. – С. 10–14.

9. Правовые проблемы обеспечения транспортной безопасности: монография / Н.А. Духно., А.И. Землин, О.М. Землина, Г.Ю. Лещов, Н.В. Николаева, О.С. Опенышев, В.А. Павлова, А.В. Пищелко, И.В. Холиков, А.А. Чеботарева / под общ. ред. А.И.

Землина; предисл. Н.А. Духно (монография). – М.: Юридический институт МИИТ, 2018.

10. Организационно-правовые основы функционирования транспортной системы в условиях сложной эпидемиологической обстановки: учебник / А.И. Землин, О.М. Землина, М.В. Кленов, О.С. Опенышев, И.В. Холиков ; отв. ред. А.И. Землин, И.В. Холиков. – М. : РУСАЙНС, 2023. – 310 с.

11. Кашкин С.Ю., Четвериков А.О. Право Евразийского экономического союза : учебник / отв. ред. С.Ю. Кашкин. – М.: Проспект, 2017. – 192 с.

12. Мясникович М. Миссия ЕАЭС-2025: региональный центр экономического развития и опора Большой Евразии / М. Мясникович, В. Ковалев // Наука и инновации. – 2021. – № 1. – С. 4–11.

13. Дробязко С.Г. Усиление роли гармонизации законодательства в условиях глобализации – важнейшая закономерность права как системы // Избранные труды. – Минск : ЮрСпектр, 2022. – 656 с. (С. 639–647).

14. О международном опыте разработки и внедрения принципов, мер и механизмов «зелёной» экономики и концептуальных подходах в Евразийском экономическом союзе [Электронный ресурс] // Режим доступа: https://eec.eaeunion.org/upload/medialibrary/939/Doklad_Zelenaya_ekonomika_PDF_sayt.pdf. – Дата доступа: 06.01.2022.

15. Шугуров М.В. Право ЕАЭС в сфере науки, технологий и инноваций: системный подход // Моск. журнал межд. права. – 2020. – № 3. – С. 44–63.

К ВОПРОСУ О ВКЛЮЧЕНИИ ЛЮДЕЙ С ИНВАЛИДНОСТЬЮ В ПОВЕСТКУ ДНЯ В ОБЛАСТИ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ НА ПЕРИОД ДО 2030 ГОДА

Н.М. Шевко

*Белорусский государственный университет,
ул. Ленинградская 8, 220030, г. Минск, Беларусь, ms.shevko@inbox.ru*

Несмотря на глобальное признание правозащитного подхода к инвалидности, люди с инвалидностью не были включены в Цели развития тысячелетия. Принятие Конвенции о правах инвалидов 2006 г. способствовало тому, что люди с инвалидностью были включены в Повестку дня в области устойчивого развития на период до 2030 года, а ее 17 Целей устойчивого развития также относятся к этой уязвимой группе.

Ключевые слова: люди с инвалидностью, цели развития тысячелетия, Конвенция о правах инвалидов 2006 г., правозащитный подход к инвалидности, права человека, Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 г., цели устойчивого развития.

TO THE ISSUE OF INCLUSION PEOPLE WITH DISABILITIES IN THE 2030 AGENDA FOR SUSTAINABLE DEVELOPMENT

N.M. Shevko

*Belarusian State University, Leningradskaya st. 8, 220030
Minsk, Belarus, ms.shevko@inbox.ru*

Despite the global acceptance of a rights-based approach to disability, people with disabilities have not been included in the Millennium Development Goals. The adoption of the 2006 Convention on the Rights of Persons with Disabilities helped to place people with disabilities to The 2030 Agenda for Sustainable Development, and its 17 Sustainable Development Goals also refer to this vulnerable group.

Keywords: people with disabilities, millennium development goals, Convention on the rights of Persons with Disabilities 2006, rights-based approach to disability, human rights, The 2030 Agenda for Sustainable Development, sustainable development goals.

Усиление внимания к проблеме инвалидности в рамках исследуемой проблематики в первую очередь связано с тем, что инвалидность не рассматривалась как проблема прав человека до принятия Конвенции о правах инвалидов 2006 года (далее КПИ). Как верно отмечает Gauthier de Beso, людям с инвалидностью уделялось ограниченное внимание в международ-

ном праве прав человека [1, с. 37]. Действительно, с одной стороны, в уже действующих международных договорах по правам человека отсутствовали положения, посвященные людям с инвалидностью (за исключением Конвенции о правах ребенка 1989 года). С другой стороны, недостаточный интерес к этой группе людей со стороны правозащитного сообщества способствовал тому, что люди с инвалидностью долгое время оставались «невидимыми» для общества в целом. Тем самым они не только были исключены из всех сфер экономической, политической, социальной, гражданской и культурной жизни, включая занятость, образование и здравоохранение, но и из многих важных инициатив в области развития и потоков финансирования по всему миру [2]. В подтверждение вышеуказанного, уместно обратить внимание на Цели развития тысячелетия (ЦРТ), принятые в рамках Декларации тысячелетия Организации Объединенных Наций 2000 года. Несмотря на то, что ЦРТ носили амбициозный характер и были направлены на совместное разрешение насущных проблем развития, влияющих на жизнь бедных и маргинализованных слоев общества, путем сокращения бедности, улучшения здоровья и решения образовательных и экологических проблем, они не решили проблему инвалидности. Так, несмотря на сокращение масштабов крайней нищеты, увеличение охвата начальным образованием, предотвращение миллионов случаев младенческой смертности, люди с инвалидностью, к сожалению, остались в стороне от указанных достижений [3, с. 6]. Во-первых, это было связано с тем, что при разработке ЦРТ не учитывалось положение людей с инвалидностью, и следовательно, увеличивался разрыв между людьми с инвалидностью и другими, оставляя их позади [4, с.5]. Стоит согласиться с Nora Ellen Grose, которая указывает на то, что отсутствие явного включения людей с инвалидностью в каждую из 8 ЦРТ, задач или показателей представляло собой упущенную возможность решить насущные социальные, образовательные, медицинские и экономические проблемы миллионов наиболее маргинализованных граждан мира [5, с. 8]. Во-вторых, такое несправедливое упущение было обусловлено исторически сформировавшимися подходами к инвалидности, основанными на медицинской модели инвалидности и модели благотворительности. Вследствие этого, в глазах мирового сообщества люди с инвалидностью выступали либо как объекты медицинской помощи и реабилитации, либо как нуждающиеся в социальной и экономической помощи. В результате, по итогам 2015 года на международном уровне было признано, что несмотря на достигнутый успех в реализации многих ЦРТ, в регионах и странах прогресс был достигнут неравномерно и со значительными недоработками. В частности, миллионы людей не смогли воспользоваться достижениями прогресса, включая людей с инвалидностью [6, с. 8].

В тоже время, извлекая уроки из ЦРТ, и принимая во внимание тот факт, что для оказания помощи самым уязвимым группам необходимо прикладывать целенаправленные усилия, принятие КПИ ознаменовало переход от устаревших моделей инвалидности к правозащитной модели. Не ставя своей целью изучение КПИ, мы, тем не менее, отметим, что КПИ не только подтверждает универсальный характер прав человека и недопустимость дискриминации, но и прямо призывает к учету прав людей с инвалидностью в стратегиях развития. Так, в Преамбуле КПИ особо подчеркивается важность актуализации проблем инвалидности как составной части соответствующих стратегий устойчивого развития [7]. Действительно, глобальная поддержка и развитие правозащитного подхода как со стороны неправительственных организаций, борющихся за права людей с инвалидностью, так и со стороны людей с инвалидностью, способствовали тому, что инвалидность и интересы людей с инвалидностью были включены в Резолюцию Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций «Преобразование нашего мира: Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года» (далее Повестка 2030) [8]. Тем самым, международное сообщество не только признало равенство прав человека за людьми с инвалидностью, но и невозможность достижения устойчивого развития без учета интересов такой уязвимой группы, как люди с инвалидностью.

Далее, переходя непосредственно к Повестке 2030, стоит указать на то, что она включает 17 целей в области устойчивого развития (далее ЦУР) и 169 задач, направленных на обеспечение сбалансированности всех трех компонентов устойчивого развития: экономического, социального и экологического. С одной стороны, Повестка 2030 является продолжением работы, начатой в период действия ЦРТ, но с другой стороны, в отличие от предшественников, она – масштабнее и амбициознее, а ее ЦУР и задачи носят универсальный, неделимый, взаимосвязанный и комплексный характер. Действительно, в «самом сердце» Преамбулы Повестки 2030 заложено обещание, что «никто не будет забыт», в том числе люди с инвалидностью [8]. Несмотря на то, что Повестка 2030 признает инвалидность сквозным вопросом, который необходимо учитывать при реализации всех ЦУР [9, с. 1], особого внимания заслуживают те из них, которые включают людей с инвалидностью. Так, 5 из 17 ЦУР непосредственно касаются людей с инвалидностью, а именно: ЦУР 4 по качественному образованию, ЦУР 8 по достойному труду и экономическому росту, ЦУР 10 по сокращению неравенства, ЦУР 11 по устойчивым городам и населенным пунктам и ЦУР 17 «Глобальное партнерство в интересах устойчивого развития». Кроме того, Повестка 2030 также включает семь задач и 11 показателей в отношении людей с инвалидностью, охватывающих доступ к образованию и трудо-

устройству, наличие школ, ориентированных на учащихся с инвалидностью, интеграцию и расширение прав и возможностей людей с инвалидностью, доступный транспорт, доступные общественные и зеленые зоны, а также наращивание потенциала стран для дезагрегирования данных по инвалидности [9, с. 2]. В продолжении стоит согласиться с тем, что включение людей с инвалидностью косвенно учитывается в ряде других ЦУР, задач и показателей. А именно, такие термины как «для всех», «уязвимые», «наиболее обездоленные», «недискриминационный», «равный доступ» и «всеобщий доступ» подразумевают то, что люди с инвалидностью не должны быть забыты при разработке мер по достижению ЦУР [10, с. 2]. Более того, во введении Системы глобальных показателей достижения ЦУР и выполнения задач Повестки 2030 упоминается, что показатели должны быть дезагрегированы по инвалидности, если это возможно. Таким образом, Повестка 2030 и содержащиеся в ней 17 ЦУР обеспечивают мощную основу для руководства местными сообществами, странами и международным сообществом в направлении достижения развития, учитывающего интересы людей с инвалидностью. В этом контексте представляется весьма актуальным значительное совпадение содержания ЦУР с КПИ, которая придает Повестки 2030 определенный юридически обязательный характер. Это означает, что стороны КПИ фактически обязаны в соответствии с международным правом добиваться достижения многих ЦУР и задач с учетом интересов людей с инвалидностью. И наоборот, реализация Повестки 2030 будет способствовать эффективному выполнению положений КПИ, а показатели, разработанные для измерения прогресса в отношении ЦУР и задач, могут быть использованы для контроля за соблюдением КПИ [11].

В итоге рассмотрения исследуемого вопроса стоит согласиться с тем, что глобальное мышление об инвалидности и развитии прошло долгий путь с момента принятия Декларации тысячелетия Организации Объединенных Наций 2000 года [3, с. 6]. Наряду с этим, в отчете по инвалидности и развитию «Реализация целей в области устойчивого развития людьми с инвалидностью, для них и совместно с ними» отмечается, что несмотря на уже достигнутый Повесткой 2030 прогресс, люди с инвалидностью по-прежнему сталкиваются с многочисленными препятствиями на пути их полной интеграции и участия в жизни своих сообществ, а именно: дискриминация и стигматизация по признаку инвалидности; отсутствие доступа к физическим и виртуальным средам; отсутствие доступа к вспомогательным технологиям, основным услугам и реабилитации; и отсутствие поддержки для самостоятельной жизни, которые имеют решающее значение [9, с. 1]. Очевидно, что такого рода препятствия ставят под угрозу выполнение обещаний Повестки 2030 и ее 17 ЦУР в отношении людей с инва-

лидностью. В действительности, уровень бедности людей с инвалидностью остается непропорционально высоким; у них до сих пор отсутствует полный доступ к образованию, медицинскому обслуживанию и занятости; они все еще недостаточно включены в процессы принятия решений и участия в политической жизни [9, с. 1]. В свою очередь пандемия, вызванная коронавирусной инфекцией (COVID-19), обнажила и усугубила существующие проявления неравенства и несправедливости. Так, люди с инвалидностью ввиду особенностей своего состояния здоровья и социально-экономического положения оказались более подвержены риску и столкнулись с ее тяжелыми последствиями [12, с. 3]. В этой связи, текущее десятилетие было провозглашено десятилетием действий и свершений во имя устойчивого развития и приобрело еще большее значение в условиях восстановления по принципу «лучше, чем было» после пандемии COVID-19. Как было признано международным сообществом: «принцип «никто не будет забыт» имеет основополагающее значение в отношении...детей и людей с инвалидностью» [13]. Стоит признать, что пандемия COVID-19 затормозила процесс достижения ЦУР, в том числе в отношении людей с инвалидностью. С тем, чтобы ускорить процесс реализации Повестки 2030 и ее 17 ЦУР, в 2021 году была принята «Наша общая повестка дня» в качестве программы действий в отношении будущего развития глобального сотрудничества. В свою очередь, достижение экономического, социального и экологического устойчивого развития для всех, возможно при соблюдении условий: люди с инвалидностью активно участвуют в процессе реализации Повестки 2030 и ее 17 ЦУР; вносят свой вклад в ее осуществление, а также пользуются результатами достигнутого прогресса. Таким образом, они выступают субъектами, участниками и бенефициарами в процессе устойчивого развития. В рамках проведенного исследования мы полагаем, что в настоящий момент преждевременно оценивать достигнутый прогресс. Однако, мы убеждены в том, что широкое участие людей с инвалидностью и инклюзивный подход к устойчивому развитию будут не только способствовать эффективному исполнению Повестки 2030 и ее 17 ЦУР, но и выполнению государствами своих обязательств, принятых ими в соответствии с КПИ. Как верно было отмечено Управлением Верховного комиссара Организации Объединенных Наций по права человека: «КПИ служит руководством для реализации ЦУР, предоставляя правозащитный подход к интеграции людей с инвалидностью в стремлении, что «никто не будет забыт» [4, с. 5].

Библиографические ссылки

1. De Beco, G. Disability in international human rights law / G. De Beco. – New York ; Oxford : Oxford Univ. Press, 2021. – 441 p.
2. International Disability Alliance [Electronic resource] : IDA. – Mode of access: <https://www.internationaldisabilityalliance.org/content/2030-agenda-sustainable-development-0>. – Date of access: 23.03.2023.
3. Al-Ghaib O. A. Disability inclusion and Sustainable development goals: practices and challenges [Electronic resource] // Leonard Cheshire Disability. – Mode of access: <https://www.leonardcheshire.org/sites/default/files/2019-10/disability-inclusion-sustainable-development.pdf>. – Date of access: 23.03.2023.
4. Policy Guidelines for Inclusive Sustainable Development Goals. Foreword and Introduction [Electronic resource] // UNHR. – Mode of access: <https://www.ohchr.org/sites/default/files/Documents/Issues/Disability/SDG-CRPD-Resource/policy-guideline-introduction.pdf>. – Date of access: 24.03.2023.
5. Disability and the Millennium Development Goals. A Review of the MDG Process and Strategies for Inclusion of Disability Issues in Millennium Development Goal Efforts [Electronic resource] // UN. – Mode of access: https://www.un.org/disabilities/documents/review_of_disability_and_the_mdgs.pdf. – Date of access: 24.03.2023.
6. The Millennium Development Goals Report 2015 [Electronic resource] // UN. – Mode of access: [https://www.un.org/millenniumgoals/2015_MDG_Report/pdf/MDG%202015%20rev%20\(July%201\).pdf](https://www.un.org/millenniumgoals/2015_MDG_Report/pdf/MDG%202015%20rev%20(July%201).pdf). – Date of access: 24.03.2023.
7. Convention on the Rights of Persons with Disabilities, 2006 [Electronic resource] // UN. – Mode of access: <https://www.un.org/disabilities/documents/convention/convoptprot-e.pdf>. – Date of access: 25.03.2023.
8. Преобразование нашего мира: Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года : рез.-ция, прин. Ген.-ой Ас.-ей, 25 сен. 2015 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N15/291/92/PDF/N1529192.pdf?OpenElement>. – Дата доступа: 25.03.2023.
9. Disability and Development Report. Realizing the Sustainable Development Goals by, for and with persons with disabilities, 2018 [Electronic resource] // UN, Department of Economic and Social Affairs. – Mode of access: <https://social.un.org/publications/UN-Flagship-Report-Disability-Final.pdf>. – Date of access: 25.03.2023.
10. The 2030 Agenda, SDGs and Disability. The 25th of September 2020 marks the 5th anniversary of the 2030 Agenda and the Sustainable Development Goals [Electronic resource] // Disability Hubeurope. – Mode of access: https://disabilityhub.eu/sites/disabilityhub/files/sdg_anniversary_23092020.pdf. – Date of access: 25.03.2023.
11. Disability and The 2030 Agenda for Sustainable Development [Electronic resource] // ADIP. – Mode of access: <https://e-inclusion.unescwa.org/node/1174>. – Date of access: 25.03.2023.
12. Доклад о Целях в области устойчивого развития, 2020 год [Электронный ресурс]. – [Электронный ресурс] // ООН. – https://unstats.un.org/sdgs/report/2020/The-Sustainable-Development-Goals-Report-2020_Russian.pdf. – Дата доступа: 25.03.2023.
13. The UN High-level Political Forum on Sustainable Development, under the auspices of the General Assembly (SDG Summit) [Electronic resource] // SDG Summit. – Mode of access: https://sustainabledevelopment.un.org/content/documents/25200SDG_Summary.pdf. – Date of access: 25.03.2023.

LEGAL BASIS OF ANTIMONOPOLY REGULATION IN EUROPE, NORTH AMERICA, CHINA AND EURASIAN ECONOMIC UNION

Li Sen

*Belarusian State University,
st. Leningradskaya 8, 220030, Minsk, Belarus, yuqad55137@gmail.com*

The paper analyzes the legal framework for antimonopoly regulation in Europe, North America, China and the Eurasian Economic Union. A brief history of the development of antimonopoly regulation in these countries is given, the specifics are in accordance with the differences in the economies of these countries and the goals that they set for themselves at a particular stage in the development of antimonopoly regulation.

Key words: antimonopoly regulation; specifics of antimonopoly regulation; goals of antimonopoly regulation; antitrust regulation in Europe; antitrust regulation in North America; antitrust regulation in China; antimonopoly regulation in the Eurasian Economic Union.

ПРАВОВАЯ ОСНОВА АНТИМОНОПОЛЬНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ В ЕВРОПЕ, СЕВЕРНОЙ АМЕРИКЕ, КИТАЕ И ЕВРАЗИЙСКОМ ЭКОНОМИЧЕСКОМ СОЮЗЕ

Ли Сен

*Белорусский государственный университет,
ул. Ленинградская 8, 220030, Минск, Беларусь, yuqad55137@gmail.com*

В статье анализируется правовая база антимонопольного регулирования в Европе, Северной Америке, Китае и Евразийском экономическом союзе. Дана краткая история развития антимонопольного регулирования в этих странах, специфика - в соответствии с различиями в экономике этих стран и целями, которые они ставили перед собой на том или ином этапе развития антимонопольного регулирования.

Ключевые слова: антимонопольное регулирование; особенности антимонопольного регулирования; цели антимонопольного регулирования; антимонопольное регулирование в Европе; антимонопольное регулирование в Северной Америке; антимонопольное регулирование в Китае; антимонопольное регулирование в Евразийском экономическом союзе.

Antimonopoly regulation makes it possible to establish and implement the rules for conducting economic activity in commodity markets in order to protect fair competition, limit monopolistic activity and ensure the efficiency of market

relations. In different countries, antimonopoly regulation is implemented using different legal mechanisms.

The European system of antimonopoly regulation provides for control over monopolistic associations in order to prevent them from abusing their dominant position in the market, registration of certain types of agreements to create monopolies or significantly restrict competition. If these agreements conflict with public interests, they are declared invalid by the antimonopoly or other state body registering such agreements, by a higher state body or courts.

In Western Europe, antitrust laws became widespread after World War II, but competition regulation varies from country to country. For example, in France, tight control is a strength, while German antitrust laws have been heavily influenced by US law [5, p. 132].

Within the framework of the European Union, the key provisions of antitrust law are enshrined in Art. 81, 82 of the Treaty of Rome establishing the EU. Article 81 prohibits the conclusion of agreements and the implementation of joint actions that would have an impact on trade between member countries and the purpose of which would be to prevent, restrict or disrupt competition in the common market. Agreements contrary to Art. 81 are considered canceled automatically. Article 82 prohibits the abuse of a dominant position by any concern in the common market, which would influence trade between other states.

In the EU, the main task of competition policy was defined as "the creation of a regime that ensures the conditions under which competition in the Common Market will be of a normal nature." Competition policy in the EU does not exist in isolation, but develops within the framework of global integration policy and penetrates into all spheres of economic activity. The European Commission regulates in four areas of antitrust policy:

- 1) control over anti-competitive agreements and abuse of dominant position;
- 2) control over the merger of firms;
- 3) liberalization of economic sectors related to the sphere of natural monopoly;
- 4) regulation of state aid [3, p. 42].

Until the end of the XIX century, the countries of North America did not know written antitrust law. The United States was formed in the era of the heyday of the ideology of free competition, and economic regulation was built there in the most liberal way. However, by the end of the XIX century, in the United States, as well as in England, the low suitability of common law for resolving the complex problems of regulating competition and monopoly began to be felt, since, in a number of cases, the norms of common (custom) law aimed at protecting free competition could be aimed both at protecting against

monopoly, and the protection of the monopolies themselves, because the impact of the state on monopolies could be interpreted as an encroachment on market freedom, on freedom of competition (from the state).

Gradually it became clear that common law mechanisms were not enough to successfully counter the abuses of monopolies in the United States. By the end of the XIX century. under the influence of the predatory behavior of the monopolistic associations that were gaining strength, North Americans realized the need to take more decisive measures to protect society from the threats of the "satanic desire" of monopolies, to regulate antitrust measures in written law.

The rapid growth of monopolism, the abuse of monopolies required a legislative solution to the issue, and at the end of the 19th century. In the countries of North America for the first time antitrust acts of written law were adopted. However, state laws were on the whole so straightforward and rigid in their prohibitions against monopolies that they were practically not applied by the courts for fear of creating an obstacle not only to speculative monopolies, but to any legitimate and useful business practice in general.

Thus, in North America, which overtook Europe in creating its own antimonopoly rules and in their harshness, in some cases even surpassed European countries, far from everything was going well with the construction of an effective system of antimonopoly policy. Being directed at the business associations themselves, and not at their harmful market behavior, North American laws, primarily US acts, became not only a club against malicious monopolists, but also a threat to the development of economic life in general. According to figurative expression, along with the water from the trough, it was possible to accidentally throw out the baby.

At the end of the XIX century. both the countries of North America, even after the adoption of the first antimonopoly laws, and the countries of Europe needed new approaches and new mechanisms to solve the problem of monopolies. New approaches in North America have been intensely sought. Cartel law issues were at the forefront of popularity at the turn of the 19th and 20th centuries.

The first US federal antitrust legislation was the Interstate Commerce Act of February 4, 1887, "which had the task of streamlining the railroad business."

This Law was not exclusively antitrust oriented. He pursued the goal of streamlining rail transportation in general, since many problems for society and the state have accumulated in this area.

In 1890, the United States adopted a special antitrust or antitrust law - the Sherman Law, which got its name from the senator who proposed it. Speaking briefly about the content of this Law, it declared illegal any agreements and associations restricting trade; monopolization was recognized as a crime; criminal sanctions were imposed against the perpetrators.

In 1890, the United States adopted a special antitrust or antitrust law - the Sherman Law, which got its name from the senator who proposed it. Speaking briefly about the content of this Law, it “declared illegal any agreements and associations restricting trade; monopolization was recognized as a crime; criminal sanctions were imposed against the perpetrators.” The Sherman Act, in its original form, was also a failure. Straightforward strict bans on monopolies as such have not justified themselves. These first legislative experiments at the end of the 19th century de facto turned out to be of little use for protecting society from the domination of monopolies without the danger of damaging the country's economy, the normal course of its economic development.

The very first specialized administrative agency directly authorized in the field of competition policy was created in 1914 and was called the Federal Trade Commission, which operates in the United States to this day as one of the competition agencies in this country.

On October 15, 1914, another antitrust law was passed to improve on the Sherman Act, the Clayton Act.

To date, the Sherman Act, the Clayton Act, and the Federal Trade Commission Act form the foundation of US antitrust law [2, p. 321].

The legislation of the PRC, aimed at protecting competition and directly ensuring a competitive environment in the Chinese economy, is represented by two legislative acts:

Antimonopoly Law of the People's Republic of China <1> of August 30, 2007, adopted in order to prevent and limit monopolistic tendencies, protect fair competition in the market, increase economic efficiency, protect the interests of consumers and the interests of society and the state, and promote the healthy development of the socialist market economy;

Law of the People's Republic of China on Combating Unfair Competition <2> of September 2, 1993, which aims to protect the healthy development of the socialist market economy by promoting and protecting fair competition and preventing unfair competition to protect the legitimate rights and interests of manufacturers and consumers.

Antimonopoly regulation, carried out on the basis of the Antimonopoly Law of the People's Republic of China, mainly uses public law methods of influencing competitive relations [4].

The experience of the EAEU shows that the policy in the field of antimonopoly regulation and competition is one of the main tools through which the harmonization and proper functioning of antitrust laws in the EAEU countries are carried out.

A lot of work is being done in the EAEU in accordance with the main directions of antimonopoly regulation of cross-border commodity markets; the antimonopoly authorities of the EAEU member countries interact and cooperate

with each other; competition is being advocated and antimonopoly laws are being improved. The norms of the antimonopoly legislation are aimed at protecting the domestic market, promoting the promotion of goods, services, capital and labor resources to foreign markets, providing support for the economic activity of business entities and reducing prices.

In the member countries of the EAEU, antimonopoly laws contain regulations on the suppression of unfair competition, the purpose of which is to prevent the use of unfair methods of competition by economic entities in the markets.

Antimonopoly regulation in the EAEU member countries has its own specifics in each of these countries, since there are differences in their economies and in the goals that they set at a particular stage of development. However, despite these differences, the member states of the EAEU strive to pursue within the framework of the EAEU on the basis of common approaches a unified coordinated antimonopoly (competitive) policy aimed at protecting competition and limiting monopolistic activities; on harmonization and unification of national antitrust laws.

The antimonopoly legislation of the EAEU member countries can be divided according to the levels at which the legal regulation of competitive relations is carried out, into national and supranational.

The EAEU member countries pursue a unified coordinated competitive (antimonopoly) policy in cross-border markets in accordance with the provisions of Art. 75 of the Treaty on the EAEU on the general principles of competition to be developed in the national legislations of the member countries. This contributes to the achievement of the goals set in the Treaty on the EAEU (Article 2), cooperation and mutual support in antimonopoly activities, ensuring the guarantee of fair competition and the functioning of the EAEU as a whole, since according to Art. 3 of the Treaty on the EAEU, its activities are based on the observance of the principles of a market economy and fair competition [1].

Thus, we examined the legal framework for antitrust regulation in Europe, North America, China, and the Eurasian Economic Union. Antimonopoly regulation in each of these countries has its own specifics, since there are differences in their economies and in the goals that they set for themselves at a particular stage of development.

References

1. Antimonopoly regulation within the framework of the Eurasian Economic Union ("EAEU") [Electronic resource] URL: https://www.alrud.ru/upload/0aHfibi/Parnphlets_rus/antimonopoly_regulation_in_eaes.pdf (date of access: 20.04.2023).
2. Baker, J. B. Economics and Politics: Perspectives on the Goals and Future of Antitrust, 81 Fordham L. Rev. — 2012. — 631 p.

3. Maher, I. Competition Law Modernization: an Evolutionary Tale? // The Evolution of EU Law / ed. by P. Graig, G.de Burca. Oxford University Press. - 2011. - 364 p .

4. Ming, Sh. Chin' s Competition Policy and Legislation in Development // Ministry Of Commerce Of the People ' s Republic Of China [Electronic resource] URL: <http://tfs.mofcom.gov.cn/Ibid> (date of access: 20.04.2023).

5. Vandendorre, I., Lent, K., Goetz, T., Frese, M. Actions for Antitrust Damages in the European Union: Evaluating the Commission's Directive Proposal // Global Competition Litigation Review. Thomson Reuters (Professional) UK Limited and Contributors. - 2014. - 232 p .

NATIONAL JUDICIAL PRECEDENT AS A SOURCE OF INTERNATIONAL ECONOMIC LAW IN STATES WITH CONTINENTAL LAW SYSTEM

Liu Ying

Belarusian State University

st. Leningradskaya, 8, 220030, Minsk, Republic of Belarus, ly2223575931@gmail.com

As a comprehensive legal branch, international economic law includes international and national sources of law. As one of the sources of international economic law is judicial precedent. International judicial precedent is the source of law in states with common and continental legal system. But national judicial precedent can be source of law only in states with common legal system.

Keywords: international economic law; sources of law; common law system; continental law system; international judicial precedent; national judicial precedent.

НАЦИОНАЛЬНЫЙ СУДЕБНЫЙ ПРЕЦЕДЕНТ КАК ИСТОЧНИК МЕЖДУНАРОДНОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПРАВА В ГОСУДАРСТВАХ С КОНТИНЕНТАЛЬНОЙ СИСТЕМОЙ ПРАВА

Лю Ин

Белорусский государственный университет

ул. Ленинградская, 8, 220030, г. Минск, Республика Беларусь, ly2223575931@gmail.com

Как комплексная отрасль права международное экономическое право включает в себя международные и национальные источники права. В качестве одного из источников международного экономического права выступает судебный прецедент. Международный судебный прецедент является источником права в государствах с общей и континентальной правовой системой. Но национальный судебный прецедент может быть источником права только в государствах с единой правовой системой.

Ключевые слова: международное экономическое право; источники права; система общего права; система континентального права; международный судебный прецедент; национальный судебный прецедент.

As we know, international economic law is a comprehensive legal sector, which contains both international and domestic legal norms. Judicial precedent, as one of the sources of international economic law. Judicial precedent can be international and national. Among them, international judicial precedent is one of the important sources of international economic law of each country. Judicial

precedent has different meaning in states. So, international and national judicial precedent is the source of law in states with common law system, but in states with continental law system only international judicial precedent can be the source of international economic law [1]. The reason of this situation is the differences between the two legal systems. But in our opinion, it's important to ask the question: «Can national judicial precedent, which is very important part of legal system in states with common legal system, be the part of national legal system in states with continental law system?»

To explore the feasibility of domestic jurisprudence to be considered as a source of international economic law in states with continental law system, it is important to understand the role of domestic jurisprudence in states with continental law system. Although the role of judicial precedent in states with continental law system is extremely limited, it is usually used only in the interpretation of statutory law and is not used as a separate basis for the trial of cases. However, with the development of society, economic prosperity and technology, the jurisprudence system is now gradually recognized by states with continental law system, and the status of judicial precedents has gradually increased in states with continental law system, and judicial precedents play an irreplaceable role in the judicial activities of states with continental law system. The role of judicial precedents in trial activities is usually manifested in four aspects. [2]

The first aspect is the need to take into account the specifics of the individual case. So, written law is characterized by abstraction, and the rapid development of society, social life is constantly changing, in order to make the abstract legal provisions can be accurately applied in the trial activities, usually use judicial precedent to concretize the interpretation of the legal provisions. The second aspect is the legal gaps. The process of making changes and additions to normative legal acts takes time and, accordingly, the law enforcer does not always have the opportunity to make the necessary decision. The third aspect is the alternative function of law, also known as «judge-made law», which is a higher level of the concretization of law and the filling of legal loopholes, the first two ways are the concretization of law and the filling of loopholes in law-making, while the alternative function of law is the creative law-making. The alternative function of law is opportunity of law to play an important role in the trial activity, which, of course, needs to be regulated for judges in the procedure of its application. [3] The fourth aspect is the amending function, which seems to be less powerful than the role of the law substitution function, but in fact it can play a role in the trial activity to modify the written law that does not meet the present requirements, which is significant for the judicial cases in the rapidly developing social life. Of course, while having such

a significant role, we also need to prevent the impact of this modifying function on the written law.

G.A. Vasilevich wrote, that the judge, assessing the likelihood of the development of events, must find the only true and fair decision. It is with this approach that not only the management of powers will be ensured, but also the independence and fairness of court decisions [4].

Thus, we think that national judicial precedent should use how national source of international economic law. However, a good use of jurisprudence has a positive effect of promoting judicial justice, while an irregular use of jurisprudence can jeopardize judicial justice, so it is necessary to regulate the use of jurisprudence in trials in the legal system in order to ensure the justice of judicial activities.

References

1. Montesquieu. On the spirit of law (above) [M] / Zhang Yanshen. – Beijing: The Commercial Press, 1961.
2. Fridman, T. The Lex us and Olive Tree: Understanding Globalization / T. Fridman. – Farrar Straus, 1999. – 394 p.
3. Ge Hongyi The power of judges: A study of the power restraint system of Chinese judges / Ge Hongyi. – Chinese Jurisprudence, 2003.
4. Vasilevich, G. A. Judicial precedent as a source of law / G. A. Vasilevich // Sources of Belarusian law: principles, regulations, customs, precedents, doctrine / G. A. Vasilevich. – 2nd ed., add. – Minsk: Tesey, 2008. – P. 178-203.

REGIONAL ECONOMIC COOPERATION BETWEEN CHINA AND ASEAN BASED ON THE «ONE BELT, ONE ROAD» INITIATIVE

Wang Xu

*Belarusian State University, Leningradskaya st.8, 220030
Minsk, Belarus, gabriellewangxu@gmail.com*

«One belt, one road» initiative is a major strategic initiative by China to promote economic integration and people-to-people contact in Asia, as well as in Europe and Africa. Cooperation with ASEAN countries is a crucial part of this initiative. This thesis will focus on the relationship between «One belt one road» initiative and the regional economic cooperation with ASEAN countries, analyses the problems in trade, investment and tourism, and make recommendations to improve the cooperation mechanism and promote the sustainable development of the Middle East Asia region.

Keywords: ASEAN; economic cooperation; China; «one belt, one road»; trade.

РЕГИОНАЛЬНОЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО КИТАЯ И АСЕАН НА ОСНОВЕ ИНИЦИАТИВЫ «ОДИН ПОЯС, ОДИН ПУТЬ»

Ван Сюй

*Белорусский государственный университет, ул. Ленинградская, 8, 220030
Минск, Беларусь, gabriellewangxu@gmail.com*

Инициатива «Один пояс, один путь» – крупная стратегическая инициатива Китая, направленная на содействие экономической интеграции и контактам между людьми в Азии, а также в Европе и Африке. Сотрудничество со странами является важной частью этой инициативы. В статье основное внимание уделено взаимосвязи между инициативой «Один пояс, один путь» и региональным экономическим сотрудничеством со странами АСЕАН, анализу проблем в сфере торговли, инвестиций и туризма, а также даны рекомендации по совершенствованию механизма сотрудничества и содействию устойчивому развитию Юго-Восточной Азии.

Ключевые слова: АСЕАН; экономическое сотрудничество; Китай; «один пояс, один путь»; торговля.

With the acceleration of globalization, international economic cooperation has become increasingly close. Among them, the «One Belt, One Road» initiative is China's strategic measure to promote the interconnection of Asia, Europe, Africa and other regions, and is also one of the important vehicles to

expand China's opening up and promote international trade and investment. As an important part of the «Belt and Road», the relationship between China and ASEAN countries has attracted much attention. How to further deepen the regional economic cooperation between the two sides and achieve mutual benefits is an urgent issue to be resolved at present.

China and ASEAN countries are traditionally friendly neighbors, with close geographical proximity, deep cultural and historical roots, and strong economic complementarity. In the context of globalization, cooperation between China and ASEAN countries has become more frequent in many areas, especially in the economic, cultural and political fields. The «One Belt, One Road» initiative has promoted economic, cultural and people-to-people exchanges between the Middle East and Southeast Asia, serving as a bridge between China and ASEAN countries and laying a solid foundation for exchanges between the people of the two regions.

The «One Belt, One Road» initiative was first proposed at the Golden Autumn Economic Forum in 2013, when President Xi Jinping first proposed the construction of a future-oriented Central Asian economic corridor in his speech at Nazarbayev University in Kazakhstan, signifying the first launch of the «Belt and Road» strategy. This strategy was launched for the first time.

«The One Belt, One Road» is a global cooperation framework that aims to promote economic integration and people-to-people ties across Asia, Europe, Africa and other regions. It encompasses a wide range of cooperation areas and human exchange projects, including infrastructure development, trade and investment, energy, money and finance. Regional economic integration is one of the key objectives of the «One Belt, One Road» initiative, allowing countries to achieve greater economic and policy coordination and to jointly promote economic development and sustainable development in the region. Since then, the «Belt and Road» strategy has been gaining attention and anticipation from all sides.

In 2015, the first «Belt and Road» Forum on International Cooperation was held in Beijing to deepen partnerships and achieve mutual benefits through alliances, and in 2017, at the Boao Forum for Asia in Hainan, President Xi Jinping announced the development of the «Belt and Road» into an open, green and sustainable development. This further emphasized the dual significance of the «One Belt, One Road» initiative in terms of both economic cooperation and cultural exchange. In August of the same year, the National Development and Reform Commission issued the Plan for promoting the construction of «One Belt, One Road» and the Promotion of imports from Countries along the route (2016-2020) to promote the building of a new pattern of opens world economy.

Since ancient times, there have been close ties and exchanges between the two places, with a long history of connections. The Maritime Silk Road is also

one of the important trade routes linking China and ASEAN countries. Today, the development of logistics, capital flow and information flow has provided more opportunities and investment space for the Middle East and Southeast Asia, further bringing the two regions closer and closer together.

According to a World Bank report, ASEAN countries have become one of the most attractive investment destinations in the world, while China has also strengthened its engagement with ASEAN countries in recent years, which includes trade, investment and tourism development. At the same time, the construction of connectivity facilities and the promotion of trade facilitation measures between the two regions have also helped to promote economic development on both sides.

The «One Belt, One Road» initiative has facilitated the deepening of these links and promoted people-to-people exchanges and cooperation between the two regions. Such as exchanges between many academic institutions and enterprises, the initiative has also led to more frequent exchanges in the cultural and artistic fields.

As the world's second largest economy, China is actively involved in various environmental, economic and security matters, and through its cooperation with ASEAN countries, it also promotes related issues and achieves mutual exchange and communication between China and the international community.

Cooperation between ASEAN countries and China is an important part of the «One Belt, One Road» initiative, and one of China's key trading partners. In terms of location alone, China is uniquely positioned to link Central and Eastern Europe, South Asia and East Asia, and is one of the most privileged countries along the Belt and Road. The regional economic integration of Central and East Asia is closely linked to the implementation of the Belt and Road Initiative. Therefore, in deepening regional economic cooperation between China and ASEAN countries, the «One Belt, One Road» initiative will help to achieve inter-regional linkages and accelerate intra-regional trade, people and capital flows, which is important for promoting the «One Belt, One Road» initiative in the region. This is of great significance in promoting the «One Belt, One Road» initiative in the region.

The region is rich in diverse resources, including oil, gas, rare earth metals and other natural resources, as well as developed manufacturing and service industries. Through the «One Belt, One Road» initiative, these resources can be more fully utilized, providing a wider scope and more opportunities for economic growth in the region.

By participating in the «One Belt, One Road» initiative, Central and East Asia can achieve deeper inter-regional economic cooperation and development in terms of building interconnected infrastructure and optimizing trade

facilitation measures. In the process of building the «Belt and Road», countries can get to know each other better through exchanges in the fields of education, culture, science and technology, enhance friendship, strengthen communication and collaboration, tap into their potential and achieve common development. The initiative not only promotes cooperation and exchanges between the Middle East region and other countries and regions, but also provides strong support for the Middle East region's move towards globalization, participation in global governance and the promotion of stable and healthy global economic development.

At present, the regional economic cooperation between China and ASEAN countries under the «One Belt, One Road» initiative has achieved certain results, but it also faces some problems:

Trade problems. The trade volume between China and ASEAN countries has been increasing, but the trade structure is single, mainly in resource-based products and processing manufacturing industries. At the same time, there are still differences in market access between the two sides and trade protectionism is still relatively serious. There are also quality problems and intellectual property issues.

Investment issues. The scale of investment between the two sides is relatively small, concentrated relatively in manufacturing, mineral resources, infrastructure and other fields. At the same time, there are still a number of obstacles in the investment chain in terms of policies, regulations and market access.

Tourism issues. Tourism is an important part of the Middle East Asia region and an important link between China and ASEAN countries. Because of this, realizing the potential of tourism is crucial to advancing regional economic cooperation between the two countries. In reality, however, there is still much to be improved on both sides in terms of tourism resource integration, policy coordination and infrastructure development.

Our suggestions are the next. *Optimize trade structure.* Both sides should harmonize their market access systems, break down trade barriers and promote free trade. At the same time, they should actively expand their trade areas and make use of their respective advantages to form a more diversified trade structure. Both sides should fully respect each other's core interests, abide by relevant international rules and laws, and strengthen communication and cooperation on the basis of common goals and interests.

Breaking down barriers to investment. The two sides should strengthen mutual trust and cooperation in promoting the «Belt and Road» construction, continuously optimize the investment environment, further promote investment liberalization and facilitation, lower the investment threshold, and encourage and guide enterprises with strengths and technological advantages to invest in

each other's countries. At the same time, in the process of promoting the «Belt and Road» construction, it is necessary to pay attention to the emergence of various risk factors, strengthen risk prevention, ensure investment security and smooth project implementation, strengthen the formulation of policies and regulations, investment environment assessment, etc., to provide a more stable, transparent and fair environment for investment.

Deepening tourism cooperation. Both sides should strengthen the integration of tourism resources to achieve complementary advantages and promote cross-border sales of tourism products. At the same time, accelerate the connectivity between the two sides, and should jointly formulate tourism cooperation plans, provide mutual facilitation measures, and improve tourism quality and safety assurance. Actively pursue green and sustainable development, and build a new global cooperation pattern that is open, diversified and interdependent.

Thus, the «Belt and Road» strategy was launched to explore new ways of economic development and growth, as a response and reward to globalization. This initiative, which spans the Asian continent and the sea, provides more opportunities and space for exchanges and cooperation between China and ASEAN countries. In promoting the «One Belt, One Road» initiative, all parties need to promote concrete actions on the basis of equality, consultation and cooperation, in order to achieve mutual benefits and win-win cooperation. The regional economic cooperation between China and ASEAN countries has achieved certain results. However, in the actual cooperation, there are still many problems in the areas of trade, investment and tourism. Therefore, deepening and improving regional economic cooperation between the two sides will help promote sustainable development and mutual benefits. In the face of various uncertainties and challenges, the Central and East Asia region is strengthening mutual trust and cooperation through its participation in the «One Belt, One Road» initiative to jointly promote regional stability and prosperity and achieve mutual benefits and win-win results, which also brings new impetus and hope to regional and global economic development. It is also of great importance in the history of regional economic cooperation in Asia.

References

1. Liu Fengqi, Development trend of Belt and Road and ASEAN countries / Liu Fengqi // J. China Key Conference Papers. – 2015. – iss. 44. – P. 126-129.
2. Dong Jianmin, The significance and prospects of the Belt and Road Initiative for economic cooperation between China and ASEAN countries / Dong Jianmin, Nan Huimin, Zhang Quanyi // J. China's key conference papers. – 2017. – iss. 46. – P. 132-136.
3. Xie Xiaoping, Study on the mechanism of regional economic cooperation between China and ASEAN countries under the «Belt and Road» initiative / Xie Xiaoping // J. International trade issues. – 2016. – iss. 41. – P. 80-83.